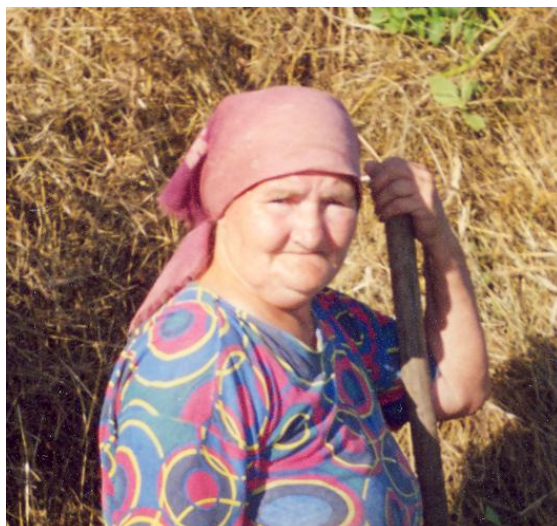

Ю.М.СУХАРЕВ

РЕФТИНСКАЯ СТАРИНА

*Автор посвящает эту работу светлой памяти матери-
Сухаревой Дины Васильевны (1934 – 2011)*

Ю.М.СУХАРЕВ

РЕФТИНСКАЯ СТАРИНА

Об авторе

Сухарев Юрий Михайлович. Родился в 1956 г. в г. Шумиха Курганской области. С 1980 г. живет в поселке Рефтинском. Закончил Свердловский электротехникум связи, позднее - кафедру социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ. Работает на Рефтинской ГРЭС.

Избирался депутатом поселкового Совета (1990 – 94 гг.), депутатом Рефтинской Думы 2, 3 и 4 созывов. Заместитель председателя Думы 4-го созыва.

На протяжении 20-ти лет печатал свои публицистические работы на страницах местных газет «Огни Рефта», «Рефт», «Новый Рефт», «Тевиком +Асбест».

Действительный член Уральского историко-родословного общества, Рефтинского общества родоведов.

С 2007 г. занимается краеведческой работой. Опубликовал исследования «История храмов и приходов поселений по реке Рефт» (2008 г.), «Трудовые лагеря и спецпоселения на территории бассейна реки Рефт» (2009 г.), «Реки нашего края и происхождение их названий» (2010 г.)

Настоящая работа продолжает тему истории Рефтинского края и представляет собой серию статей.

РЕФТИНСКИЙ КРАЙ ДО 1967 ГОДА (ХРОНОЛОГИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ В ГРАНИЦАХ НЫНЕШНЕГО ПОСЁЛКА РЕФТИНСКОГО)

I

Рассматривая историю заселения земель в черте нынешнего посёлка Рефтинского, мы не будем придерживаться при этом строгих административных границ. Границы эти гораздо уже современного «ареала» моих земляков, не вмещают зону их жизнедеятельности. Будем мы говорить и о ближних к рассматриваемой территории поселениях, в той мере, в которой они оказали влияние на её освоение.

Начнём с сотворения мира. Не больше, не меньше. Нет ли следов древнего человека в наших местах? Скажем осторожно: пока не найдено. Ещё аккуратнее: автору о них не известно. Однако 30 - 100 километрами южнее, западнее и восточнее таких находок очень много. Вблизи Нижнего Тагила обнаружены орудия труда эпохи палеолита. Известно Аятское погребение времён неолита (недалеко от Екатеринбурга). Найдены стоянки человека бронзового века у озёр Исетского, Шарташа, Таватуя. Каменогородское городище на р. Синаре, Палкинское городище – это уже поселения людей, лишь несколько тысяч лет недожавших до нашей эры. [26]

Ещё ближе к нам, найденные в пещерах и гротах, следы стоянок древнего человека по левому и правому берегам Пышмы, в том числе - в Сухом Логу. На востоке, у Ирбитского озера, археологи в 19 веке откопали тысячи древних вещей, в том числе керамических и медных. Озеро обследовал в 1889 году Д.Н. Мамин-Сибиряк и за короткое время обнаружил несколько кремней и черепков. Рядом с деревней Малый Таушкан выявлены признаки городища с укреплениями, относящегося к эпохам раннего железа – бронзового века. Крестьянин деревни нашёл бронзовый кинжал на своём огороде. Сейчас это холодное оружие – в областном краеведческом музее. У озера Куртугуз в 1950 – 1980 гг. археологи открыли более сорока памятников, в том числе захоронения древних обитателей. [5]

Таким образом, древние люди, занимавшиеся охотой и рыбалкой, присутствовали по периметру Рефтинского края, и в большом количестве. Несомненно, не обходили стороной они и наши места. Однако следов их обитания пока не выявлено.

В X – XIII веках лесная полоса Урала, к которой относится и наш край, с севера до Пышмы, находилась под влиянием юдинской культуры. Её носителями были предки нынешних манси, или, как их называли раньше – вогулы. Оказывали воздействие на территорию и сибирские татары, главные центры которых находились по Тоболу и Иртышу. Об их влиянии говорит топонимика. Названия Алынай, Буланаш имеют тюркское происхождение.

Ясачная книга 1626 указывает следующие места проживания коренного населения в южной части Верхотурского уезда. Туринские вогуличи (51 человек) жили в трёх юртах: на реке Салде, в устье Тагила и выше по Тагилу. К югу, по правому притоку Тагила Мугаю и Нейве находились невянские остяки и мугайские вогулы – 14 человек. Между устьев северной Салды и Тагила обитали тагильские вогуличи в количестве 25 человек. При озере Аятском и на другой Салде, правом притоке Тагила, проживали «Конбагашева сотня Брилина», из которых одна юрта, на Салде, была населена вогуличами, а другая, на Аяте – татарами и остяками, всего 43 человека. Женщин и детей в подсчёт не включали. [8]

Странной категорией народонаселения являлись пышминские татары. Они не фиксировались ясачными книгами, переписями населения XVII и начала XVIII века, но проявлялись во время бунтов кочевников. Следов их проживания мало. В Указной памяти

на основании Камышевской слободы 1666 года приказчику Семёну Будакову и документе о межевании Калиновской слободы 1773 г. говорится о татарских угодьях и могильниках. Чертёжная книга Сибири С.У.Ремезова показывает юрты Конарски(е) в верховьях реки Кунары. Учитывая это, а также присутствие тюркских топонимов на восточной окраине Рефтинских земель, можно уверенно предположить, что эта территория входила в зону влияния сибирских татар.

II

XVI век – начало заселения русскими Среднего Урала. В 1598 году основан город Верхотурье. Постепенно, двигаясь с севера, заселяются земли южнее. Невьянский Богоявленский мужской монастырь, учреждённый в 1621 г., к середине столетия начинает двигать свои границы на юг.

В Невьянском Богоявленском монастыре был пострижен в монашество и наречен именем Далмат Дмитрий Иванович Мокринский, основатель Далматовской обители, «Исетской пустыни в новой Сибири, под калмыцкой степью, находящеюся от Сибирских городов в четырех днищах». В 1644 г. он, с целью «удалиться от почести, ему предлагаемой» тайно ушел из Невьянского монастыря с иконою Успения Божьей Матери (впоследствии почитаемой, как чудотворная) и поселился в пещере на берегу Исети, на землях сибирских татар, став первопроходцем, строителем монастыря и христианским просветителем этого края

По следам преподобного старца стало продвигаться и крестьянство, движимое Невьянским монастырём, - заселять пригодные земли В 1650 году на высоком берегу Бобровки основана заимка, которая уже к 1659 г. получила статус села и название по церкви – Покровское. [10]

В 1666 году по церковному летоисчислению (в 1657/58 г. по гражданскому) «по указу великого государя велено диким местом в степи на реке Пышме землями и санными покосами владеть Невьянского монастыря строителю старцу Давиду с братией». [4] Это дало начало заселению Сухоложья. Сама монастырская заимка возникла в период до 1662 г., ибо в этот год она уже подверглась нападению кочевников.

В древних документах второй половины XVII века уже фигурирует название реки Рефт в форме «Ревут» и «Ревутинка».[24, 5]

Из переписи 1679 г. также следует, что во второй половине XVII века часть земель бассейна реки Рефт находилась в хозяйственном обороте и даже являлась предметом имущественных споров между государством и Тобольской епархией. Решением Вехотурского воеводы Федора Хрущева от 1674 г., без указа Великого Государя, Сибирскому митрополиту были отданы земли «от башкирского броду вверх по Пышме реке до речки Ревутинки и по другую сторону той речки восемь верст, а поперек от Пышмы реки до Куртугуза озера четыре версты, да от Пышмы ж реки до вершины Шаты и Ревутинки речек по три версты».

Как мы видим, к этому времени главная река нашего края уже имеет название. В 1670 году приказчик Арамашеской слободы Илья Будаков писал на Верхотурье в челобитье: «И ныне сказывают многие люди: от Арамашевы слободы за днище вверх по Пышме реке на дороге Катайской, что ездят из Арамашевы слободы, на усть Ревуту речки, что падет в Пышму реку, есть де пахотные земли». [24]

Ревут – старославянское слово, означает «ревуший». Скоро слово трансформировалось в Ревт. Чуть позднее имя реки нанесли на карты как Рефт, из-за фонетической неразличимости звукосочетаний «евт» и «ефт».

Следует различать административную принадлежность территории и право владения землями. В середине XVII века территория бассейна реки Рефт, а также и южные Пышминские земли, административно входили в Верхотурский уезд Тобольского разряда (с 1708г – Сибирской губернии). В 1710г поселения по Пышме, в т.ч.

Новопышминская слобода, вместе с ближней к нам д. Ирбитской (ныне – Алтынай), были переписаны в составе Тобольского уезда Сибирской губернии.

Перепись Тобольского уезда 1710 г. показывает, что в Новопышминской слободе (включавшей в себя территорию нынешнего Сухоложья), у устья Ревута речки возникли деревни Брусаянская (48 дворов) и Рудакова (32 двора). Имя последней через некоторое время преобразовалось в Рудянскую. А километрами десятью выше устья – деревня Ирбицкая на 12 дворов (позднее Ирбитские Вершины, ныне п. Алтынай). Эти три деревни, позднее – сёла, наравне с с. Покровским, сделали вклад в освоение территории, ныне относящейся к посёлку Рефтинскому.

Заселение русскими юга Верхотурского уезда сильно сдерживалось набегами кочевников. Автор не может обойти стороной историю первого башкирского бунта, который начался в 1662 г. и продолжался на Урале до 1668 г. Дело в том, что важные и драматичные эпизоды этого восстания происходили по периметру Рефтинского края.

6 августа 1662 г. в Тобольские и Верхотурские слободы стали поступать сообщения о том, что Китайский острог, Далматов монастырь, Пышинская деревня Невьянского монастыря и еще несколько слобод кочевники разорили, «а также немало людей побили и скот отогнали и дворы выжгли», а башкирцы, черемисы и приезжие татары стоят де под Китайском неотступно, а иные, езда по слободам, воюют.

Туринскому воеводе 23 августа отправлена депеша, в которой, в частности, сообщалось о важной победе. Строитель Невьянского монастыря старец Давид сделал то, что не удавалось военным. «Побил в походе воровских татар человек с двести; а под Китайским острогом побили воровских татар на приступе человек 50». Очевидно, что бои эти проходили в степях между Пышмой и Исетью. Возможно, Давид пытался отбить пленённых монастырских людей. Между тем, оставшиеся живыми крестьяне монастырской деревни на Пышме Кирлко Федоров да Олешка Матвеев прибежали в Белослудскую слободу (вблизи Ирбита) и сказывали, что приезжали к ним калмыцкие воинские люди, и деревню их де повоевали, и дворы выжгли, и людей посекали и скот побили.

Победа Давидова, вероятно, случилась сразу же по разорению кочевниками его Пышминской вотчины (до 6 августа), потому что 16 августа он занимался уже другим – докладывал в Невьянский острог приказчику Семёну Пелымскому о результатах допроса пойманных в Арамашево аятских вогуличей Васки Илтюкова и Ахматайки, с жёнами и детьми. Те дали признательные показания, и сообщили, в частности, что бунтовщики поставили по речке Бобровке караул из 7 человек, который возглавляет известный Туринский татарин Безпелдюк. По ходу допроса и переписки выясняется, что нападения были и на с. Покровское, и на с. Глинское.

31 августа бунтовщики разоряют с. Писанец. Тем временем Верхотурский воевода Иван Камышин направляет приказчика Фёдора Головкова, да с ним всяких чинов охочих людей, с главным заданием – взять «языка». И опять на сцене появляется старец Давид. Есть у него «язык»! Крестьяне «изымали» при нападении на с. Писанец татарина Таймышку, а он, Давид, прибрал его в селе Покровском. И 31-го же августа Таймышка даёт ценные показания. Разумеется, под пытками, по обычаю того времени. Стоят де воровские татары на Ирбитской вершине.

«Федор взял того Таймышка с собой, за воровскими татарами с служивыми людьми ходили и сошли де они тех воровских Татар на Ирбицкой вершине и Пышме реке, стоят в крепких местах, и бой де у них с теми Татарами был большой, и Божей милостью и великих государей счастьем тех воровских Татар человек с двадцать и болши побили и многих Татар ранили, да на том же де бою был с теми Татарами Япанчинский ясачный Татарин Безпелдючко, и его де Безпелдючка ранили и ранен он валился в болото, а остальные Татаровя разбежались».

Кочевники стояли где-то между нынешним посёлком Алтынай и д. Рудянка, рядом с Пышминской дорогой. Разбежаться они могли только лесными тропами, поскольку

основная дорога явно контролировалась служивыми людьми Фёдора Головкина. Если беглецы уходили на запад, то попадали на территорию, ныне занимаемую п. Рефтинским и предприятиями посёлка. Раненые бойцы выживают не всегда. Вот таким образом могла оказаться кольчуга, о находке которой при строительстве ГРЭС существуют легенды, в нашей, казалось бы, совсем не боевой местности.

Взята здесь в плен была некая Япанчинская татарка, которая рассказала, что «Мурзинскую слободу, и на Пышме монастырскую деревню и Покровское село воевали Пышминские Татары, и Оятския волости Вогуличи, и Терсяки, и Наган, Миляшка да Безпелдючко с товарищи; да Татарин же де Таймышко, который с Федором Головкиным ходил вожем».

Лето следующего года оказалось не менее драматичным. В этот раз кочевники начали разорение с Покровского, затем продвинулись в Арамашево и осаждали его. С бунтовщиками, по словам офицеров и строителя Давида, был «Кучук царевич». Не сумев взять Арамашево, «башкирцы» стали уходить в сторону Покровского. А от него на юг одна дорога – та самая Пышминская. Водораздел Рефта и Ирбита – кратчайший и единственный не болотистый путь на юг. 6-го июля прибывший из Тобольска полковник Полуехтов с воинами отправился из Невьянского острога по сакме (конскому следу) кочевников в сторону села Покровского «на тех изменников». В районе нынешней деревни Гостыково произошёл крупный бой. Участвовали в сражении и монастырские ополченцы во главе с тем же старцем Давидом. [61, 6]

Изучая маршруты набегов кочевников на Покровское и другие селения к северу от Пышмы, выясняется следующее. Шли они туда «выше новые Пышинские слободы через Пышму реку, и не по одному месту, потому что Пышма река мелка». [62]

Зная, что новая Пышминская слобода (была построена только в 1681 г.) находилась в пятистах метрах ниже устья Брусянки, понятно, что где-то в районе этого устья и форсировалась река. Далее известные точки – вершина Ирбита и с. Покровское. Между этими пунктами оптимальный путь – водораздел бассейнов Рефта и Ирбита, который совпадает с Покровской (Пышминской) дорогой, просуществовавшей почти до конца 20 века. Дорога проходит мимо посёлка Золото и рядом с болотом Рудным (возле второго золоотвала).

Целью пресечь выход кочевников на этот путь со степной стороны Пышмы и было устройство острога на землях незаконной митрополичьей заимки. Строительство было начато по указу Государя в 1681 году и в том же году закончено Верхотурским сыном боярским Семёном Будаковым. Место, где «пристойно» должно было быть оборонительному сооружению, требовалось выбрать так, чтобы «приход воинских людей на Верхотурье перенять (пресечь) мочно». Для этого Москва требовала произвести «обыск», т.е. опрос жителей ближних слобод, где, мол, раньше кочевники реку переходили.

Опрошена была куча народу в Краснопольской, Ирбитских слободах, а также жители местные – монастырской и митрополичьей заимок. Ответ был такой, что, когда «Калмыки и Башкирцы» шли на Белую Слуду и Киргу, а в другой раз – на Покровское и Арамашево, то их приход из степи был «пониже Невьянского монастыря заимки по Алиидинину броду /.../ выше новые Пышинские слободы через Пышму реку, и не по одному месту, потому что Пышма река мелка».

Судя по всему, сначала острог построили, а потом уже стали разбираться, насколько выбранное место «пристойно». Острог оказался «не у места». Кроме того, что проходу «воинских людей» он несколько не мешал, но и сам просматривался и простреливался с трёх сторон, а приступ имел – с четырёх. Это установил, направленный из Верхотурья, сын боярский Михайло Мещеряков. Находился острог в «сажень ста с полтора» ниже устья речки Брусянки, на правом берегу Пышмы. Это значит, метрах в пятистах.

На этом месте, чуть южнее, через 20 лет проявится Знаменский погост, позднее – село Знаменское. А острог, предназначенный для препятствования проходу воинственных кочевников в верховья Ирбита (и далее по Ирбиту вниз или на Покровское), исчезнет.

Таким образом, в 17-м веке часть периметра Рефтинского края использовалась для транзита с севера на юг и обратно. Во время воинских столкновений, которые, как мы видим, на этом пути случались, действия поневоле распространялись и на прилегающие территории.

Первый период освоения края условно можно назвать «сельскохозяйственным». Он продолжался почти до конца века XVIII. Земли Рефтинские, в том числе и территория, на которой много позже разместится одноименный поселок, служили для исконных крестьянских нужд – сенокос, сбор грибов и ягод, возможно – охота и рыбалка, заготовка леса для своего двора. Обработка земли производилась лишь вблизи устья Рефта, у тех самых трёх селений.

Вот примеры такого воздействия. В долине речки Осиновки, впадающей в Малый Рефт в зоне питьевого водохранилища, с давних пор (с XVII века) были расположены покосы, принадлежащие покровским крестьянам. [3]

Выше Осиновки речки Малая и Большая Кайгородка. Несомненно, название рек исходит от фамилии Кайгородов, бытовавшей в Покровском.

Река Марковка. Протяженность три с половиной километра. Впадает в М.Рефт почти там же где Осиновка, только с другого берега. Название происходит от фамилии Марков. В Покровском проживали с начала XVIII века две семьи Марковых, но одна из них быстро пресеклась.

Река Стригановка. Впадает в Рефт в полутора километрах ниже Шамейки (после поселкового кладбища). Безусловно, название реки от фамилии Стриганов. Как указано в источнике «самый многочисленный род в Покровском». [3, 6]

Междуречье Рефта и Бобровки находилось в зоне влияния крестьян села Покровского. Основной ресурс территории в это время – покосы. Вдоль речек травы всегда хороши. Весеннее половодье приводит к обильному их урожаю вдоль водотока. Длительное пользование таким покосом закрепляло имя пользователя за речками-ручьями.

Ручей Панов Лог. Главная версия происхождения названия ручья – антропоним, от фамилии Панов. В Новопышминской слободе носителей такой фамилии было достаточно. Особенно много Пановых проживало в д. Бруснянской. То же можно сказать о речке Кирилловке. Фамилия Кириллов, в разных написаниях, широко присутствует в Сухоложье. В последней четверти XVII века крестьянин митрополичьей заимки Ларка Кирилов держал мельницу на речке Бруснянке, впадающей в Пышму (Сухоложский район, вблизи устья Рефта). [5, 31]

Таким образом, вероятнее всего вдоль речек в черте нынешнего посёлка Рефтинского располагались покосы крестьян сухоложских деревень, ближних к Рефту.

На Урале вдоль речек всегда хорошие покосы. Весеннее половодье приводит к обильному урожаю трав вдоль водотока. Скошенная трава сохнет в рядках, затем её сгребают в копны. Из копен мечут стога, которые огораживают от лесной или домашней животины. К дому обычно перевозили сено уже зимой, на санях.

Косить начинали с Петрова дня (12 июля по новому стилю), если погода не мешала этому, и продолжали до сентября, а то и дольше, пока трава не высыхала на корню. Хотя последние укусы уже худы, скотина от них нос воротит, если не оголодала.

На одну лошадь полагалось 50 пятипудовых копён сена. Расчёт вёлся на рабочую скотину. Жеребята должны были довольствоваться соломой, даже и пшеничную мякину им редко давали. На овцу или козу полагалось по пять копен. На корову заготавливалось по 20 копен, но некоторые кормили бурёнок исключительно соломой, особенно овсяной мякиной и колосовой. Только дойным коровам и однолетним телятам давалось немного

сена, а старшие стояли на соломе. Свиной питали мякиной, прибавляя к ней отрубей. [12] Вот так нелегко жилось скотине до Советской власти...

Изучая многотомное собрание сочинений пермского краеведа XIX века Василия Шишонко, наткнулся на описание охотничьих угодий, переданных в пользование семье бывшего крестьянина Рычкова. Не сразу понял, что речь идёт о Рефтинских землях. Мешали несуществующие в природе топонимы «Малый Реж, Большой Реж». Но истинные названия болот подсказали: Шишонко ошибся, расшифровывая древнюю рукопись. Речь в ней шла о притоках реки Рефт.

Документ является памятью прикащику Арамашевской слободы Елисею Козловскому об указе Великого Государя Петра Алексеевича и, на основании одного, приказе коменданта Верхотурской Приказной палаты И.И.Траханиотова об удовлетворении челобития бывшего крестьянина Ивана Иванова сына Рычкова, поданного 4 марта 1713 года.

А в челобитной той написано: « Жил де он в арамашевской слободе в крестьянстве и пахал государевы десятины - пашни /.../. В прошлом - де 721 (очевидно, опечатка. Видимо – 1712 г. – Ю.С.) тое десятинную пашню и всякие денежные платежи он, Иван, повыток свой сдал из гулящих Ив. Тим. сыну Третьякову с детьми /.../ и сам-де он Иван, почал быть стар и скорбен и В.Г. пожаловал бы его, Ивана, велел сыну его, Михаилу, в Верхотурье быть в новошном яшашном платеже и платить по полу ясаку в оклад Мугайской волости зверем /.../ и жить ему двором и пашню пахать и сено косить в деревне умершего крестьянина Сергея Кочнева, а для звериного промысла в лес ходить всякими лесными угодьями и владеть – с Режу реки с Усть-Шаквы речки на *Травяное озеро, на Островистое болото, на Малый Рефт и вниз, по тому Рефту, до Усть-Большого Рефту, да вверх по Малому Рефту до вершины* – до Одуя, да вниз по Одуя, Режу, а вниз по Режу до той же деревни до Бобровки речки и вверх по Бобровке, по обе стороны речки, до Останиной деревни...». [62a]

Все топонимы можно найти и на современной карте, кроме Шаквы речки. Река Одуя, разумеется - Адуя. Травяное озеро и Островистое болото – водные объекты бассейна Рефта.

Это пока единственный столь древний документ, персонифицирующий право владения землями по реке Рефт.

III

Тем временем для самих сёл, считавших рефтинские земли своей полезной периферией, времена меняются. В самом начале XVIII века Невьянский монастырь, как и другие монастыри России, попадает в опалу. Царь Петр I не без основания видел в институте монашества противника своих преобразований.

Потеснив монастыри, на сцену российской истории поднялись заводы. Косалось это и безлюдного Рефтинского края. В 1701 г. начал работать Каменский казённый железоделательный завод. Позднее, в 1774 г., даёт первый чугун домна Р.ежевского завода. С 1727 года на базе Екатеринбургских казенных горных заводов был создан Екатеринбургский монетный двор. Здесь не случайное перечисление - эти предприятия непосредственно будут воздействовать на Рефтинский край, как мы увидим позже.

Карта, составленная в 1734-1736 гг, относит территорию от истоков Пышмы до Камышлова (с запада на восток), и, примерно, от Каменска до Ирбита (с юга на север), уже не к Верхотурскому уезду, а к «ведомству Екатеринбургскому».

С 1781 г., после образования Пермской губернии, были установлены четкие границы между уездами, просуществовавшие до революции 1917 г. Бассейн реки Рефт, кроме низовья, находился в Екатеринбургском уезде. Низовье, от точки впадения в Пышму и, примерно, до точки напротив (западнее) села Ирбитские Вершины, относилось к Камышловскому уезду. На севере, по озеру Белому (бассейн р. М.Рефт) и вдоль р. Бобровки проходила граница между Екатеринбургским и Ирбитским уездами.

Таким образом «ареал» расселения сегодняшних рефтинцев находился с конца 18-го века в Екатеринбургском уезде Пермской губернии. В 19-м веке (до середины столетия) было введено волостное правление. Территория бассейна реки Рефт почти вся входила в состав Белоярской волости Екатеринбургского уезда. Исключение – верховье и среднее течение М.Рефта, включенное в границы Режевской волости этого же уезда.

Это административная подчиненность. А право владения этими землями во второй половине 18-го века было закреплено за казенными предприятиями – Каменским заводом, Режевским заводом и Екатеринбургским монетным двором. Здесь нужно оговориться – не всеми землями, а лесными массивами. Но так, как Рефтинский край представлял из себя сплошной лесной массив (за исключением южной, камышловской части), то эти заводы и распоряжались территорией. Отвод земель был не бессрочным. Срок определялся мощностью завода, его обеспеченностью рудой и др., чаще всего на 100 лет, с возможностью продления. Границы этих лесных дач не совпадали с административными. Каменская лесная дача включала в себя части территории Екатеринбургского и Камышловского уездов. Режевская дача – Екатеринбургского, Ирбитского и Камышловского.

Заготовка дров, углежжение – вот деятельность, которая преобладала в нашем крае вплоть до 20-го века. Смысл владения лесными дачами для заводов можно выразить одним словом – топливо. Однако территория использовалась для заготовки леса и дров для нужд не только заводов и монетного двора, но и рабочих этих предприятий, покосов для них.

Сразу скажу, что поселок Рефтинский, вместе с прилегающими землями, находится на территории бывшей Каменской лесной дачи. Она граничила с Монетной дачей по озерам Талицкое и Щучье (ныне исчезли, восточная часть г. Асбеста). Далее на северо-восток, примерно по руслу р. Пешёрки до ее устья. Это уже граница с Режевской дачей. Далее на северо-восток, почти до села Покровского. Это верхняя точка. Затем – на юго-восток, почти до с. Ирбитские Вершины (ныне п. Алтынай).

Этот период в истории края можно назвать «заводским». Он продлится до начала 20-го века. Истинными хозяевами земель становились заводы. Проводниками их власти – лесничие.

Для Каменского завода, несмотря на огромную площадь дачи, лес был проблемой. Лесное пространство занимало 65 – 78 (по разным данным) тысяч десятин. Для сравнения – в Монетной даче почти в два раза больше. [32]

Основная часть Каменской дачи находилась южнее Пышмы, в лесостепной зоне. К началу XIX века каменцы вырубili все колки вокруг завода. В 1818 г. лесничий Уральских горных заводов И.И.Шульц, экспериментально воссоздал здесь 2,4 га сосны. К 1833 г. общая площадь культур, созданных различными методами в этой даче, достигла 52 десятин 622 саженьей.

Озабоченность сохранением лесов присутствовала и в обществе и у государства начиная со времен Петровской «индустриализации». «Великой расход лесу, употребляемого для выварки соли, на строение судов, заводов, на жжения угля и прочия нужды сельских и городских обывателей, ежегодно причиняет уменьшение лесов и в самых обильнейших оными уездах, и сие уменьшение год от году чувствительней долженствует становиться, что сей убыток едва может весь замениться размножающимся через самого себя лесом. Ибо дровосеками порублены были красные леса, оставлены будучи без всякого призрения зарастают негодным для строения и угля заводского лесом или мелким кустарником. Сколько бы полезно было для лесоводства, если бы г-да заводчики, пользуясь изданным для обер форштмейстеров уставом, под державой щастливо Царствующего над нами мудраго Всероссийскаго Государя Императора ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, неусыпно пекущегося о благоденствии своей Империи, побуждали своих подчиненных размножать лес /.../ на вырубленных или других удобных местах и более бы радели о сбережении лесу; а через сей способ не скоро бы увидели тот

недостаток в лесе для заводов необходимым, который во многих местах уже приметен, а со временем и гораздо приметнее быть может./.../ А к горным заводам уголь возят за 30 и более верст. /.../ Менее уже лесов по Пышме, Исети и впадающим в оные речкам». Это написано ещё в 1800-м году.[12]

Про Каменский завод, на рубеже XVIII и XIX веков, сообщалось исследователями того времени: «Самое большое несовершенство этого завода состоит в том, что в окружности оного нет лесу и уже в 1770 году привозим был уголь за 60 верст; ныне же возится уголь за 55 вёрст». [12]

Речь здесь идёт о древесном угле. Для сравнения: рубка леса на пространстве Режевской дачи даже в 1900-м году велась с соблюдением среднего расстояния 27 верст. [37]

К середине XIX в. в Каменской даче лесом была занята лишь треть площади, курени находились в 50-100 верстах от завода. [28] В 100 верстах – это уже земли Рефтинские.

Иногда жители посёлка натываются на остатки углежжения. Находили их на Рассохах и вдоль речки Осиновки. Говорят, что один из куреней находился у т.н. «первого гастронома», в черте посёлка.

Какую технологию применяли предки, заготавливая древесный уголь?

Процессом обугливания древесины стараются удалить из неё гигроскопическую воду, кислород, серу с возможно меньшею потерей водорода и углерода. Главное условие, отвечающее такой задаче — прекращение доступа воздуха или, по крайней мере, возможное его ограничение. При этом стремятся получить продукт, состоящий только из углерода и водорода — горючих элементов топлива. Для чего накаливание ведут медленно при сравнительно низкой температуре. Реально получение древесного угля чаще производится с участием воздуха (костровое, ямное, печное углежжение), но под условием такой регулировки его притока, чтобы полное горение было невозможно, а действие его сводилось лишь к развитию тепла в таком количестве, какое необходимо для обугливания.

В связи со специфическими условиями (отдалённость, отсутствие хороших транспортных путей), в XVIII – XIX вв. здесь могло присутствовать лишь костровое углежжение. Костры, по способу кладки дров, бывают стоячие, лежащие и средние (совмещающие оба способа кладки). Место кладки костра (ток) не должно быть ни очень сыро, ни сухо; его перекапывают для удаления камней, корней и дерна и выравнивают. Лучше, если почва суглинистая (рыхлый суглинок), а еще лучше, когда ток уже покрыт угольным мусором (старый ток), потому что на новом токе выжиг на 15 — 20% менее, чем на старом.

Стоячий костер углежого называли «стогом». В центре будущего костра ставят кол или три доски с распорками, образующие трубу. В первом случае, от подошвы кола ведут горизонтальный канал, служащий для зажигания кучи, во втором (тирольский способ) — для этого служит труба. Поленья ставят стоймя, обыкновенно в два яруса, тщательно избегая пустот и больших промежутков; в верхней части поленья горизонтальны (чепец костра); кладку заканчивают, засыпая пустоты мусором, закладывая их мелкими поленьями, прутьями и проч., после чего делают покрывку костра, предохраняющую его от доступа воздуха. Она состоит из хвороста и дерна, обращенного травой к дровам.

У основания костра остается непокрытая дерном зона в 4 — 8 вершков. Сверх дерна делается еще обкладка из песка, глинистой земли или, чаще всего, из смеси земли со смоченной угольной мелочью (осыпка, чернение). Покрывка на "чепце" делается толще для преграждения прохода воздуха. Костры делают от 1 1/2 до 8 сажень диаметром; у больших костров отношение поверхности к объему менее, чем у малых, и, след., менее и охлаждение. Поленья берут в 1 1/2 — 3 аршин длины при толщине около 4 вершков; дрова должны быть зимней рубки, как лучше высыхающие; объем кучи бывает от 2 до 30 куб.

сажень. Невыгода больших костров та, что получаемый У. менее прочен и работа при них очень тяжела. Лучше всего костры от 10 до 15 куб. сажень. Костер зажигается через трубу или через горизонтальный канал, но в обоих случаях горение идет от "чепца" к подошве, т. е. сверху вниз. Зажигание костра производится в безветренный день, так как первое время надзор за костром очень труден.

Первое действие жара состоит в выделении воды из дров — костер "потеет", выделяет тяжелые желтовато-серые пары; иногда внутри костра образуется в этот период гремучая смесь и происходят взрывы; костер сильно оседает, покрышки разрываются, и чтоб он не вспыхнул, надо выровнять, пополнить костер (сняв покрышку), осадить обгоревшие места и вновь покрыть. Этот период длится иногда более недели (при больших кострах). Нижняя, открытая зона костра играет при этом роль регулятора процесса.

Когда выходящие тут пары приобретут пригорелый кислый запах и светлый цвет, то закрывают и нижнюю часть костра и оставляют его так на 3 — 4 дня: в разгоревшемся костре идет в этот период углеобразование при сравнительно незначительном доступе воздуха; обугливается вся средняя часть кучи; эта обугленная середина имеет вид конуса, обращенного основанием кверху; поэтому, чтоб вызвать горение, у поверхности кучи пробивают по окружности ее отверстия (свищи) сначала у основания, а потом на середине высоты кучи (другой ряд). Иногда делают и 3-й ряд отверстий. Отверстия закрывают по мере появления слабого синеватого дыма и, регулируя таким образом горение, доводят операцию до конца. Куча в 9 — 15 куб. саж. требует 10 — 16 дней; охлаждение кучи (после забивки дерном всех отверстий) длится полтора — двое суток. Операция заканчивается разбиранием кучи, причем горящий еще уголь забрасывают землей и заливают водой.

Лежачий костер, называемый ещё «кабаном» за похожесть формы, делается от 3 до 5 аршин в ширину и от 3 до 6 саж. в длину; высота изменяется от 1 арш. у одного конца ("подошва") до 6 арш. у другого ("парус"). При горизонтальной кладке поленьев угля получается более, но процесс идет медленнее. Ширина костра равна длине обугливаемых плах (колод), причем для плотности кладки последние должны быть очень хорошего качества и, следовательно, очень ценны. Управление огнем производится и тут помощью отверстий, пробиваемых постепенно от "подошвы" к "парусу". По мере обугливания, нижний конец (готовый уголь) разбирают, тушат и вновь закрывают, пока костер не получится кубический, тогда выбирание угля прекращают и операцию заканчивают обычным образом, как для стоячих костров.

Годовой цикл заготовки угля был такой. Рубку дров производили весной, «кладку оных в кучи, дернение, осыпку, зжение и разломку осенью, а вывозку на завод угля зимою...». [11, с. 69]

Работы эти выполняли крестьяне, приписанные к заводам. К Каменскому были приписаны Багарякская слобода (ныне Каслинский район Челябинской обл.), Калиновская слобода (ныне юго-западная часть Камышловского района) и Катайский острог (г. Катайск Курганской обл.).

В 1779 г. императрица Екатерина II утвердила специальный указ «О приписных крестьянах заводов ведомств Берг-коллегии...». «Приписным /.../ к казённым или частных людей заводам крестьянам исправлять /.../ следующие заводские работы, а именно:

- 1) Рубку куренных дров.
- 2) Разломку куч и возку из куреней на заводы угля. /.../ Запрещается требовать иных работ при заводах».

Устанавливался и срок исполнения этих работ. «К рубке дров крестьянам быть на месте к 15 февраля. Ранее сего к работе сей их не высылать. Домой им возвращаться к 20 апреля, позже сего на работе сей их не удерживать. /.../ Наряжать к вывозке выжженного из кучи угля /.../ первым зимним путём /.../. Домой им возвращаться последним зимним путём». [11, с. 85 - 86]

В 1814 г. отменена приписка крестьян к заводам. Весь цикл углепоставки выполняли уже заводские работники. Куренные работы были хуже каторжных. В секретной записке чиновников Уральского горного правления Главному начальнику, от 18.09.1858 г., сообщалось о притеснениях углежогов Сысертского завода. Вряд ли на Каменском заводе практика существенно отличалась. При высылке на работы старшина с приказчиком и подлесничим разъезжали по селениям и каждого непрямого работника, не успевшего отправиться, наказывали розгами. То же самое происходило на куренях за невыполнение нормы, от чего, завидев начальство, рабочие убегали в лес. За недоработку, после побоев, отправляли в полицейский участок, где держали под стражей неделями. Не имея пропитания в лесу, углежог ходил за хлебом домой, за что также наказывался при поимке. Главное наказание – побои, от которых были и смертные случаи. [12, с.178-180]

Жильё на куренях было понятно каким... Землянки, шалаши, балаганы. Конечно, карты того времени их не зафиксировали.

Некоторое представление о человеческой деятельности на территории края даёт дорожная сеть, отражённая на плане генерального межевания Пермской губернии. План утверждён в 1888 г., но считается, что само межевание производилось с начала века XIX. Километрах в четырёх южнее нынешнего посёлка Рефтинского, с запада на восток, примерно – от р. Пещёрки до р. Роговушки, проходила дорога. С юга, со стороны р.Пышмы, она принимала ещё четыре, в свою очередь имеющих ответвления. То есть южнее этой «главной» дороги дорожная сеть была очень насыщенной, что, видимо, отражало лесозаготовительную ситуацию на момент составления плана. На западе эта «основная» грунтовка уходила на север вдоль правого берега Пещёрки до её устья, пересекала Б. Рефт и М.Рефт выше Рассох, шла на северо-запад вдоль левого берега М.Рефта и затем резко поворачивала на север, к Белому озеру.

На востоке, она же, повернув на север, пересекала Рефт и шла вдоль правого берега р. Стригановки (за нынешним кладбищем), очевидно соединяясь дальше с Покровским трактом.

Этот тракт помнит Петера Симона Палласа «рыцаря, академика Санкт-Петербургского, много в заброшенных землях ради природы вещей изысканий проводшего», как указано в его эпитафии.

Петер Симон (Пётр-Симон) Паллас (нем. Peter Simon Pallas; 1741—1811) — знаменитый немецкий и российский учёный-энциклопедист, естествоиспытатель, географ и путешественник XVIII—XIX веков.

По личному поручению императрицы Екатерины II Паллас проводил исследования. Его сопровождали жена, дети и небольшой отряд. С 21 июня 1768 года по 30 июня 1774 года отряд побывал в центральных губерниях, районах Поволжья, Прикаспийской низменности, Урала, Западной Сибири, Алтая, Байкала и Забайкалья.

30 июля 1770 г. он прибыл в село Покровское (ныне - Артемовский район). Оттуда экспедиция направлялась в сторону Сухоложья, через Ирбитские вершины. Из-за непогоды отряду пришлось переночевать в «новой о четырех дворах деревне». Это деревня Бродовка, позднее включённая в состав Покровского. Следующий день «был приятной и теплой, но дорога двадцать верст через сосновые и березовые рощи лежащая столь же как и прежняя не годна». «На дороге встречаются два маленьких ручья Икрянка (речка, чуть выше п. Золото. – Ю.С.) и Алтиновка, на коих при первом полагают половину расстояния от Покровска до деревни Ирбитских Вершин, куда я после обеда приехав очень долго своих повозок дожидался».[5]

Эта дорога именуется Пышминской в документе 1685 года. Тем самым указывается её магистральное значение, а не местное, межпоселеческое. Егоршка Коровин бил челом Верхотурскому воеводе о межевании своей земли. Думается, фамилия просителя не Коровин, а Кожевин (ошибка В.Шишонко при расшифровке рукописи), основатель Егоршинской деревни. Егоршка был себе на уме. В прошлые де года была ему дана земля и чертёж на неё был, а сейчас чертежа нет. А было той земли де от устья речки Татарской

Бобровки вверх по Ирбиту до вершины, а с вершины по Пышминской дороге до Белого озера, а оттуда по речке Грязнушке до Татарской Бобровки, а по ней – межа с землями монастырского села Покровского». Землю ему отмежевали, но не как он заявлял – от речки к речке, а скромней, от берёзы виластой к берёзе кудреватой и т.д. [62a]

Но нам не это главное. Главное, что дорога была, называлась Пышминской и пролегла через Ирбитские вершины, мимо озера Белого. То есть это та, древнейшая транспортная артерия в нашем крае.

IV

На исследователей того времени край Рефтинский производил впечатление малопригодного для жизни человеческой. Полковник П. И. Миклашевский, директор Екатеринбургской гранильной фабрики, так описывал свои впечатления от поездки на изумрудные копи Большого Рефта в мае 1860г.: «Только крайность или слепой случай могли занести человека в тот дикий угол Екатеринбургского округа... /.../ Как сам Большой Рефт, так и вся система вод, составляющих его притоки, протекают в берегах мягких и болотистых, покрытых густым лесом; оттого почва не способна ни к какому другому прозябанию, а болотистые испарения, заражая воздух, делают климат нездоровым. И как будто нарочно на этом месте, куда ничто не может привлечь человека, природа положила в недра земли драгоценный камень».[45]

Начало разработки изумрудов и довольно бурная жизнь на этих приисках вряд ли заметным образом повлияла на территорию, занимаемую ныне пос. Рефтинским. Однако обстоятельства открытия месторождения указывают на ещё один вид промысла, существовавший в наших краях.

В 1830 году белоярский крестьянин-смолокур Максим Степанович (Стефанович) Кожевников открыл уральское изумрудное месторождение «на берегу Большого Ревта, там, где река эта принимает в себя небольшие речки: Таковую, Старку и Шемейку». Вот как обрисовывает это событие в книге «Драгоценные камни» М.И. Пылаев (словами очевидца): «Был у нас тут наш белоярский крестьянин Максимко Кожевников. Парень дошлый, смотрел все, где как парубка откроется, да пни появятся, он их выкорчевывал да смолу гнал. Как-то зашел Максимко за пнями на правый берег Токовой, что падает в Рефь, да меж корней сушины, вывороченной бурей, напал на струганцы (кристаллы), да самоцветные». Из данного сообщения получаем и сопутствующую информацию. Стало быть, рефтинская тайга была и местом лесного промысла (смолокурения) для обитателей окрестных поселений.

Когда находят следы углежжения в ямах, это, скорее всего, место выгонки дёгтя, а не подготовки угля. Энциклопедия говорит: «Обугливание в ямах имеет в виду деготь, а не уголь; употребляется при этом смолистое дерево. Яма коническая, с подземным отводом дегтя; дерево помещается стоймя, крышка дерновая». Дёготь стоил денег, его можно продать. Крестьянам окрестных сёл, живших натуральным хозяйством, копейка, ох, как была нужна. А пеньков тут хватало.

Добыча драгоценного камня создала потребность в сносном жилье для рабочих и управителей, подсобных помещениях. И впервые за всю историю в бассейне Рефта на приисках появились некоторые капитальные строения – казармы, дома, конюшни.

Оказалось, что в земле Рефтинской есть нечто более привлекательное, нежели пеньки – сырьё смолокуров. Первое известное сообщение об открытии золотых россыпей в долине Б.Рефта относится к 1824 г. Месторождение находилось по левую сторону реки, в 50-ти верстах от Берёзовского завода.

В 1836 г. открыто месторождение на р. Шемейке. Прииск назывался Рефтинский-2. В 1839 рядом появился Покровско-Даниловский прииск. Месторождения привлекли золотоискателей. Блеск Рефтинского золота беспокоит их с тех давних лет до сего времени.

Щуровский Г.Е., в изданной в 1841 г. книге «Уральский хребёт в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношении», среди других групп россыпей золота, перечисляет и «Ревтинское в округе Екатеринбургском».

Таким образом, на «заводской» период освоения края наложился «приисковый». Бойко трещали костры старателей. А по логам стелился горький дым куреней углежогов.

Добыча золота в «нашей» части Рефта началась, по косвенным данным, во второй половине XIX века. В геометрическом плане площади т.н. «Золотой полоски» указано, что участок потомственного почётного гражданина Федора Федоровича Щелкова открыт сыном канцелярского служителя Виталием Павловичем Бузуновым 2 июля 1885 г. [5]

Сама «Золотая полоска» находилась по водоразделу рек Рефт и Ирбитка, вдоль Покровского тракта (известного нам), в районе нынешнего посёлка Золото.

Другой участок, отданный под разработку золота (в этой части Рефта) находился выше по реке. Это километрами двумя выше и ниже нынешней плотины водохранилища. Но в 1897 г. участок уже был возвращён казне. Неработающими были и две делянки в районе устья р. Роговой и чуть выше его по Рефту. Третья, работающая, находилась рядом, но на другой стороне реки.[13]

Работами руководили лица, имеющие опыт золотодобычи. Если прииск разрабатывался заводом, Берёзовским или Режевским, например, тогда это были заводские мастера. А рутинную работу выполняли крестьяне близлежащих сёл и деревень – Ирбитских Вершин, Рудянской, Брусян, Знаменской и др. Кайло, лом, тачка – их инструмент. Жили старатели в сырых землянках, полуземлянках. Промывочные работы связаны с водой – значит, соответствующие заболевания. Грела надежда на фарт, погоня за удачей. Когда попадали на богатую жилу или находили крупный самородок, это было счастьем для удачника и стимулом для остальных.

В Екатеринбургском уезде в середине 80-х годов XIX столетия из 100 взрослых мужчин 19 работало на золотых приисках. Вот примерные условия их труда, впрочем, не везде одинаковые. Инструмент и приспособления золотодобытчики использовали свои, кроме канатов и динамита, которые предоставлял арендатор. Покупая инструмент у хозяев приисков, приходилось сильно переплачивать. Например, на Берёзовском заводе лопаты стоили по 40 коп, (на рынке - 25 коп.), кайлы 35 коп. (на рынке 20-25 коп.). Плата за золотник намытого золота па одних приисках колебалась между 3—4 руб., на других между 2 руб. 30 коп — 2 руб. 80 коп. Старательские артели по большей части были не большими, из 3 — 8 человек, поэтому старатели нанимали за свой счет поденщиков мужчин и женщин; поденщикам платили от 40 до 70 коп., поденщицам от 25 до 40 коп., девицам по 25 коп. и малолетним рабочим от 15 до 25 коп.

На некоторых приисках добыча, и, соответственно, заработки рабочих, были не плохими. Статистический справочник Екатеринбургского уезда 1891 г. сообщает: «Две старательские артели работают на жильном золоте, имея свои машины; в день одна артель намывает при 20 рабочих от 10 до 20 зол., другая, при том же числе рабочих, по 30—40 золотников». Значит, в день каждый старатель зарабатывал, примерно, 3 - 5 рублей. Пуд мяса в это время стоил 3 рубля. Однако удача приисковиков весьма капризна.

А вот как оценивались достоинства Шамейского прииска Рефтинского золотоносного участка, принадлежащего Торговому дому наследников Поклевского-Козелл: «Работы на золотых приисках ведутся хозяйственным способом, а также и отрядными артелями старателей. При работах обнаружено, что толщина „вскрыши“, верхнего пласта земли, колеблется от 2 до 8 аршин, золотосодержащего пласта—от 1/2 арш. до 2 арш.; толщина жил разнообразится очень значительно: от 1/2 вершка до 3—4 сажень.

Содержание золота—в песках от нескольких долей до одного золотника, жильного от одного до 5—6 золотников в 100 пудах породы; следовательно прииски надо отнести к разряду благонадежных и действительно в. 1900-м году на приисках добыто было шлихового золота 8 пуд. 14 фун. 82 зол., а в 1901 году добыча золота уже возросла до 14

пуд. 25 фун. 62 зол. Проба добываемого на приисках золота колеблется от 642/3 до 901/6» [37].

Сам участок площадью в 27236 десят. 1402 кв. саж., был арендован у казны по договору с Министерством Государственных Имуществ от 30-го мая 1878 года. В 1900 г. из всех благ цивилизации на Шамейском прииске имелось лишь два жилых здания.

В конце XIX века на Рефтинском месторождении начали добывать рудное золото шахтным методом – действовала Инокентьевская шахта. Приостановим пока повествование об истории золотых промыслов и обернёмся вокруг земель, на которых позже вырастет пос. Рефтинский.

А там происходит много интересного. В феврале 1841 г житель села Сухоложского Петр Галактионович Быков обратился к императору Николаю I с просьбой разрешить ему построить на реке Большой Рефт по левую сторону от «впадения в оную речки Норной выше в половину версты двухпоставную мельницу». Тяжба закончилась летом 1847 года. [5]

Судя по всему, водяная мельница у устья речки Норной была построена. Я предполагаю, исходя из описания, приведенного выше, что стояла она в районе так называемого урочища ДОК (название от одноименного поселка, находившегося там с 40-х до 60-х годов 20-го века). Сколько лет Рефт крутил колеса этой мельницы – не известно.

Крестьянство, ранее, по выражению Мамина-Сибиряка «жавшееся по краям дач», стало селиться внутри периметра Рефтинского края. В 1892 г. вблизи Белого озера переселенцами из села Покровского образован выселок Крутая. [3]

Резко возросла деловая активность в северо-западном углу Каменской лесной дачи. По Безымянному логу, впадающему в Кудельное болото, 10 октября 1884 года младший землемер горного управления Урала Николай Закожурников, отводя Говорухинский золотой прииск немецкому подданному И.П.Геллю, в двух шурфах нашёл асбест. [60]

Через несколько лет началась добыча минерала. Постоянных рабочих, первые 15-20 лет после начала освоения месторождения, на рудниках не было. В летнее время число сезонников (крестьян окрестных деревень) доходило до 15 000. Жили добытчики в землянках поблизости от рудных забоев. Возникли горные поселки – прииски Вознесенский, Коревинский, Поклевский, Мухановский. Устройство землянок было таким: вырывалась широкая – в полтора-два метра – канава. На ней в два ската устанавливали жерди и бревна. На них насыпали землю и устилали древесину. В середине землянки скалаживали печку и вмазывали котел для кипятка. В 1899 г. для рабочих стали строить тесовые бараки. [34а]

Намечено строительство железнодорожной ветки Егоршино- Богданович через леса Каменской дачи. Егоршинский уголь был нужен паровозам Транссиба. В 1892 г. проведены изыскания трассы.

Серьёзные изменения произошли и в части отношения с рабочими самого Каменского завода. В 1861 г. отменено крепостное право. Это относилось и к непременно работникам заводов, также находящихся в крепостной зависимости. Мало по малу, не розги приказчиков Каменского завода, а заработок становился стимулом углежогов. Более того, заводы обязаны были выделить из состава своих дач земли мастеровым. Практически, отчуждение в пользу рабочих происходило по уведомительному принципу. Достаточно было свидетелей того, что мастеровой в данном месте ранее косил сено. Каменский завод, имевший по владенным записям число ревизских душ 4098, выделил земли этим душам 24559 десятин, т.е. примерно по 6 десятин на мастеровую душу. Сюда, видимо, входили и земли чисто сельскохозяйственные. Процедура эта затянулась на 40 лет. Как писал исследователь А.Н.Мытинский в 1909 г., поскольку новым собственникам перешли «все лужайки, поляны, берега речек, то дачи получились разрезанными на многие куски». [32]

После 1861 года возник дроворубный и дрововозный промысел, заменив собой ту же деятельность, но выполнявшуюся ранее на условиях беспросветной кабалы. К этим

работам стали подключаться крестьяне «ямщицких» сёл (в том числе – Белоярской волости), потерявшие работу после ввода железной дороги Екатеринбург – Тюмень.

В Екатеринбургском уезде таким ремеслом в 1885-1887 годах было занято до 4688 человек. Дроворубы нанимались по одиночке, или артелями к подрядчикам, которые брали билет в казенных или частных заводских дачах на вырубку известного количества сажень дров; реже дроворубы подряжались рубить непосредственно от заводских контор. Подряжались дроворубы в феврале или марте, при этом брался задаток, который шёл на подать и на семена для основного занятия – земледелия. Рубили с марта или апреля до Петрова дня, возили лес зимой, начиная с ноября месяца.

Как рубка, так и возка оплачивалась всегда с сажени. Заработки, получаемые тогда дроворубами и дрововозами были следующими: за рубку 1 сажени квартирных дров платят от 30 до 50 коп., куренных (семи или шести четвертовых) от 1 р 20 коп. до 1 руб. 70 коп.; в день можно вырубить квартирных 1 – 1,5 саж., куренных 0,4., т. е. заработать в день от 30 до 60 кои. за вычетом харчей; возили с сажени куренные полусуточные по 2 руб. 60 коп., куренные 1 суточные по 5 руб. 40 коп., квартирные полусуточные по 40 кои., односуточные по 1 руб. 90 коп. и 2-х суточные по 2 руб. 20 коп.; в день на 2-х лошадях можно было вывезти полусуточных куренных 0,5 саж., суточных куренных 1,4 саж. и т.д. Чистый заработок от возки дров тот же, что и от рубки. Получая, например, за перевозку 0,5 саж. полусуточных куренных дров 1 руб. 30 коп., возчик издерживал на содержание 2-х лошадей 60 коп. и на своё личное 20 коп., всего 80 коп. и оставалось за вычетом их 50 коп.

Что это за деньги? Какова их покупательная способность? Килограмм мяса тогда стоил примерно 20 коп. Значит дровосеки-возчики зарабатывали в день сумму, на которую они могли купить 2,5 кг мяса. Переведя это в цены 2010 г, мы получим что-то около 675 руб. в день, примерно 20 тыс. сегодняшних рублей в месяц (если без выходных). Конечно, структура цен сейчас другая. Возможно, если будем пересчитывать заработки конца XIX века на другие товары, обувь или одежду, например, и сравнивать с «сегодня», то выйдем на другие цифры. Но и сделанный нами экспресс-анализ даёт повод задуматься: далеко ли мы ушли по покупательной способности от крестьян того времени? Кстати, процентов 25-35 от сделки оставлял себе подрядчик. Он и снимал главный «навар». Ничего не изменилось...

Углежжение, т.е. заготовка угля для заводов, являлось отдельным промыслом, называлось работой в кабаках или куренях. Сами углежоги были больше известны под именем кабаньщиков. По Екатеринбургскому уезду зарегистрировано в 1885-1887 годах 4590 кабаньщиков. Кроме них в кабаках работали и женщины, точного числа которых статистика того времени не учла. Большинство углежогов были бывшими заводскими крепостными.

Вот какой была практика. «Желая обжигать и доставлять уголь, кабаньщик приходит в заводскую контору и берет билет на желаемое число коробов, при чем, по написании условий, получает задаток от 35 до 45 коп. на короб берёзового угля и от 30 до 40 коп. на короб соснового угля. Получив задаток, в конце апреля, или в начале мая, после посева хлеба, кабаньщики, обыкновенно вместе с женами, отправляются в курени рубить дрова и оканчивают эту работу до Петрова дня; затем уже после страды с осени, с сентября, или октября, начинают сжигать дрова на уголь.

Для обжига дрова складываются в кучи и обкладываются дерном, что обыкновенно выполняют женщины. Сжигание дров в уголь—трудная и вредная для здоровья работа, так как во время обжига приходится жить в сырых и холодных балаганах, обложенных дерном и работать положительно день и ночь; помимо этого, от дикого дыма и смрада, поднимающихся от горящих под дерном дров, сильно болят глаза, дыхание становится неровным и тяжелым, и даже чувствуется боль в груди; недели две, три после углежжения, как выражаются сами кабаньщики, отплевывается «чернядь». Обжиг угля

кончается в ноябре или декабре месяцах, а затем начинается возка угля, продолжающаяся вплоть до весны.

Плата за обжиг угля не во всех заводах одинакова и колеблется от 75 коп. до 90 коп. за короб соснового и от 1 руб. 5 коп. до 1 руб. 25 коп. за короб березового. За возку платится отдельно от $2\frac{3}{4}$ до $3\frac{1}{4}$ коп. за версту и короб соснового и от $3\frac{1}{4}$ до 5 коп. берёзового угля; рассчитывают да возку еженедельно. За уголь ж обыкновенно платят по частям, а именно, как сказано выше, в первый раз при заключении условий, во второй по окончании рубки дров, копеек по 25 на короб, затем при кладке дров в кучи по 20 коп. на короб и остальное по окончании работы, за удержанием 5 — 10 коп. на короб в обеспечение до вывоза из кабана всего условного количества коробов». [41a]

. Между тем, в 1882 г. Каменский завод отпраздновал своё 200-летие. Мы говорили выше, что в строй он был введён и дал первую продукцию в 1701 году. Но еще в 1682 г. по речке Железнянке, которую позже стали именовать Каменкой, примерно в двух верстах от завода «позднего», игуменом Далматовского монастыря Исааком (сыном строителя Далмата) был основан чугунолитейный завод. В 1701 г. он был передан казне и перенесён.

Вот как описывал В.Шишонко юбилейные мероприятия. «При исполнении здешними певчими концерта «Тебе Бога хвалим», начались тосты за здоровье Государя Императора, начальников завода и заводской народ; при чём Екатеринбургский горный начальник, случайно участвовавший в торжестве, сказал несколько слов о Каменском заводе. Указав на то, что Каменский завод при основании был первым на Урале, он заметил, что теперь, когда вблизи его открыты богатые залежи каменного угля, которые дают возможность усилить производительность завода /.../ а тем более положить конец истощению скудной лесной дачи — остаётся только пожелать, чтобы употребление этого угля в широком размере началось как можно раньше». Молодец горный начальник. Знает, когда «случайно» на завод заехать, и главную его болевую точку — топливо. Речь он вёл о месторождении угля в черте Каменска. А вблизи села Сухоложского каменный уголь был обнаружен ещё в 1845 г., причём коксующийся. Примерно в это же время хороший уголь найден вблизи д. Ёлкино, рядом с селом Ирбитские Вершины. Это месторождение получило позднее название «Клара и Лара», по именам дочерей владельца. Так что зажигание у Екатеринбургских горных начальников, все-таки, позднее.

Празднование продолжалось. «Троекратное многоголосое ура присутствующих слилось с пушечными выстрелами. Проводив начальников завода, служащие и рабочие тут же, в заводских помещениях, в двух кружках, праздновали обедом, на свои подписные деньги, двухсотлетие Каменского завода». [32a] Ну, это уже, знакомый нам, «корпоратив». Ничего не меняется...

В конце XIX столетия на уральских заводах, в том числе и на Каменском, производились успешные эксперименты по использованию вместо древесного угля — торфа, в смеси с рубленными сосновыми пеньками. В общем, мало-помалу, металлургия, переводившая Божий дар в плавильный жар, отстала от наших Рефтинских лесов. Однако ещё и в первые годы XX века исследователь писал: «В Каменской даче принят по преимуществу кучный способ углежжения, и в виду недостатка своего угля приходится получать уголь из дач Монетной и Министерства Государственных Имуществ. Доставка преобладает гужевая».

Если рассматривать местность от Рассох до «Золотой полоски», где чуть позже сформируется старательский посёлок, да отмерить километров пять по обе стороны реки, то, что можно сказать о населённости этой местности в XIX веке, до последней четверти этого столетия? Постоянного населения не было совсем. Но люди то были. Человеческая деятельность была, в суровых, порой — невыносимых, условиях. Были углежогги, смолокуры, старатели, дровосеки, возчики, косари. Свидетельство этому заросшие шурфы, обвалившиеся шахты, тока углежогов, названия ручьёв. По прикидкам автора, в данной местности в конце XIX века, в сезон, трудилось и проживало в убогих временных жилищах по несколько сот человек.

Вот таким и застал наш край бурный и жестокий XX век. В состоянии, можно сказать, патриархальном. С тележным скрипом, курениями, дёгтем, тачками и промывочными лотками. Даже и представить трудно, что на этом месте, всего через 70 лет вырастет крупнейшая в стране тепловая электростанция.

V

Однако в начале XX века всё резко меняется. Владелец Надеждо-Яковлевского прииска Чернядев построил на берегу Рефта амальгамационную и циановую фабрику, добыв после этого не менее 300 кг золота. Золотопромышленник Малиновцев построил бегунную фабрику с паровым котлом и одноцилиндровой машиной. Такой же машиной с котлом были оснащены новая и старая шахты Ишменецкого, обе имеющие название Иннокентьевская. Этот же предприниматель обзавёлся лабораторией с муфельной печью и угольным горном.

Здесь уже используются сложные термины. Коротко о технологии золотодобычи. Метод промывки основан на высокой плотности золота, благодаря которой в потоке воды минералы с плотностью меньше золота (а это почти все минералы земной коры) смываются, и металл концентрируется в тяжёлой фракции, песка состоящего из минералов повышенной плотности, который называется шлихом. Этот процесс называется отмывкой шлиха или шлихованием. В небольших объёмах её можно проводить вручную, при помощи промывочного лотка. Этот способ используется с древнейших времён, и до сих пор для отработки маленьких россыпных месторождений старателями, но основное его применение — поиск месторождений золота. Современные золотоискатели, видимо, для первичного просева породы, используют кроватиные сетки. Если найдёте такую вблизи ручья, не удивляйтесь. Полученные шлихи, кроме золота, содержат множество других плотных минералов и металл из них извлекается, например, путём амальгамации.

Метод амальгамации основан на способности ртути образовывать сплавы — амальгамы с различными металлами, в том числе и с золотом. В этом методе увлажнённая дроблёная порода смешивалась со ртутью и подвергалась дополнительному измельчению в мельницах — бегунных чашах. Амальгаму золота (и сопутствующих металлов) извлекали из получившегося шлама промывкой, после чего ртуть отгонялась из собранной амальгамы и использовалась повторно.

Современное отношение к ртути крайне нервное. Из-за разбитого градусника школы эвакуируют. В старое время никто её опасной не считал. Даже мы, пацанами, в 60-ые годы гоняли этот забавный игривый металл и по школе, и по дому.

Мне посчастливилось в своё время познакомиться с бывалым старичком, который ещё мальчишкой, до войны, работал на промывке золота в верховьях Пышмы. В конце дня, как он рассказывал, появлялся старший артели с чекушкой ртути и амальгамировал шлих. Молча. С помощью ртути и своих заскорузлых пальцев.

А цианирование — это метод, когда золото из размельченной породы выделялось путем его растворения в синильной кислоте и её солях, в специальных чанах. Затем золото из раствора осаждалось либо цинковой пылью, либо специальными ионнообменными смолами. Совсем не здоровое дело эта золотодобыча.

Бегунная фабрика — мельница для помола золотосодержащей руды. Бегунки — это жернова. Их делали из чугуна или использовали старые жернова мельниц. Привод «бегунки», как её называли в народе, мог быть разный, в том числе и от водного потока.

Вся эта тяжёлая механика, перепугавшая своим одноцилиндровым стуком многочисленную местную живность, располагалась на приисках в районе нынешнего посёлка Золото, как говорится, «плюс — минус трамвайная остановка». Остатки одной из фабрик рядом с этим населённым пунктом желающие ещё могут найти.

Очевидно, именно в это время начал формироваться приисковый посёлок. Сложная техника требовала поддержки специалистов. Большие объёмы добычи требовали учёта и

охраны. Шахтный метод промысла, в отличие от добычи рассыпного золота, давал возможность вести работы и зимой. Дорогая техника должна была приносить отдачу круглогодично. Она не могла простаивать, дожидаясь сезонников. Всё к тому, что требовались сносные условия для жизни и работы. Конторщику – контора, спецу – изба, рабочим – казарма. Баня, конюшня... Так, одно к одному, и появился, рядом со стародавними землянками, посёлок старателей, который позже получит броское название Золоторуда. Административный справочник 20-х годов указывает, что по состоянию на 1916 г. Рефтинский прииск находился в составе Ирбитсковершинской волости Камышловского уезда. [54] Что странно, так как «жилая» часть прииска находилась в Екатеринбургском уезде.

В 1912 году открыто Черемшанское месторождение угля рядом с местом, где сейчас станция Рефт. [63] А со второй половины 1913 года начались работы по строительству железной дороги Егоршино – Богданович. На стройку съехались выходцы с Украины, китайцы, а также жители близлежащих деревень и много мастеровых из Вятской губернии. И уже в 1914 г. тайгу огласил паровозный свист.

Асбестовые копи на северо-западе Каменской дачи, между тем, также достигли приличного технического уровня. Появились паровые машины (1896 г., прииск Поклевского), узкоколейки с вагонетками «Коппеля», электростанция с паровой турбиной "Де Лаваль" мощностью 250 л.с. (1906 г., прииск Вознесенский), паровозы (1910 г., там же). [41]

В истории Рефтинского края (края – в широком смысле) наступал период промышленный. В общем, по сравнению с прошедшими веками, деятельность в этом углу Каменской дачи становилась довольно бурной. Появилась потребность в лесной страже, находящейся непосредственно здесь. Во-первых, у границы с другими дачами – Монетной и Режевской. Во-вторых, рядом с центрами людской активности. Было от кого лес охранять. Появились кордоны – Кирилловский, Рудный.

Первый был построен на правом берегу речки Кирилловки, впадающей в Рефт, у её устья. Берег был обрывистый, высокий. Рефт в этом месте была чуть пошире. Речка Кирилловка, после заполнения водохранилища стала короче на километр и сейчас её устье сразу за базой «Маяк». В 1916 г. Кирилловский кордон, согласно списку населенных мест 1928 г., относился к Знаменской волости Камышловского уезда. [54]

Этой же волости принадлежал и Рудный кордон, имеющий второе название – Шемейка. Оба имени получены по речкам, протекавшим вблизи. Говорим о речках и кордоне в прошедшем времени, потому что их накрыл золоотвал. Большой и серый. Остались верховья Рудной, а всё остальное соединилось с дренажной системой отстойника. Что бы ни запутаться, не будем забывать, что в бассейне Рефта есть ещё одна речка Шемейка (Шамейка), левый приток Б.Рефта, в районе п. Малышева. Там же, кстати, и ещё одна Полуденка. Шамейный, по мнению автора, означает – торфяной.

Есть несколько указаний о добыче железной (болотной) руды в бассейне М.Рефта в XVIII – XIX веках. Однако более точных данных нет. Название «Рудное болото» не подсказка ли нам? Оно хоть и относится к бассейну «головной» реки, но находится на равном расстоянии от Рефта и М.Рефта.

Эти два кордона существовали по состоянию на 1916 г. А через пятьдесят лет оказались в зоне строительства Рефтинской ГРЭС. Принадлежность их к Знаменской волости в дореволюционный период, как указано в более поздних документах, вызывает недоумение, так как находились они на землях Екатеринбургского уезда, в Белоярской волости.

На страже северных границ Каменской лесной дачи находились и другие кордоны. Это Роговский (на реке Роговушке), Каменский (Верхнее-Рефтинский), находившийся у устья речки Каменки, вытекающей из болота Каменского (вблизи озера Алтынай).

Ценнейшие сведения о кордонах Каменской дачи даёт изучение неопубликованных записок Николая Фёдоровича Рубцова – лауреата Государственной премии, автора книги

«Город горного льна». Они любезно предоставлены его сыном В.Н.Рубцовым, также знатоком края.

Николай Фёдорович с апреля 1919 по осень 1920 г., в возрасте 13-15 лет, работал переписчиком в Райлеском Грязновской волости. Райлеском после революции заменил собой лесничество. Располагались они на территории Грязновского кордона.

К Грязновскому лесничеству относились кордоны: Грязновский, Ельничный, Воронобродский, Ольховский, Щучий, Кирилловский, Рудный, Роговский. В упомянутые годы на Роговском не было лесников, а жил куренной мастер, заведующий углежжением. На Грязновском кордоне находился и представитель Каменского завода, отвечающий за вопросы заготовки угля.

По штатам, на кордонах должно было быть по два лесника – старший и младший. На Кирилловском старшим в те годы был Николай Матвеевич Гладких (подписывался Коля Матвеев Гладенький). Николаю Фёдоровичу он запомнился рассказами о своих встречах в лесу с медведями.

На Рудном старший лесник был «не русский, плохо говорил по-русски» и фамилию его Н.Ф.Рубцов не запомнил. Действительно, как увидим ниже, на этом кордоне одна семья была польской.

Устройство было типовым. Обязательно пожарная вышка, огород. Дом просторный, под тесовой крышей. Николай Фёдорович приводит план Рудного кордона. С крыльца вход в общие сени. Квартир три – первая, вторая и «средняя» (для приезжающего начальства). По периметру ограды сарай для телег и саней, другие надворные постройки.

Н.Ф.Рубцов пишет: «Кордоны, как правило, располагались около рек, на высоком месте и очень красиво выглядели на фоне леса. Все кордоны были в то время не старыми, так как построены были, наверное, в 80-е годы прошлого (XIX – Авт.) века». [39]

Мнение Николая Фёдоровича о возрасте кордонов Каменской дачи авторитетно. Ранее я осторожно относил время их возведения к «рубежу веков». Сейчас появились основания сменить формулировку на «в последней четверти XIX века».

Не надеялась на авось и лесничество Режевской дачи. С конца XIX века она именовалась «дача Режевского графини Стенбок - Фермор завода». На охране графского леса, его южных границ, стояли Окуневский кордон (у озера Окунёво), Ильинский (в устье реки Ильинки, левого притока Б.Рефта), Осиновский (на р. Осиновке, левом притоке М.Рефта).

В районе асбестовых копей защищали лес Монетной дачи сразу два кордона возле Щучьего озера – Щучий №1 и Щучий №2, а в зоне изумрудных приисков – кордон Старковский. Они относились в царское время к Белоярской волости.

Кордоны строились заводами за счёт своих средств и были их собственностью. Предназначались они для лесной стражи - объездчиков и лесников. Лесников не нужно путать с лесничими. Первые – лесные сторожа, вторые – лесные начальники с высоким местом в табеле о рангах. Скажем, главный лесничий Уральских заводов И.Шульц носил звание генерала корпуса лесничих.

Место расположения кордонов, кроме способствования выполнению прямых обязанностей, должно было иметь пригодную сельскохозяйственную землю. Ведь земельный надел с бесплатным жильём являлись чуть ли не единственными стимулами. Жалование было мизерным. Надо сказать, что такой подход к должности лесника сохранялся ещё долго. Мало он изменился и сейчас.

Вот что писал в конце XIX века о состоянии лесной стражи П.Жудра. «О несостоятельности современной лесной стражи говорено неоднократно в печати, а потому я ограничусь лишь замечанием, что лесничий не имеет в ней надежных агентов и добросовестных исполнителей своих распоряжений. И нравственное и умственное развитие стражи находится на столь низкой ступени, что исключает всякую возможность рассчитывать на ее полезную деятельность, в области лесного хозяйства и администрации./.../ Однако, взглянув на дело с иной, так сказать, внутренней точки

зрения, оказывается совсем другое: в настоящее время, во многих лесничествах, комплектование мало-мальски изрядной стражи составляет почти невыполнимую задачу, так как скудное содержание отталкивает от службы в лесной страже всех порядочных людей.

Я знаю некоторые лесничества в средней полосе России, где лесничество положительно не в силах найти охотников для занятия должности лесников, хотя уровень умственных и нравственных требований понижен ими до *pes plus ultra*, так что лесная служба открыта для всех, имеющих законный вид на свободное распоряжение своей особой; в этих местностях нередко приходится прибегать к вербовке, в полном смысле слова и заманивать простачков разными несбыточными обещаниями, а впоследствии затягивать увольнение их от службы, насколько окажется возможным./.../ Единственным серьезным орудием в руках лесничего следует считать угрозу удаления от должности, но, при нынешнем скудном обеспечении лесной стражи, и эта угроза оказывается бессильной, так как стража вовсе не дорожит службой, за исключением лиц, решительно никуда не годных, для которых из лесной службы остается один выход - тюрьма. Как бы то ни было, но всегда и везде мы приходим к одному заключению, что увеличение материального обеспечения стражи и улучшение ее личного состава - есть фундамент, на котором надлежит возводить новое здание государственного лесного хозяйства».

Как мы видим, здесь образ лесной стражи нарисован мрачными красками. Были и другие охранники, о которых писал М. Китаев в 1889 г. « В лесной страже, за небольшими исключениями, конечно нельзя держать стариков, но между ними есть такие почтенные люди, сделавшие так много в своё время для охранения леса и его возвращения, что увольнять их не поднимается рука. Остается пожелать, чтобы высшая власть обратила внимание на службу таких ветеранов и хотя бы за 25 лет лесной службы трудной и ответственной – назначала таким лицам хотя бы 3-х рублёвые месячные пособия, кукую пенсию получают николаевские солдаты, оставшиеся без родственников и не имеющие иных средств к жизни». [13а]

Так или иначе, задача охраны и восстановления лесов, в основном была решена. И Каменской дачей и, впоследствии, лесничествами советского времени. Энергостроители 60-х годов XX века определяли лес края, как девственную тайгу. На самом деле топоры и пилы работали здесь почти 300 лет. Лишь при внимательном изучении можно установить увеличение доли лиственных лесов. Известно, что места вырубок, без рекультивации, зарастают березняком и осинником.

На рубеже веков XIX и XX в крае активизировались землеустроительные и топографические работы. Очевидно, это связано с повышением предпринимательского интереса к территории. Как свидетельство – оставленные учёными людьми в неких примечательных местах особые камни или каменные столбы. Оных имеется два или три. Место нахождения одного из них – на просеке, между болотом Островистым и озером Белым. На мой взгляд, камни устанавливались по границе Каменской и Режевской лесных дач.

Были на них выбитые надписи. Однако, под действием времени или окружающей среды, текст исчез без следа. Но, благодаря людям неравнодушным, не пропал для истории.

В конце 60-х (или начале 70-х) Александр Иванович Рыжаков обследовал камень и сделал копию надписи. Читалась она и тогда уже с трудом. Вот текст, который удалось расшифровать. «НАПРАВЛЕ[НИЕ] МЕРИДИАНА ... ОПРЕ[ДЕЛЕ]НО 2[9] МАЯ 1899 г НАЧАЛЬНИКАМИ ПАРТИИ СТЕПАНОВЫМ...Я[В]ШИЦ И ТОПОГР. МАТРАНШИЛИНЫМ».

Наступила I Мировая война. Как водится, основная тяжесть при этом всегда ложится на мужика, на деревню. А крестьянин был главной тягой и на приисках, и на лесных работах. Оскудение рабочей силы частично покрывалось за счёт других контингентов. На асбестовых приисках Поклевского появились пленные австро-

венгерской и турецкой армий. По разрешению Главного управления Генерального штаба там к маю 1915 г. уже работало более 300 чел. военнопленных. Поступали они и в Камышловский уезд[55]. А на лесных работах в Режевском лесничестве было занято 80 китайцев. Речь идет, конечно, не о пленных, а о нанятых «поставщиком г. Дризиным» в Харбине и отправленных в 1915г. в количестве 1000 человек для рудничных и лесных работ Верх-Исетского Округа. [59]

В Рефтинском крае появились новые контингенты.

VI

Великая социальная революция 1917 г. нарушила привычный уклад жизни. Очень скоро была создана комиссия по национализации недр Урала в Пермской губернии. Так 22 декабря 1917 г. собрание рабочих, служащих и старателей Берёзовского золотопромышленного товарищества приняли резолюцию: «Все прииски, фабрики. Заводы и мастерские с их живым и мёртвым инвентарём конфисковать и передать под контроль Совета рабочих депутатов и земельного комитета Берёзовского завода». Крупные золотодобывающие заводы, с постоянной рабочей силой, типа Берёзовского, продолжали работать, уже под контролем Советов. Более мелкие, к которым относились наши Рефтинские прииски в районе нынешнего пос. Золото, прекратили работу, оставшись без хозяев. Добыча велась лишь мелкими артелями и примитивным способом.

В мае 1918 г. были национализированы асбестовые копи и избрано правление государственных рудников. До прихода белых, очевидно, добыча велась.

А вот каким было положение на изумрудных коях. «После революционных событий 1917 года связь фабрики (имеется в виду Екатеринбургская гранильная фабрика. – Ю.С.) с изумрудными коями практически распалась. Предоставленные новым арендаторам, они жили сами по себе, без всякого надзора со стороны управляющего фабрикой. Национализация фабрики (4 января 1918 года), а стало быть и всех подведомственных ей производств, в том числе изумрудных копей, упраздняла права арендаторов, превращала их самих в бывших владельцев и всколыхнула толпы работного люда, промышленявшего хитнической добычей изумруда, — копи стали для них народным достоянием, — ничьим, а, стало быть, доступным всем. Самочинно возникшие артели устремились на промывку отвалов, в шахты “бывших”, на разработку целиков, рылись по всему изумрудному району. На Токовском (Люблинском) прииске хищники вели работы в 80 саженях к северу от шахты Денисова-Уральского (известный художник и геолог. – Ю.С.), щадя самого предпринимателя из-за личной симпатии к его имени». Это была цитата из книги Владислава Семенова «Роман с изумрудом».

Замерли лесные кордоны, устроенные для поддержания порядка в таёжном краю. А что сейчас порядок? Старый отменен, новый не установлен. В глазах наиболее рьяных представителей свежеепечённой власти лесная стража являлась частью репрессивного аппарата свергнутого режима. Пересидеть эту смуту в таёжном тупике... Хотя и жалование не платят, но подальше от комиссарского маузера...

Но вот и орудийная канонада прокатилась по рефтинской тайге. Впервые за всю историю. Вздёрнуло головы лесное зверьё, прижало уши. Гражданская война.

В августе – сентябре 1918 г. боевые действия между наступающими частями Белой армии и ожесточённо сопротивляющимися красногвардейцами охватили Рефтинский край с трёх сторон. С западной стороны это линия Екатеринбург – Режевской завод. На севере – между Режевским заводом и Егоршино (в сентябре 1918 г.). На востоке – по линии железной дороги между станциями Кунара – Егоршино. Наиболее жестокими были бои за ст. Антрацит (ныне – Алтынай).

Район станции Антрацит был своеобразным дефиле, ограниченным с востока болотами истоков реки Ирбит, а с запада озером Алтынай и рекой Рефт. Бои здесь шли

около месяца. По данным Б.Б. Филимонова, под станцией Антрацит и селом Ирбитские вершины белые потеряли убитыми сто пятьдесят офицеров и более двухсот солдат.[25] Вот такие нешуточные события разворачивались по периметру Рефтинского края. Всё по взрослому. А что внутри него?

Асбестовые прииски, уже имевшие постоянное население, ареной боёв не оказались. И слава Богу. Перед угрозой захвата бело-чехами Екатеринбурга, 87 человек, включая семерых военнопленных мадьяр, записались в Красную Армию. В начале августа 1918 г. на рудниках появился небольшой отряд казаков во главе со штабс-капитаном Малевинским, сыном бывшего управляющего. Появлялись и свирепствовали белые калмыки. Белые – конечно, по принадлежности к контрреволюционному движению. А так – типичные раскосые азиаты на мохнатых лошадках. Были аресты и порка большевиков и сочувствующих. Самых отъявленных отправляли на станцию Грязновская, где их и расстреливали. [60]

Лесные кордоны становились местом засад. Красными – для белых, белыми – для красных. Чечулин пишет, что на Окунёвском кордоне попал в засаду и угодил в руки неприятеля разведчик красноармейцев, направленный с Режевского завода. В районе Шамейки, как будто, базировался партизанский отряд большевистского толка. На месте его дислокации возник позже посёлок Чапаева, одно время носивший название Партизанский.

Лесные дороги края, не пригодные для продвижения серьёзных воинских сил и техники, подходили для перемещения дозоров, разъездов, разведок противоборствующих сторон.

А.М.Кручинин пишет: «У белых не была налажена система снабжения, и командирам приходилась изворачиваться, кто как может. Постоянно выручало белых местное население. Штаб-ротмистр А.Н. Ленков вспоминал, как разъезд под его командой прибыл на изумрудный прииск Ж. де Сукантона, отстоящий верст на двадцать к западу от станции Антрацит, там оказалась больница, персонал которой очень радушно встретил кавалеристов. Заведующий больницей без всяких разговоров предоставил им приличный запас медикаментов и перевязочных средств. Любопытно, что несколько человек красных милиционеров прииска сразу сдались и стали просить принять их в число белых бойцов».[25]

Здесь нужно заметить, что прииски Жирарда де Сукантона всё-таки асбестовые, а не изумрудные. С территории, на которой находились белые, южнее Ирбитских Вершин, самой короткой дорогой до асбестовых приисков была – через Кирилловский кордон. Стороны, видно, не ставили своей задачей контролировать лесные дороги, ограничиваясь основными транспортными артериями. На кордонах могли свободно появиться и красные и белые. Вот задача была для бородатых обитателей лесных сторожек...

21 сентября 1918 г. красные, зажатые с трёх сторон, начали отход по единственному оставшемуся для них пути – через Самоцветы, на Алапаевск. Эта невесёлая страница истории края оставила одну тайну. В июле (августе?) 1918 г на станции Антрацит (ныне – Алтынай) был убит священник села Троицкое Камышловского уезда Константин Николаевич Алексеев. Постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви и Святейшего Патриарха от 17 июля 2002 года он включен (в числе других сорока четырех новомучеников Екатеринбургской епархии) в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века, прославленный Архиерейским Собором 2000 года. [9]

Обстоятельства его гибели, дата смерти, место захоронения, детали биографии требуют дополнительного изучения.

Очевидно, что Константин Алексеев находился в вагоне с заложниками (купцами и духовенством) [25], который был отправлен при уходе красных со станции Богданович по линии на Егоршино. Другого логического объяснения нахождению священника в данной точке (ст. Антрацит) просто нет. Косвенно это подтверждается фактом гибели еще одного

новомученика. В это же время в селе Таушканское убит священник церкви села Мехонское Шадринского уезда Василий Иванович Инфантьев [36].

Село Мехонское - километрах в 60-ти восточнее Шадринска (сейчас это Шатровский район Курганской области). Нахождение священника в период ожесточенных боевых действий за 300 верст от своего села ни чем, кроме насильственного перемещения объяснить нельзя.

То, что убийство о. Константина не было единичным на ст. Антрацит, говорят и данные на земского врача с. Багаряк (ныне Каслинский район Челябинской обл.) А.И.Смородинцева. В удостоверении, выданном Багарякской волостной земской Управой от 3 февраля 1919 г. № 429 говорится: «Врач Смородинцев А.И. увезен заложником красноармейцами и расстрелян около станции «Антрацит» Егоршинской ветки Омской железной дороги».

Во втором архивном документе говорится: «В конце июля прошлого года был взят в качестве заложника большевиками врач Багарякского участка А.И. Смородинцев и убит ими». [34]

Совершенно очевидно, что смерть врача и священников - элементы одной трагедии. Не ясно пока, сколько всего погибло заложников в последние дни июля 1918 г. на ст. Антрацит и где они захоронены. А это не маловажно. Хотя бы потому, что среди них – новомученики, т.е. люди причисленные Церковью к святым.

Итак, колонна красных ушла, избежав окружения, от Егоршино на северо-запад. В её составе рабочие, крестьяне, вчерашние гимназисты Шадринска, Далматова, Каменского завода, Камышлова, Егоршино и т.д., во главе с комиссарами и активистами. Их семьи – бабы и дети, с домашним скарбом. Отряд китайцев, вчерашних лесорубов. Латыши и бывшие военнопленные мадьяры.

На авансцену вышли офицерские отряды Сибирской армии, мобилизованные и добровольно примкнувшие к белым рабочие, крестьяне ближних уездов и такие же вчерашние гимназисты. Казаки и калмыки. Бойцы чехословацкого корпуса. На приисках сформирован «польский легион асбестовых копей». Фантазмагория...

Все это воинство обтекало рефтинскую тайгу по транспортным магистралям, иногда просачиваясь во внутрь территории. К октябрю месяцу затих вдали звук орудийной канонады. Но не застучали била бегунной фабрики на золотых приисках. Еле-еле работали асбестовые рудники. Не смотря на провозглашённую колчаковской властью денационализацию. Старые хозяева рассеяны по свету, хозяйственные связи нарушены, рабочая сила на фронтах.

Затихла и цивилизованная лесозаготовка. «На голодном Урале недостаток рабочих, и, пока хлеб не придёт, они не придут./.../ В результате рубка дров почти прекратилась. Урал выплавляет в месяц 1 млн. (пудов) вместо 4 млн. 1916 г., и то сжигает старые дрова. Дальше будет ещё хуже, когда кончатся запасы». Так писал 6.04.1919 г. главный начальник Уральского края С.С.Постников Сибирскому правительству. [59]

Белым не удалось продержаться на Урале долго. Екатеринбург большевики взяли 14 июля 1919 г. А 19 июля 1919 г. ими захвачены Егоршино и Покровское. Красными конниками командовал Н.Д.Томин, а одним из эскадронов - К.К.Рокосовский, будущий маршал.[22]

Далее они двинулись на Камышлов. Вполне вероятно, что пешие и конные советские силы двигались по Покровскому тракту до Ирбитских Вершин и далее на Сухой Лог – Богданович. Крупных сражений на территории края в этот период истории не упоминают. Очевидно, белые оттягивали свои силы на линию реки Тобол, намереваясь там взять реванш.

Противоборствующие силы испытывали попеременно сильные положительные или отрицательные эмоции, в зависимости от хода боевых действий. Между тем, освобождаемые (оставляемые) территории стабильно имели голод, разруху, тиф, стаи

беспризорников. В сёла хлынули голодающие горожане. Но оставшаяся без мужиков деревня, «подчищенная» проходившими через неё воинствами, голодала сама.

Золотые прииски Рефта оказались разграбленными. Новая власть, как могла, старалась сохранить оставшееся. По описи сохранившегося имущества Николае – Чудотворского прииска (сделанной в 1919 г.), принадлежащего золотопромышленнику Стрижову, там находились: «Здание для бегунной фабрики в разрушенном виде, в нём паровой котёл локомобильного типа без арматуры, одноцилиндровая паровая машина в 12 пар сил (рама и цилиндры, части с машины сняты, находятся на фабрике)/.../. Дом 11 аршин длины/.../, дом той же длины/.../, конюшня, кладовая. Баня, казарма, амбар в ветхом состоянии /.../».

Часть имущества фабрик передавалась сёлам. В связи с тем, что оборудование золотодобывающих фабрик растаскивалось, председатель районного управления золотыми приисками Урала В.Доменнов обязал заведующего Рефтинскими приисками А.А.Соловьева обследовать бывшие владения Малиновцева, дать свое заключение о состоянии техники и о возможности отпуска парового котла исполкому села Ирбитские Вершины. Начальник Соловьёв уже в августе 1919 г. нанял четырёх сторожей. Известны их фамилии: П.Н.Потапов, А.Я.Солдатов, И.В.Олимпиев, Абдулхапет Халиков. Паровая машина и локомобиль были переданы селу. Локомобиль - представителю трудовой артели Е.В.Брылину на временное пользование. Вскоре он был установлен и обеспечивал работу мельницы и пилорамы. В октябре 1920 г был перевезён паровой котёл с Чернядеевского прииска на угольные копи «Клара и Лара». Это рядом с Ирбитскими Вершинами. Там он потребовался для откачки воды из шахты.

Какое то имущество было передано на другие месторождения. До 1924 г. Рефтинские прииски не работали. Одно хорошо, что охранялись - квартетом сторожей и начальником Соловьёвым. [5]

Новая власть уделяла серьёзное внимание нашему соседу – Асбестовым копиям. В 1922г создан трест «Ураласбест». В 1922г начала работать обогатительная фабрика № 1. [40]

Причина – горное волокно было востребована на внешнем рынке. Значит это источник валюты, крайне необходимый стране.

В обстановке разрухи стала использоваться такая мобилизационно-принудительная форма привлечения трудовых ресурсов, как трудовая армия. Период ее действия 1920-1922г. Постановлением Совета обороны республики от 15.01.1920г за подписью Ленина «3-я рабоче-крестьянская Красная Армия используется для трудовых целей в районном масштабе, как цельная организация, без разрушения и дробления ее аппарата под именем первой Революционной Армии Труда».

Эта Армия действовала на территории уральских губерний, в том числе и Екатеринбургской. При ее реввоенсовете был создан Комитет по трудовой повинности. В своем обращении к трудящимся Урала от 21.02.1920г. этот Комитет объявил «трудовую повинность всего трудоспособного населения, не занятого другой, не менее важной работой на общую пользу, на предмет вывозки и заготовки дров». Указывалось, что в связи с угрозой паралича промышленности, требуется ежедневная работа 140 000 подвод по вывозке из леса дров и 80 000 рабочих по их заготовке.

Задачи армии: заготовка продовольствия, фуража, заготовка и транспортировка к заводам и железнодорожным станциям дров, выполнение строительно-ремонтных и сельскохозяйственных работ, мобилизация дополнительной рабочей силы в районе дислокации частей.

Председателем реввоенсовета Первой трудовой армии был не кто-то, а сам т. Троцкий Л.Д, одновременно являясь Председателем Революционного Военного Совета Республики (если источники ничего не напутали). Своим приказом от 24.02.1920 г. он обязывал оперуполномоченных Совтрударма арестовывать за плохой ход работ «наиболее виноватых лиц» и направлять их в Революционный трибунал армии.

Ранее Лев Давыдович издал т.н. приказ-памятку 3-й Красной Армии - 1-й Революционной Армии Труда (опубликован в "Правде" от 16 января 1920 г). В ней он указывает, в частности: «Для лесозаготовительных и других работ нужны жилые помещения. Революционная армия труда создаст, где нужно, бараки и обеспечит себе и тем работникам, которые придут к ней на смену, жилье и уют».

Рефтинский край всегда был базой лесозаготовок. А.Афанасьев сообщает о трудармейцах в Сухоложье, которые умирали большим количеством от тифа и голода. Приводятся данные метрической книги Богоявленской церкви с. Сухоложского об умерших. Г.И.Котегов, 45 лет, земледелец, мобилизованный от Щелкуновской волости, умер 21.04.1922г от истощения. На следующий день скончался В.А.Щербаков, 44 лет, мобилизованный из села Верхние Серьги.[5]

Учитывая нацеленность трудармии на лесозаготовки, вероятней всего, что они и были причиной истощения.

От заготовки дров трудармейцы перешли и на другие работы. Они были основной рабочей силой в 1920-1921гг на асбестовых приисках. Их же руками строилась узкоколейка Баженово – Асбест. Начало строительства – 1920 г. В ноябре 1922 г. эта железная дорога была введена в строй. Надо сказать, что рядом с трудармией трудились и комсомольцы-добровольцы из других областей. Например, Скомороховский Николай Андреевич в июле 1920 года по призыву российского комсомола выехал из г.Скопино Рязанской губернии- в Екатеринбургскую губернию на эту стройку, где работал землекопом на отсыпке железнодорожного полотна, на заготовке шпал и дров, выполнял слесарные работы. [29а]

Году в 1922-м комиссары сняли-таки пыльные шлемы, вытерли утомленные лбы и обратили взор долу, а именно – к лесу. Картина предстала безрадостная. Вот как писал об этом А.И.Шульц, автор предисловия к «Лесному Кодексу Р.С.Ф.С.Р. с объяснениями и толкованиями», изданному в 1924 г. «Война и революция и последовавшие за ними - интервенция, блокада и белое движение крайне губительно отразились на лесном хозяйстве и явились главным виновником его разрушения. Огромное количество древесины понадобилось на военные нужды. Значительные лесные площади пострадали от артиллерийского обстрела. Потери нами Домбровского каменноугольного бассейна, а также отрезанность во время гражданской войны от Донецкого бассейна и нефтяных источников Баку и Грозного перенесли всё тяжесть по удовлетворению потребностей страны в топливе на леса; кроме того, в виду переживавшихся обстоятельств, рубка и заготовка леса могли производиться не везде и вся тяжесть пала на 30 верстную полосу вдоль железных дорог и сплавных путей.

К этому присоединились небывалые пожары 1920 – 21 годов (годы засухи) и развившиеся во время революции самовольные рубки со стороны населения. В результате всех этих условий лесное хозяйство оказалось подорванным. Вся хозяйственная деятельность в эти годы в лесничествах прекратилась, т.е. перестали соблюдаться условия естественного лесовозобновления, перестали производиться работы по искусственному лесовозобновлению, всё внимание перешло на заготовку максимального количества дров, пересчёт леса на делянках прекратился, учёт древесины производился в большинстве случаев на глаз, места рубок не всегда отводились в натуре. Каждый государственный лесозаготовитель рубил там, где удобно». [27]

В 1922 г. вводится уголовный Кодекс, нормирующий преступления в сфере лесопользования. Вслед за ним – Лесной Кодекс, согласно которому организация охраны лесов от пожаров, самовольных порубок и всяких иных повреждений, и от всякого незаконного пользования в лесах возложена на губернские лесные органы и лесничих, а непосредственный надзор за лесом на лесную стражу. Вместе с тем « лесная администрация и лесная стража вооружаются огнестрельным оружием и приравниваются в правах с милицией в отношении задержания самовольных порубщиков и производства обысков и отобрания похищенных лесных материалов».

Лесная охрана премировалась за обнаружение лесонарушителей в размере 30% отчислений от сумм, взысканных с них и вырученных от продажи конфискованного при самовольных порубках леса. Нарушениями, находящимися в компетенции «лесных шерифов», являлись, кроме самовольных порубок, также: похищение из леса дерева буреломного, валежного или срубленного; самовольную пастьбу скота; самовольное сенокошение; смолокурение, сидка дёгтя, углежжение без соответствующего разрешения; самовольная охота и рыбную ловля.

Хоть и были стражники вооружены, но «шмалять» на лево и право они, разумеется, не могли. Вот в каких случаях разрешалось употребить оружие лесникам того времени: для отражения всякого вооружённого нападения или подавления встречного вооружённого сопротивления, а также и не вооружённого, но когда охраннику угрожает опасность; когда задержанные лица делают попытку бегства и не окажется возможным задержать их другими способами; при поимке бандитов и дезертиров, скрывающихся в лесу, когда лесная стража привлекается к этому органами местной власти.

Лесохозяйственные постройки, сторожки, кордоны и пр. объявлялись собственностью государства. Кордоны нашего края – Кирилловский и Рудный, всегда и были «государевы», так как Каменский железодельный завод, видимо – единственный на Урале, оставался казённым всю свою историю.

От царских времён сохранилась и право пользования стражей служебными наделами из состава безлесых площадей государственного лесного фонда под пашню и покосы – по 5 десятин на служивого. Плюс полторы десятины под огород. Цель – «укрепить аппарат лесной стражи, дабы этим самым усилить дело охраны лесов», приблизить лесную стражу к лесу.

«Другим соображением при отводе лесослужебных наделов является улучшить быт и материальное положение лесных работников, заменив крайнюю недостаточность заработной платы по лесному ведомству (заработная плата лесной администрации в 1923 году составляла только 1/20 часть довоенной)». Надел этот освобождался от обложения единым сельскохозяйственным налогом. А это было очень важно в то время. На Асбестовых коях, например, относившихся тогда к сельской местности, натуральный налог был настоящим бедствием. Им были обложены даже работники милиции. Девяти Асбестовским милиционерам (сегодня их, кстати, 500 человек) пришлось сдать в 1921 году 31 пуд масла, 3 пуда шерсти, 7 пудов мяса. [2]

Где они, интересно, добыли это...

Ну вот, статус служивых обитателей кордонов начала двадцатых годов – лесников и объездчиков, проявился. В карманах – тишина, но зато – на плече казённая двустволка, за плетнём – пашня. Лошадь, опять же, даёт лесничество. С сенокосом для своего скота проблем нет. Плюс, ты – законная власть, единоличная, на много километров вокруг. А власть в лесу легко конвертируется в магарыч.

У Асбестовского краеведа Копырина А.Л. в личном архиве хранится записная книжка одного из земляков. Имеется в ней следующая запись: «27/IV – 24 г. Кирилловский кордон. Николай Павлович Ветчинев и его жена Любовь Сергеевна». На этой же странице, рядом, запись «Степанида Ивановна Квашнина». Очевидно, это данные лесника кордона того времени и его семьи. Квашнина – скорее всего, тёща стражника.

На другой страничке той же записной книжки «Кирилловский кордон. Плотина. Хлыстиков Алексей Матвеевич». Т.е. к 1924 г. плотина на реке уже была. Логично предположить, что она существовала ещё и до революции. А известна в этом районе, вплоть до строительства ГРЭС, лишь одна плотина – на Рассохах. Она была разборной. Вода в ней накапливалась. Здесь же готовился лес к сплаву. Весной, в паводок, плотину разбирали, и лес отправлялся по реке Рефт до Пышмы.

К 1924 г. затеплилась жизнь и на золотых приисках. Старательская артель «Шахтер», во главе с И.И.Кремзой, летом начала добычу на шахте Инокентьевской. Перелопатили 400 тонн руды, в каждой из которых находилось 5,7 г золота. Работали и

сланцевые отвалы. Добыто было из шахты 3150 г. а из отвала 317 г благородного металла. Сначала в бригаде работало 33 человека, к весне осталось 10. Работа на приисках крайне тяжёлая. Пришлось срочно ремонтировать жилье, бегунную фабрику, оборудование. Ствол большой Инокентьевской шахты совершенно сгнил, его срубили в конце 19 века. Шахта была глубиной 41 м, жила выработана. Начальник Восточного Свердловского горного округа А.П.Корзухин, обследовавший месторождение в начале марта 1925г, пришел к выводу, что в таком техническом состоянии эксплуатировать его невыгодно. Затраты превышали товарную закупочную стоимость добытого металла. Договор с артелью расторгли.

В 1928 г. рефтинские прииски передали Аятско-Шайдурихинскому управлению всесоюзного золотопромышленного общества «Союззолото». А.Афанасьев, изучавший передаточные документы, сообщает, что в них было названо 11 шахт. Самой глубокой была Северная на Алексеевском прииске. Самые мощные жилы оказались на Дмитриевской одноименного и на старой Ивановской Никифоровского приисков. Их толщина составляла более двух метров. Больше всего (16 золотников на 100 пудов руды) золота содержалось в жиле старой Ивановской шахты. Самой разработанной названа жила старой Инокентьевской, с длиной штрека 85 метров. [5]

В том же 1928 г. территория находилась в границах Свердловского округа Уральской области. Но неожиданно существовавшие на ней поселения стали относить к соседнему Шадринскому округу. Так Рефтинский прииск (будущий посёлок Золото), списком населенных пунктов Уральской области (издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928 года) причислен к Ирбитсковершинскому сельсовету Курьинского района Шадринского округа.

В тот год на Рефтинском прииске теплилась жизнь в трёх домохозяйствах. Всего проживало 7 человек - 4 мужчины и 3 женщины, все русские.

Кордон Рудный (Шемейка) отнесен к Рудянскому сельсовету Курьинского района Шадринского округа. Было здесь два хозяйства, и проживало 12 человек обоего пола – 5 мужского, 7 женского. Интересен национальный состав этого поселения. Семеро то были русскими, что не удивительно. А вот остальные пятеро – поляки. Очевидно, что польским было одно из хозяйств.

Присутствие некогда представителей не типичной национальности на таёжном кордоне вскрылось в шестидесятые годы, когда переносили захоронения кладбища посёлка Рудный в связи с его ликвидацией. Наверное, выявилось это по надгробьям – детали мне не известны. Но устное предание живо до сих пор, и в той форме, что это были ссыльные поляки. В предыдущей своей работе я посвятил несколько страниц, исследуя такую вероятность. Одна из выдвинутых версий базировалась на том, что почти весь руководящий аппарат лесного ведомства в Пермской губернии был составлен из поляков, в большинстве своем, конечно, не ссыльных.

Данные списка населённых мест 1928 г. не были мне тогда ещё известны. С учётом их, получается, не только среди лесных начальников, но и на низовой работе представители польского народа были не в диковинку. Так на кордоне Щучий № 1 (в границах нынешнего г. Асбеста) в том же 1928 г. из 18 человек 9 тоже были поляками. И ст. Алтынай, кстати, они являлись второй по численности народностью – 4 человека (всего там проживал 21 чел.).

Недавно краеведы из Сухого Лога опубликовали воспоминания старожилов, подтверждающие народную молву. Действительно, на кладбище кордона Рудного захоранивались умершие ссыльные поляки, но – невольники советского времени. Об этом позже.

Кирилловский кордон несколько многочисленней Рудного. На нём проживало также две семьи, но с общей численностью населения 16 человек, 6 из них – мужского пола, 10 – женского. Все русские. Причислен Кирилловский кордон также к Рудянскому сельсовету Курьинского района Шадринского округа.

Приведём данные и о близлежащих кордонах этого же лесничества. На Роговском кордоне (на речке Роговушке) проживали братья по оружию кирилловских и рудных лесников. Обитала там одна русская семья, трое из них - мужского пола, двое – женского (всего 5 человек). Но отнесён кордон к Знаменскому сельсовету того же Курьинского района. [54]

Севернее защищали пространство Режевской лесной дачи, уже не графской, а государственной, кордоны Окунёвский, Ильинский, Осинковский. На Окунёвском (у озера Окунёво) проживала семья из четырёх человек, из них – одна женщина. Кордон находился в черте нынешнего посёлка Староокунёво.

Ильинский располагался на реке Ильинка, левом притоке Б.Рефта. В 1926 г здесь жилым был один дом с пятью обитателями. Пропорция была обратной, при сравнении с Окунёвским – мужик только один. Надеюсь, что соседи дружили домами.

А вот в 1928 г. Ильинский кордон исчезает из списка населённых мест, но появляется одноименный хутор. Это слово не на слуху у жителей Урала. Видимо по этому появилась легенда о неких казаках, поселившихся здесь. Но хутор – поселение, состоящее из одного домохозяйства. Название «кордон» указывало на его лесоохранное назначение. Если такое назначение было утрачено (по инициативе лесничества или работника), а поселенцы, удалившись от сторожевой службы, стали просто крестьянствовать, то название «хутор» идеально определит новую реальность. А поскольку состав населения остался прежним (один мужик плюс четыре бабы), можно определённо сказать, что произведён ребрендинг (по-современному сказать) одного и того же хозяйства.

На речке Осиновке, левом притоке М.Рефта, базировался кордон Осиновский. В 1928 г. там проживало 4 человека. Ровно половина - мужского пола. Женская часть здесь составляла, естественно, вторую половину населения. Но – лучшую.

Все три кордона относились к Режевскому сельсовету Режевского же района Свердловского округа, а до революции – к Режевской волости Екатеринбургского уезда. Население их, кстати, было русским без вариантов.

Русско-польским был кордон Щучий № 1. Пять хозяйств образовали населённый пункт общей численностью 18 человек. Поляками были 9 из них. Рядом находился одноименный под номером 2. Его население с 1926 г. по 1928 г. увеличилось на одно лицо и составило 8 душ. Прибавился один человек (скорее – маленький человечек) мужского пола, обеспечив численное гендерное равенство в пределах единственного на кордоне домохозяйства.

Кордоны Щучьи по состоянию на 1916 г относились к Белоярской волости Екатеринбургского уезда, в 1926 г. – к Ильинскому сельсовету Белоярского района Свердловского округа, в 1928 г. – к Асбестовскому поссовету Баженовского района. [52,53]

VII

Охрана и планирование лесного хозяйства стала ещё более актуальной. Наметила индустриализация в глобальных масштабах. К бассейну реки Рефт, как источнику важнейшего ресурса – древесины, находящегося вблизи транспортных магистралей, были обращены взоры руководителей многих строящихся и реконструируемых предприятий. Вдобавок, получили значение и перспективу объекты промышленности внутри края.

В статистический справочник Свердловского округа 1926 г. имеется раздел «Трестированная промышленность федеративного значения». В него включены всего 3 треста - Уралзолото, Ураласбест, «Русские Самоцветы». Если первый из перечисленных вяло, но участвовал в добыче золота на Рефтинских приисках, то трест Ураласбест почти всю продукцию поставлял с территории края, с Баженовских копей (рабочих 4238 чел., выработка в тоннах: асбест сортированный 10065, асбестит – 2382). Для треста «Русские самоцветы» базовой была добыча изумрудов с единственного в стране месторождения, которое позже назовут Малышевским. Тогда там работало всего 112 человек.[52]

Интерес к камням стимулировали находки на Мариинском месторождении. В июле 1924 года на делянке Скутина, самой южной из Старо-Мариинских копей, в северной части Центральной свиты месторождения, было открыто гнездо, содержащее высокосортные кристаллы изумруда. Из одного кубометра добытой здесь породы было получено ограночного сырья на полмиллиона золотых рублей, — камни высшего класса, густого ровного зеленого тона и редкостной чистоты. Скутинский клад стал главным событием в хронике уральских изумрудных копей первой четверти XX века.

Золото, асбест, изумруды – источник валюты для государства, поставившего целью фундаментальную модернизацию. Поэтому и придано их добыче «федеративное» значение. Значит нужно эту добычу повышать.

И повышали. На Мариинском месторождении в 1929 году в центральной части месторождения заложены шахты “Имени Сталина”, “Имени Кирова” и “Новая”, глубиной от 45 до 75 метров. Тогда же было начато строительство обогатительной фабрики и рабочего поселка.

Рос и развивался посёлок Асбестовых копей. На 1 октября 1927г на Асбестовых рудниках зарегистрирована девятая одна казарма общей площадью 26621 квадратный метр. На этой площади проживало уже 9862 человека, среди 7129 рабочих было 2733 семейных. На 1 января 1928 года население увеличилось еще на 463 человека. [2]

В конце двадцатых годов здесь начал строиться ряд крупных объектов: рудник «Спартак», фабрика для переработки руды с коротким волокном, шахта. Но главной заботой оставалась фабрика № 2, включенная в план строительных работ первой пятилетки. Стройка походила к концу, когда 11 мая 1929 года стряслась беда – вспыхнули деревянные корпуса фабрики. Пожаром в Асбесте заинтересовался Сталин. Прибыла правительственная комиссия, шло следствие, закончившееся судебным процессом. Много народа, по обычаям того времени, пересадили. [60]

Заметим, что корпуса фабрики были деревянные. Это подтверждает нашу мысль, о повышенном спросе промышленности на рефтинский лес, как строительный материал. Отчего бы не использовать кирпич, бетон? Одна из проблем – отсутствие цемента.

Будет цемент! В начале 1928 г. Уралсовет принимает решение создать в селе Сухой Лог Шадринского округа крупнейший комбинат стройматериалов, состоящий из цементного, шамотного, известкового и шиферного производства. Сказано – и в 1930 г. завод дал первый цемент. Но и эта стройка – тяжёлая нагрузка на тот же рефтинский лес. [4]

Опять потянулись в лес подводы с крестьянами. Без весёлого переклика, без шуток – прибауток. Лесозаготовки – не праздник труда. До коллективизации основная их тяговая сила – крестьяне, направленные в тайгу сельсовета по разнарядке. Уклонение от них, не выполнение плана – являлось аргументом для выселения. [1]

Чаще направлялись представители семейств, попавших в чёрные списки местных органов власти – имевшие недоимку по налогам, зажиточные хозяева, лица, служившие в белой армии. Позже большинство из них попадут под раскулачивание.

Позже – это совсем скоро. Начало массовому переселению раскулаченных положило Постановление ЦК ВКП (б) от 30.01.30 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Несколько спецпосёлков раскулаченных было в Сухом Логу. Дислокация промышленных спецпоселений в Сухоложском районе следующая (в скобках указана хозорганизация, к которой прикреплено поселение):

- п. Белая глина (шамотный завод) 674 жителя;
- п. Цементный (цементный завод) 201 житель;
- п. Асбест (цементный завод) 119 жителей. [29]

Но эти данные за 1941 г., когда кулацкая ссылка уже прошла пик.

Предприятия края имели свои лесозаготовительные структуры, для работы в которых привлекали в первую очередь контингент из числа раскулаченных.

Начальник Комендантского отдела Уралобласти Баранов в докладной записке председателю Уральского областного исполнительного комитета т. Ошвинцеву (НС № 251/и от 8/III 1931 г.) сообщал: «План районного расселения (раскулаченных – авт.) был построен исходя из необходимости использовать основную массу спецпереселенцев на лесозаготовках. /.../ Исключение составляет третья категория спецпереселенцев, которая помимо использования на лесозаготовках занята также в промстроительстве и добыче нерудных ископаемых. Общее число спецпереселенцев, занятых на лесозаготовительных работах, к числу всех лесозаготовительных рабочих дает 53, 8%».

Использование труда ссыльных было одной из центральных проблем и осуществлялось через заключение договоров с хозорганизациями. В обязанности принимающих организаций входило строительство поселков для раскулаченных, их благоустройство и снабжение необходимыми продуктами и вещами в соответствии с установленными нормами. Управление поселками возлагалось на комендатуры, которые должны были осуществлять учет спецпереселенцев и контроль за ними, а также соблюдение необходимых правил, основным из которых был запрет свободного передвижения вне территории поселка и места работы.

Управленческий аппарат содержался за счет 5 процентных отчислений от заработной платы трудопоселенцев, занятых в хозяйственных организациях (до 1931 г. эти отчисления составляли 25 процентов, потом до 1933 г. - 15 процентов).

На самом деле, как следует из докладной записки комендантского отдела Уралобласти председателю облисполкома от 08.03.1931 г., положение ссыльных было много хуже того, которое предполагалось постановлениями и виделось из кабинетов. По области было построено 6213 изб, в которых размещены 18639 семей с плотностью 0,91 кв.м. на душу. Еще 13212 семей ютилось по ближайшим к месту работы деревням. Отпуск товаров сопровождался перебоями и совершенным отсутствием в ряде районов длительное время спичек, керосина, соли, масла, овощей. Спецодежда не выдавалась, а личная испорченная не ремонтировалась в связи с отсутствием ниток. Как правило, «дети теплой и кожаной обуви не имеют и одеты исключительно в лапти. В качестве же верхней одежды употребляется все хоть сколько-нибудь возможное для использования старье. Особенно тяжело положение новорожденных и грудных детей, которые укрываются в ремки, почти не подвергающиеся мытью за отсутствием мыла и находятся в весьма низкой температуре сырых изб».[56]

Поселок Алтынай был лесоперевалочной базой. Очевидно, часть леса, доставляемая сюда сухопутным транспортом, перегружалась здесь в железнодорожные вагоны. Здесь работали и раскулаченные с Каменск-Уральских поселений. Вот фрагмент из книги Феклы Андреевой.

«Область решала вопросы массовой заготовки древесины: везде стройки. Потому мартюшовцы (с Каменск-Уральского спецпоселения Мартюши. – Ю.С.) были посланы на лесозаготовки за Богдановичи, на Алтанай, там они встретили конец 1933 года. /.../ Грузили восьмиметровик 2 состава леса. Один мартюшовец за хлеб пилил лес. Бригада была 9 человек. Норма - 6 кубов на человека. Обед - 300 грамм хлеба и похлёбка без масла. Кто не выполнил норму - 200 грамм. Кто съел хлеб по карточкам заранее - умирали на нарах. /.../ Кто не обессилел, то и выполнял нормы изо всех сил. Вертушка возила лес на Трубный завод. Паровоз и вагоны были с Трубного. Значит, мартюшовцы строили не только УАЗ, но и СТЗ» (Из воспоминаний Агафоновой (Манакиной) А. А.)). [1]

В городе Асбесте (а он стал городом в 1933 г.) количество спецпоселенцев было не большим. Рудники обеспечивали своей рабочей силой бежавшие от коллективизации крестьяне. Для предприятий это было и лучше – перед беглыми они не имели формальных обязательств по обеспечению жильём и пр. Но какое то число принудительно направленных имелось. Из с. Суворы Каменского района (ныне Богдановичского района) была выселена в Асбест семья Андреева Андрея Игнатьевича.[1]

По некоторым данным высланные кулаки проживали в посёлке Асбестовского совхоза (ныне – п. Белокаменный) и п. Черемша.

Характерной особенностью территории было то, что рядом с бараками, где проживали раскулаченные сезонники, стояли избы таких же раскулаченных, но избежавших режима спецпоселения. Избежавших неволи и спасших свои семьи через бегство в ночь, в глушь, в землянку. С одним топором и котомкой. Это какой-то мужицкий подвиг, который нам сегодня и постичь трудно. Пример – кордон Кирилловский.

Вот рассказ правнучки Ждановых – Микушиных, жителей Кирилловского кордона 30-х годов, Деминой Натальи Анатольевны.

«1929 год. Деревня Борчанино Шадринского района Курганской области (сейчас село называется Борчаниново – авт.). Семья Ждановых - Петра Евстафьевича и Анисьи Никитичны. Большая, крепкая семья. /.../И вот их решили раскулачить. Пришли, начали скотину со двора уводить. Сначала пришли в дом сына. А Павел, молодой горячий, жалко ему стало нажитого своим трудом добра, вступил с властями в пререкания, драку. Его схватили, привязали к его же повозке за ноги и ну гонять по деревне на виду у родителей и всех жителей.

Ночью Петр Евстафьевич и Анисья Никитична, дочь Мария, собрав кой-какую поклажу, маленького сына, пешком ушли дворами, лесами. А из Курганской области, сколько идти пешком? Шли по ночам, днем хоронились. /.../ Но пришли они в то место, где сейчас построен профилакторий (имеется в виду территория нынешнего поселка Рефтинского – авт.). Построили землянку, раскопали небольшой участок, посадили картошку и немного зерна. Пошел Петр обратно дочерей собирать, привел всех троих. И поправившуюся Марию, и Татьяну с Вассой.

В этот же год из деревни Калиновка, Буткинского района Свердловской обл. пришла семья Микушиных - Леонтий Ананьевич, жена его Василиса, две дочери Татьяна, Екатерина и сын Никифор. Так и жили они двумя семьями в лесу, в землянках до 1933 года. Относительно недалеко (километра 2) , на реке Кирилловке был лесничий кордон (Кирилловский кордон получил название по названию речки). Только почему-то до 33 года наши предки там не жили. Может, боялись, беглые, без документов, может с лесником не нашли общего языка?

А в 1933 году в лесничестве сменился лесник, лесником стал Сухарев Фрол и жена у него была тетя Паша. И вот тогда наши предки из леса вышли и начали строить бараки, около кордона, а потом здесь была организована вырубка леса, лес сплавляли по реке.

Поселение увеличилось./.../ Сколько-то лет подряд потом дед Петр ходил в Курганскую область и с ним приходили Ждановы, братья с семьями. Леса здесь были дикие, ягоды, грибы, в реке много рыбы, в лесу зверье разное. Власти не было./.../» [7]

Землянок, бежавшими от коллективизации крестьянами, вдоль Рефта было выкопано не одна и не две. Ниже приводятся сведения Рубцова В.Н., со ссылкой на записки отца, Рубцова Н.Ф.

«Таких людей, скрывающихся в лесах, почему-то прозвали «сектантами». Вот что пишет отец в своих охотничьих дневниках: «...24 авг.1934 г. Обедали у «Сектантских» избышек за Лубяным болотом. Интересное место. «Сектанты» там уже не живут, их оттуда прогнали, кажется в 1932 году. Глушь такая, что нескоро туда и попадешь. С трёх сторон болото, через которое можно только пройти пешком. Избушек несколько. Чувствуется, что жили тут недавно. До сих пор валяются незатейливые предметы домашнего обихода: горшки, кочерга, лопата и др. Избушки устроены оригинально – в земле. С наружи заметен только холм высотой 1 метр. Да и холм видно пока не зарос. Лаз в землянку сделан сверху. Внутри чисто и уютно. Имеется печка. Ночевать, вероятно, можно удобно. ...6 сент. 1934 г. Я разыскал ещё в двух местах «сектантские» избышки. Всего знаю теперь в четырёх местах». [39a]

Ждановы и Микушины были не единственными беглыми крестьянами, кому дал приют Кирилловский кордон. Здесь же спасался от высылки Савин Дмитрий Павлович (1874 - ?), проживавший до этого в Гляденах. В период коллективизации ему пришлось бросить свою мельницу и бежать на кордон, где жила его дочь Анна с мужем Бердышевым Павлом Алексеевичем, лесником.[23]

На Рудном кордоне существовало в 30-е годы подразделение Сухоложского лестрансхоза. На нём также спасались от удалённой высылки крестьяне. Об этом говорит запись в Книге памяти жертв политических репрессий. Микушин Архип Родионович, 1888г.р., место рождения – РСФСР, Уральская обл., Талицкий р-н, д. Калиновка, русский, проживал - Уральская обл., Сухоложский р-н, Рудный кордон, работал – Сухоложский лестрансхоз, Рудный кордон, плотник. Арестован 20 февраля 1933г., осужден 26 апреля 1933г. Мера наказания – спецсылка с семьей в Кизеловский р-н. [17, с. 271].

В 30-е годы хозяином Рефтинской тайги являлся Асбестовский леспромхоз. В 1940 г. его контору перевели в Сухой Лог, но название оставили прежним. История лесных предприятий края знала трагические страницы. В 1937 – 38 гг. были проведены массовые репрессии. Прежде всего, под них попали лица «инонациональностей» и раскулаченные. И тех, и других в лесхозах было много. По Книге памяти Свердловской области проходит (не полные данные) 20 человек, работавших в лесных предприятиях Рефтинского края, в основном – Асбестовском ЛПХ. Из них 6 человек приговорены к расстрелу, остальные – к заключению, сроком на 8-10 лет.

Одиннадцать репрессированных были финнами по национальности, по одному – венгр, белорус, поляк, остальные – русские. Большая колония финнов, существовавшая в Асбесте, состояла из уроженцев глубинных районов Финляндии, а один, вообще, родился в Канаде. Видимо они относились к, так называемым, перебежчикам, по экономическим или политическим причинам эмигрировавшим в СССР. Возраст их 20-30 лет, почти все – пролетарии-лесорубы. [14-21]

Не только коллективизация и другие глобальные процессы забрасывали людей на таёжные заимки. Порой туда селились по обычным житейским причинам. Вот что пишет Галина Ивановна Топоркова, 1934 г. рождения. Речь идёт о довоенном времени. «Жили в городе Свердловске. Кроме меня у отца Ивана Еремеевича и мамы Клавдии Назаровны были еще сын и дочь. Еще в период службы в армии отец сильно простыл и заболел туберкулезом. Врач порекомендовал ему сменить место жительства и переехать туда, где нет загазованности от промышленных предприятий. После недолгих сборов переехали в Сухоложский район и поселились в бараке на кирилловском лесоучастке Асбестовского леспромхоза. Здесь отцу очень пригодилась освоенная на заводе областного центра специальность лудильщика. На новом месте он стал лудить железную посуду и котлы, не только на своем участке, но и на лесоучастках Роговской, Винокурский и т.д.». [30]

Перекрылке, перековке, пересмотру в 30-е годы подверглось всё, включая административные границы. 17.01.1934 Постановлением ВЦИК Уральская область была разделена на три - Свердловскую с центром в г.Свердловске, Челябинскую с центром в г.Челябинске и Обско-Иртышскую область с центром в г.Тюмени. Территорию недавно образованного Асбестовского городского Совета окружали Баженовский район, Свердловский район, Режевской район, Сухоложский район. При этом Сухоложье расширило свои границы и значительно вышло за пределы бывшего Камышловского уезда, углубившись в земли бывшего Екатеринбургского уезда. Граница между Асбестовским горсоветом и Сухоложским районом стала проходить значительно выше Рассох по рекам Малый и Большой Рефт, практически – по правому берегу Пещёрки. Тем самым была ликвидирована двойственность положения кордонов Кирилловский и Рудный. До этого они, находясь на территории Свердловского округа, входили в состав Шадринского.

Кроме масштабных лесозаготовок, обрушившихся на край, не угасли и старые промыслы. На карте 1934 г. в районе Каменского урочища (восточнее реки Осинówki) показана смолокурня. А в двух километрах на юго-восток, ближе к северному краю Шамейского болота – два барака, вероятно, смолокуров.

Не прекратилась совсем и золотодобыча. В начале 30-х годов Аятско-Шайдурихинское управление ликвидировали. Рефтинские прииски вошли в состав Невьянского приискового управления. В годы второй пятилетки они стали частью Рефто-Покровской группы приисков Невьянского управления. Группу разделили на три участка: Икрянский, Шемейский и Февральский. Икрянский – по речке Икрянке. Шемейский – это по реке Шемейке, той, что вблизи п. Малышева. Где расположено Февральское месторождение, действующее и сейчас, точно сказать не могу. А.Афанасьев указывает – «на реке Покровке». [5]

Нет такой речки. Есть описание этого месторождения: «...примерно в 20 км. от г. Сухой Лог; в 3 км. от него проходит круглогодично действующая автодорога. В зоне действия лицензии находились восемь мелких подземных шахт; в XIX – начале XX века на них в общей сложности добывалось примерно 10 тонн золота в год». Думаю, что это место несколько ниже поселка Золото по Рефту, между этой рекой и дорогой, которая раньше называлась Покровской. Туристы, в 2010 г. сплавлявшиеся по Рефту, заметили подозрительные стоки в этом районе.

А.Афанасьев, изучавший архивные документы, сообщает, что в конце 30 –х годов на Рефтинские прииски активно поступала золотодобывающая техника и развивались технологии. В начале 1940 г. из-за «территориальной отдаленности» они были изъяты из Невьянского приискового управления и «в целях лучшего обслуживания» передан Тагильскому приисковому управлению. С началом войны промышленная добыча была прекращена. [15]

Однако, судя по информации краеведов, старатели одиночки и небольшие артели мыли металл и параллельно с промышленными предприятиями, и после них. Добытое золото принималось в п. Шамейка, где в специальном магазине его можно было поменять на деньги или товары. Н.А.Бархатова слышала историю от жителей п. Золоторуда, как найденный крупный самородок клали на перину, перину – на телегу, и с помпой возили по посёлку от двора ко двору, хвастаясь добычей.

VIII

Началась Вторая Отечественная. Ушли на фронт и с Кирилловского кордона. Микушин Никифор Леонтьевич. Погиб 15 июля 1943 г., похоронен в братской могиле в Орловской области. Сын Ждановых, Василий Петрович, погиб под Ленинградом. На фронт ушел добровольно, как говорят родственники «сбежал на фронт». Считался без вести пропавшим Жданов Михаил Васильевич. Лишь недавно его останки обнаружили поисковики и с почестями перезахоронили. [7]

Родина была не очень ласкова с ними, но они отдали за нее жизнь.

Ушёл воевать и лесник Кирилловского кордона Бердышев Павел Алексеевич. Дома осталась жена и пятеро детей, самый старший из которых был 1929 года рождения. Ладно, что с ними был семидесятилетний тесть Савин Д.П., тот самый крепкий хозяин из Гляден, бежавший от раскулачивания.

С фронта Павел Алексеевич, имевший офицерское звание, вернулся с туберкулёзом в открытой форме и с двумя контузиями. Оттого и умер рано, в 1953 году.[23]

Два предприятия имели участки на Кирилловском кордоне. Асбестовский леспромхоз треста «Свердлес» действовал здесь с 30-х годов. Как мы помним, в 1940 г. его контора переехала в Сухой Лог, а в Асбесте на оставшейся базе был образован Островской ЛПХ.

Асбетовский леспромхоз базировался на четырёх лесосплавных мастерских участках: Винокурский, Кирилловский, Круглыш и Ряпосовский (Светлая). Первые три стояли по реке Рефт, четвёртый – на Пышме. Винокурка недалеко от с.Рудянского. Речка Круглыш впадает в Рефт в двух с половиной километрах ниже Роговушки. Очевидно, там и базировался участок.

Организация работы участка в целом была такая: в лесосеках валили лес и создавали верхний лесной склад, затем колхозники на лошадях свозили брёвна на берег реки в нижний склад, где формировались штабеля. Как мы помним, на Рассохах имелось водохранилище для накопления воды. С началом лета штабеля леса раскатывали в воду, плотину разбирали и сплавляли брёвна в сухоложский затон.

Как в Асбетовском ЛПХ обстояло дело с рабочей силой? Вот как отвечала на этот вопрос Коковина Валентина Фёдоровна, ветеран леспромхоза: «До начала войны в леспромхозе были заняты рабочие постоянного местного кадра. В зимний период привлекались сезонные рабочие из колхозов района по разнарядке райисполкома, с гужевым транспортом для вывозки леса к местам сплава.

В 1940 году в леспромхоз прибыли спецпереселенцы из Польши, которые использовались, в основном, на строительстве плотины. С началом войны очень много мужчин ушло на фронт. На их место стали прибывать трудармейцы, вербованные и даже узбеки. Но южные люди и поляки стали умирать от холодов. Тогда руководство леспромхоза пошло на крайний шаг - согласиться на труд заключённых, для чего рядом была построена зона человек на 100. Эти были покрепче, поэтому использовались на погрузке вагонов с продукцией. В целом к концу войны в леспромхозе (вместе с участками) работало от 400 до 500 человек».[58]

Мария Петровна Осинцева, 1931 г.р., в период войны работала на лесозаготовке на участке «Кирилловский». Проживала она в с. Бараба. Направлялись селяне на лесные работы распоряжением колхозного начальства, по разнарядке вышестоящих органов. Первый раз ее вернули с Кирилловского назад – мала годами. Возвращались домой пешком, голодные, со слезами. Во второй год приняли. Работала по уборке бараков, на кухне, пилила сушняк. Бараков было не меньше двух – мужской, женский. Общую численность работников Мария Петровна назвать затрудняется. «Человек сто, наверное». Кроме Барабинских колхозников, на Кирилловском в тот год работали также жители д. Бруснята Белоярского района.[56]

Из четырнадцатилетних подростков формировали звенья. Летом они шкурили пеньки, заготавливали кору, осенью ходили по лесосекам и жгли кучи из сучьев. Работали и маркировщиками. Нужно было точно измерить диаметр бревна на расстоянии 1,3 метра от комля, эту цифру (марку) поставить на срезе и одновременно по таблице определить его объём, взять на учёт. Счёт начинался с 8 см и шёл дальше по чётным числам вплоть до 20 см, а затем через 4 см до 80 см. Малолетки распиливали хлысты на лесосеках, пилили берёзовое долготё на короткие чурки для газогенераторных автомобилей.

М.Жигалов, ветеран войны и житель села Знаменского, так пишет о лесозаготовках. «Это была сушая напасть для председателей колхозов, которая преследовала их с осени и до весны. Кого послать? Какую лошадь дать? Надо было найти добрые сани и подсанки, сбрую и верёвки, а главное - в колхозах не была трудоспособных мужчин. Приходилось посылать женщин и подростков. 18 и 17-летние Сухоносова Вера, Попова Мария, Бердышева Александра, Подъезжих Ксения работали зимой 1942 года на Кирилловском участке, а 16-летний Егор Марков попросился сам. Коновозчику давали 800 г хлеба в день, а лошади – овёс».

О масштабах привлечения колхозников к лесозаготовкам говорят документы Сухоложского РК ВКП(б). Решение бюро от 19.10.1943 г. «О мобилизации людей на заготовку дров для железных дорог». Постановили: в соответствии с постановлением ГКО от 29 августа 1941 г. мобилизовать на заготовку дров для НКПС: мужчин в возрасте 16-55

лет и женщин – в возрасте 18 – 45 лет, годных к физическому труду на период с 01.11.1943 г. по 01.04.1944 г. в количестве: пеших – 45 чел., возчиков с лошадьми из колхозов – 45 чел. Ответственные – председатели сельсоветов.

Решение бюро от 12.11.1943 г.. Утверждается план лесозаготовок на осень-зиму 1943-44 гг.: в объеме 74. 000 физметров. Председателям сельсоветов выделить 520 пеших и 365 возчиков с лошадьми на период с 27 ноября 1943 г. по 10 апреля 1944г. [58]

Кроме рубки, сортировки и отгрузки сырого леса Асбестовский леспромхоз обеспечивал производство шпал, рудостоек (для шахт), различного пиловочника, оборонного заказа. В 1942 г. в Сухом Логу был создан ДОК №3 (в 90-е годы он носил № 864). Комбинат относился к Народному Комиссариату обороны, и весь военный заказ взял на себя.

Как питались работники ЛПХ, как снабжались? На этот вопрос лучше ответят ветераны. Коковина Валентина Фёдоровна, работала бухгалтером: «Хлеб и продукты питания, как и везде, выдавались по карточной системе. Нормы питания, за исключением конторских ИТР, были достаточно высокими. Поскольку мощности Сухоложского хлебозавода не справлялись с нуждами населения, у нас по линии Райлеспродторга были свои хлебопекарни, хоть и примитивные, но вполне удовлетворяющие спрос на всех участках и здесь, на лесобирже. Конечно, это было далеко недостаточно. Поэтому ещё до войны на всех лесоучастках были организованы подсобные хозяйства: садили картошку, кормили поросят. А приезжавшие на лесозаготовки колхозники, как правило, привозили своё мясо и другие продукты. По хлебу для них у ОРСа была своя система расчётов с колхозами.

По одежде. Всем работавшим с лесом выдавалась добротная спецовка, а зимой - тёплые брюки, фуфайки, валенки, рукавицы».[58]

Лесные посёлки стали многолюдней, чем в мирное время. Власти искали и находили возможность как-то обустроить жизнь таёжников. Так, в 1942-43 учебном году Асбестовским гороно была открыта начальная школа на Кирилловском кордоне – на 25 учащихся.[2]

Между тем штаты Асбестовского ЛПХ наполнялись людьми, к потомственным таёжникам не относящимися. В июле 1944 г. в Сухой Лог привезли выселенных из Крыма армян. По неполным данным 86 человек из них направили на работу в леспромхоз (на Винокурку и 201-й лесоучасток). [58]

В конце 1945 г. в Асбестовский леспромхоз поступили репатрианты. Работали они и на Кирилловском участке. Рядом с лесным посёлком в те годы появился погост. «Было небольшое кладбище, но не своих жителей, а репатриированных». Это свидетельства, исходящие от очевидцев. Но про репатриантов какой категории идёт речь, пока не понятно.

Большое их спецпоселение (несколько тысяч человек) немцев-репатриантов существовало в г. Асбесте (на ул. Чапаева) и в п. Изумруд. К этой категории относились лица немецкой национальности, до войны оседло проживавшие в западной части СССР (Украина, Крым, Прибалтика и т.д.), оказавшиеся на оккупированной врагом территории. В конце Второй Мировой войны большинство из них переместилось (было перемещено) в Польшу и Германию. По мере продвижения наших войск, органами НКВД советские немцы возвращались в Союз, но уже – в районы, восточнее Уральского хребта, на спецпоселения. В Асбест эшелоны с репатриантами начали прибывать в самом конце 1945 года. [56]

Репатриантами называли и советских граждан, находившихся в немецком плену или на принудительных работах. После освобождения, в закрытых вагонах, их направляли на объекты народного хозяйства, где они подвергались проверке. Без отрыва от производства.

В конце 1945 г. 300 человек из состава этого контингента высадили на железнодорожной станции 228 км. Разъезд находится в 9 км от ст. Кунара по ветке на

Егоршино. Здесь был посёлок леспромхоза. В.В.Жердёв, прибывший этим составом: «До нас здесь жили и трудились зэки». Приведём отрывок из его воспоминаний, опубликованный в книге сухоложского автора Павла Моисеева «За колючей проволокой...».

«Вскоре нас распределили на работу по лесоучасткам леспромхоза. Например, Кирилловский находился на расстоянии 30 километров от поселка. Мы жили в вагончиках или специально срубленных избушках. Пищу готовили сами из продуктов, которые привозили из столовой, когда в конце недели приезжали в поселок в баню.

На ближние участки приезжали повара, чаще всего молодые девушки. Одна из них Наташа стала моей женой, мы прожили с ней вместе до глубокой старости. После того как мы с ней расписались, нам выделили отдельную комнату в бараке.

Местное население относилось к нам по-разному. Одни нам сочувствовали и помогали обустроиться: приносили мебель, делились семенами, одеждой. Другие, как говорится, глядели исподлобья. Находились и такие, которые враждебно в открытую и за углом называли нас предателями, фрицами, фашистами и т.д. Порой мы не знали, куда деваться от такой несправедливости. Некоторые даже не выдерживали и стремились любыми путями уехать в другую местность.

На лесоучастках валили лес и вывозили на лошадях к дорогам и трелевали его в штабеля для дальнейшей вывозки в леспромхоз. После обработки, сортировки и раскряжевки часть леса направляли на пилораму, часть складировали в железнодорожном тупике для погрузки в вагоны. Лес, который заготавливали по берегам Пышмы, сплавляли по воде. В районе леспромхоза были установлены транспортеры и лебедки, с помощью которых бревна вытаскивали на берег. С нами на лесоучастках работали репатриированные поляки и японские военнопленные. Поляки запомнились мне своей замкнутостью, японцы же наоборот были улыбкивы и доброжелательны, охотно помогали, если кому-то это требовалось.

Не брезгуя, вместе с нами курили замусоленные окурки с самосадом. Свой табачок, полученный в посылках, иногда обменивали на кошек, мясо которых использовали в пищу. Присутствия духа они не теряли, надеялись на скорое возвращение домой, и приглашали нас заранее в гости в Японию. Они очень хорошо владели приемами оказания первой помощи, даже если поблизости не было лекарств. Освоили наши нецензурные слова, но их произношение всегда вызывало неудержимый смех. По подсказке местных жителей они собирали лекарственные травы и заваривали чай. Мы настолько привыкли к ним, что всегда тревожились, когда они отсутствовали. И сейчас по улице Гоголя и около ДОКа (в г. Сухой Лог- Ю.С.) стоят деревянные дома, построенные японцами». [30]

В свидетельстве, приведенном выше, упоминаются «репатриированные поляки». Это ошибка. Репатриированный, значит, – возвращённый на родину. Для поляков – родина Польша. Но такая ошибка в воспоминаниях старожиллов встречается постоянно. Нельзя исключить, что на кладбище Кирилловского кордона захоронены депортированные поляки.

Имеется два свидетельства, что эта категория населения появилась в Сухом Логу в 1940 г. По другим источникам, направлены были в этот посёлок не прямо с запада, а из Сибири, где некоторое время проживали.. Исходя из этого, можно предположить что они относились к выселенным с Украины в 1936 г. Тогда переселению подлежали поляки и немцы (но главным образом поляки), проживавшие в 800–метровой полосе вдоль тогдашней государственной границы с Польшей, на территории полигонов или укрепрайонов, к строительству которых тогда только приступали. Следующий поток поляков был действительно направлен на Урал (и за него) именно в 1940 г. Из присоединенных к СССР районов Западной Украины и Белоруссии выселяли всех «осадников» (своего рода польский вариант «казачества») и членов их семей. Официально контингент этой депортации так и назывался — «спецпереселенцы».

осадники» (или, точнее, «осадники и лесники»).

А вот воспоминания Московских Анны Павловны. «Летом в начале войны мы ходили за ягодами в район лесного кордона Винокурка, где жили и работали репатриированные поляки. Выше старого моста, выше существовавшей мельницы жил лесник и мы постоянно к нему заходили. Он нам все и рассказывал. В виду плохих бытовых условий, отсутствия теплой одежды и тяжелого труда на повалке леса и отсутствия какой-либо медицинской помощи поляки часто умирали. И их хоронили на лесном кордоне Рудном, где также жили и трудились поляки. А вот военнопленные немцы, а позднее японцы жили на Беленковке».[30]

В одной своей работе автор долго гадал о происхождении польских могил на кладбище Рудного. Их наличие обнаружилось при перезахоронении, перед ликвидацией посёлка Рудного, помешавшего золоотвалу. Всё тайное становится явным...

В сороковые годы Кирилловский вырос из рамок кордона. По таёжным меркам он стал уже серьёзным поселением. Кроме подразделения ЛПХ, здесь базировался и участок Алтынайского химлесхоза. В 1943 г. на карте появился посёлок Алтынай, вобрав в себя одноимённую железнодорожную станцию, древнее село Ирбитские Вершины и деревню Ёлкино. Судя по всему химлесхоз был образован здесь несколько раньше.

Почему-то главными поставщиками живицы для страны в довоенное время были Украина и Белоруссия. Очень быстро оказавшись в тылу врага, эти территории уже не могли помочь советской промышленности. А ей нужна была смола. Смола – это канифоль, важный компонент при изготовлении синтетического каучука, резины, используемый также в качестве флюса в электротехнике и радиопромышленности. Для обороны страны продукт крайне необходимый. Что и стало причиной активного сбора живицы в нашем сосновом краю.

Теперь редкое хвойное дерево, возрастом старше 40 лет, в ближних и дальних окрестностях посёлка Рефтинского, не несёт на своём теле следов хака. Это инструмент, используемый при добыче (подсочке) смолы. Устанавливаемыми в нем резцами наносятся прорезы на стволе предварительно частично окорённого дерева (с оставлением примерно миллиметрового слоя коры).

Сам инструмент крепится на круглой палке, держа которую, вздымщик применяет инструмент, производя прорезы на стволе от центра окоренной части (карры) по восходящей вправо и влево, вроде ёлочки вверх ногами. Все рефтинцы видят эти перевёрнутые ёлочки ежедневно. Причём, чем ближе местность к бывшему Кирилловскому посёлку, тем плотность подсоченных деревьев в общей массе выше.

Кроме Кирилловского участка у Алтынайского химлесхоза был и Роговский, базировавшийся в районе одноимённого кордона. Головное предприятие достаточно серьёзно организовало и структурировало добычу живицы. В штатах участков, кроме вздымщиков, были коновозчики, бондари, разнорабочие, технички. На Кирилловском имелся свой фельдшер. В 1944-45 гг. на этой должности находилась Афонасьева Таисья Яковлевна. Был у Химлесхоза и свой ОРС. Подозреваю, что эта аббревиатура молодежи ничего не говорит. Значит, им придётся поверить, что в советское время такая служба в штате предприятия сулила причастным только хорошее. Дешифруется - отдел рабочего снабжения.

Свой посильный вклад в дело победы химлесхоз вносил не только сбором живицы. Он имел план по рубке и вывозу леса, заготавливал ягоды, грибы, лекарственные травы для госпиталей, мох и т. п.

А вот указание Обкома от 05.03.1942: городу Сухому Логу собрать... 1200 кг подснежной клюквы в зимний период. [58]

Наверняка, это задание, которого не давала и мачеха падчерице в известной сказке, Сухоложский райком перепоручил химлесхозу...

Километрах в четырёх от поселка Золото ниже по Рефту, на другой стороне реки, находилась лесозаготовительная база Сухоложского ДОКа № 3, относящегося к

оборонному ведомству. Здесь нашу экономику поднимали войны вражеских армий. Имеются пространные воспоминания, которые дают представление о жизни в этом посёлке в то время.

Панов Иван Егорович: «В конце 1946 года после победы над Японией мне пришлось трудиться вместе с японскими военнопленными, которые были доставлены из районов Дальнего Востока на Урал. Мне было 17 лет. Основная их часть была размещена в казарме на территории нынешнего поселка СМЗ. Остальные были разбросаны по лесозаготовительным участкам леспромхоза.

Наш участок располагался в местечке Норна, выше по течению реки Рефт, в четырех километрах от поселка Золото. Пленные валили лес, обрубали сучья, крежевали по заданному размеру. Нашей задачей являлось на лошадях доставлять хлысты на берег реки в штабеля, где наши женщины осуществляли замер-тычковку, черной краской обозначая размер каждого хлыста на срезе для учета.

Заготовкой в штабеля занимались зимой, а по весне, когда разливалась река, кадровые рабочие с помощью багров сталкивали бревна в воду и во избежание заторов сопровождали искусственные плоты по реке Пышма. В случае затора взрывники, а это были опытные женщины, в местах затора устанавливали толковые шашки, протягивали бикфордовый шнур на берег, где и осуществляли его поджог. Работа взрывников всегда была рискованной и требовала быстроты действий и внимания.

На нашем участке лошади были свои, а на Золоте немецкие тяжеловозы, которые были завезены в качестве трофеев в период войны с Германией. Они использовались в основном для транспортировки длинных хлыстов и погрузки их на лесовозы. Жили мы в бараках - в местечке Винокурка. Пищу готовили поочередно из заработанных средств. Трудовая дисциплина в леспромхозе была очень жесткой. Опоздание на работу на 20 минут каралось шести месяцами отработки с вычетом 20% из заработной платы. Опоздание на один час грозило от одного до шести месяцев тюремного заключения.

От недоедания, из-за простудных заболеваний и тяжелого изнурительного труда рабочие, в том числе японские военнопленные, часто умирали. А из-за напряженного трудового плана, сильных морозов или весенней распутицы, умерших до кладбища в районе поселка Глядены просто не довозили. Чаще всего назначенный на погребение человек, грузил тело на сани-розвальни, довозил до соседнего леса и засыпал труп отходами гнилых деревьев и корневищ в первой попавшейся яме. По этой причине покойник чаще всего становился добычей бродячих собак или стаи волков, которых в то время водилось очень много. Были случаи, когда волки нападали на живых людей. Поэтому люди старались ходить по лесу или по полям с подручными средствами защиты - вилами, топорами, огненными факелами, ломами, железными прутьями.

Умерших документально регистрировали по месту кладбища. Причиной тому были не только климатические условия и трудности тех лет, но и всеобщая ненависть к бывшим врагам, так как почти в каждом доме лежало извещение о гибели или пропаже без вести родного человека. Были случаи, когда умерших немцев и японцев хоронили на городском кладбище, где специально для них была выкопана большая траншея. Часто в этой же траншее хоронили людей из местного населения, которые не имели своих родственников или условий для погребения».[30]

Такие сведения, полученные от очевидца, бесценны. Например, мы узнаём о том, что в посёлке Золото содержались трофейные немецкие кони-тяжеловозы. Это наполняет конкретным содержанием предположения (на основе баек) о некой конеферме в данном поселении. Это с одной стороны.

С другой стороны, нужно учитывать человеческий фактор. Людская память создаёт коктейль в рассоле собственной ментальности из виденного, слышанного, читанного...

Например, многих, наверное, поразила оглашённая практика «захоронения» умерших пленных японцев. Находились они в Сухоложском районе в составе ОРБ

(отдельного рабочего батальона) МВС № 435. Вот цифры. В Свердловской области по состоянию на 20.02.47г. находилось 1984 солдата Страны Восходящего Солнца. За период их пребывания (1946 – 1948 гг.) умерло 54 человека. То есть менее 1 процента в год. Это много ниже уровня смертности гражданского населения сейчас и здесь.

В земле Сухоложского района осталось – по одним сведениям 20, по другим – 14 японцев. На 14 есть данные. Из них зимой 1947 г. умерло 2 чел., зимой 1948 г. – 4 чел. То есть на массовую гибель – ну, никак не похоже. Причём, захоронением соплеменников во всех лагерях занимались сами пленные.[30]

Воспоминания Хабаловой Елены Трофимовны приведём почти полностью, потому что они дают подробности жизни в посёлке ДОКа. «После того, как умер отец, а я ещё была маленькой, у мамы на руках остались кроме меня старший брат и сестра. Жили в с. Курьи. В школу меня определили с 8 лет. Проучилась ровно два года. В 1942 году мы переехали на лесоучасток ДОКа № 3. На лесоучастке в основном жили и работали трудармейцы, занимавшиеся лесоповалом и сплавом леса на биржу Асбестовского леспромхоза, для загрузки пиломары ДОКа.

Мама устроилась банщицей. Топила для рабочих баню и стирала одежду. /.../ Первое время жили в палатке, отапливаемой печкой-буржуйкой. К зиме перебрались в землянку, которую переметало снегом так, что приходилось рыть ходы, похожие на подземные тоннели. По весне землянки заливало водой, и мы вновь перебирались в палатки. /.../

В конце 1945 года на лесоучасток привезли пленных японцев. Перед их прибытием рядом с нами была огорожена спецзона, и выставлена охрана. В короткие сроки пленные срубили несколько бараков, как для себя, так и два барака для обитателей лесоучастка. Вскоре мы из землянок перебрались в них. При зоне для пленных были организованы столовая, медпункт, прачечная - комнаты быта и отдыха. Были у них свои повара, парикмахер, медицинский сотрудник. Меню в основном соответствовало национальным блюдам Японии. Продукты поставлялись централизованно, в основном преобладал рис.

Часто они получали посылки с родины и по линии международного креста. Охотно делились с нами их содержимым. Мы нелегально снабжали их свежими ягодами, так как прямое общение с ними запрещалось. Особенно лютым среди охранников был Феофанов, отличавшийся от всех неприкрытой грубостью и, не стесняясь, крыл всех нецензурной бранью. Пленные его побаивались, да и мы, когда он приходил в баню, старались на глаза ему не попадаться.

На лесоучастке было много лошадей. Это были трофейные лошади-тяжеловесы, доставленные из Германии. Ухаживали за ними и работали на них коневоды из пленных. И делали они это довольно ревностно и добросовестно. Кони всегда выглядели сытыми и ухоженными. Лес пленные валили с помощью поперечных пил. Хотя данная работа была не из лёгких, особенно в зимних условиях, японцы делали это умело, со сноровкой, словно занимались лесоповалом всю жизнь. От мороза они особо не страдали, так как были одеты в длинные меховые шубы зелёного цвета. Правда, были случаи и с летальным исходом: простудные заболевания, отсутствие квалифицированных врачей - все это играло роль... Сами же пленные в сопровождении охранников умерших увозили на кладбище. Были слухи, что иногда хоронили прямо в лесосеках. Но с нами на эту тему никто разговоров не вел». [30]

Заготовка леса для Сухоложского ДОКа МВС производилась пленными японцами в районе Рассох, месте слияния рек Малый и Большой Рефт. Эту информацию сообщил мне О.Г.Секисов, житель п. Рефтинского, со слов сына одного из очевидцев. При этом была и любопытная подробность. Японцы частенько переворачивали двуручные пилы «зубьями вверх» и лишь имитировали процесс пиления, пока это не замечал «начальник». Что не вяжется с современным имиджем японского народа и отсутствует в воспоминаниях других сухоложцев. Но, видно, подневольный труд корректирует ментальность, а жизнь многогранна.

На лесоучастках работали и пленные немцы. В этом городе дислоцировалось отделение № 6 Нижне-Тагильского лагеря № 153 и отделение № 7 Асбестовского лагеря № 84. По стандартам НКВД численность лагерных отделений находилась в пределах от 500 до 1500 чел. Жители Сухоложья встречали пленных солдат-европейцев во время весеннего сплава леса. Брёвна покрывали всё русло реки, создавали заторы. Для из разборки и выставлялись пленные. Делали они это умело и даже несколько раз спасали гражданских, когда те оказывались в воде, пытаясь перейти реку по затору. [30]

И с другой стороны, с Асбестовской, вгрызались тупыми двуручными пилами в Рефтинскую тайгу воины иностранных армий. Они были осведомлены о том, что здесь, тридцатью годами раньше, трудились солдаты кайзера. Шутили на эту тему. «Полотна пил не берут дерево, хотя товарищ категории три постоянно беспокоится, разводит их и точит. Беспомощно взглянув на инструмент, он говорит: „Я думаю, здесь военнопленные ещё с I Мировой войны пытаются наточить пилы напильником”.

Тайга производила на них впечатление. «Перед нами, похожий на угрожающее чудовище, сибирский девственный лес. Никто не позволил бы раньше себе грезить, что будет обязан работать здесь однажды, как лесоруб. Natschalnik прибывает и выделяет нам участок. Где начинается эта непроницаемая чаща? В сравнении с этим немецкие леса - парки». [65]

Асбестовский лагерь военнопленных № 84 был крупнейшим в области. Его история началась в ноябре 1942 г. и закончилась в сентябре 1949 г. Численность контингента в пиковый период (начало 1945 г.) достигала 18 тысяч человек. Здесь скажем только о лесных лагерных отделениях. Таких было три, но один находился на левом берегу Б.Рефта. Пусть о нём напишут мальшевские краеведы. И не забудут упомянуть, что в бараках этого лагеря до сих пор живут люди...

Лагерное отделение № 4 располагалось 12 км севернее ж/ст. Асбест, в лесной чаще, на берегу ручья Теплый Ключ, притока речки Пещёрки, впадающей в Рефт. Отделение маленькое, лесозаготовительное. Жилой фонд составляли в 1946 г два рубленых дома и один каркасно-засыпной. Причем в двух домах жилой была только одна половина, во второй размещались лазарет на 15 коек и амбулатория. В зоне имелись слесарные и кузнечные мастерские. Наличествовал также карцер. Были баня и прачечная. Баня находилась за забором, снаружи. Там же штаб л/о, общежитие личного состава, гарнизон конвойных войск, конюшня, склады. Всё по-настоящему. Имелись даже помещения для собак, хотя сами собаки в отчетах не показаны. Зона маленькая – 72 на 123 метра. Четыре вышки.

Военнопленных в августе 1946 г. 450 чел., при лимите – 600. На 20.03.1947 г. лимит – 350 чел., факт – 266 чел. Отопление печное, электричество есть, вода из незамерзающего ручья в 80 метрах от центра зоны. Качество воды хорошее. Весь фонд построен лаготделением за счёт треста «Союзасбест», у которого он стоял на балансе. Военнопленные были заняты на лесозаготовках для треста «Союзасбест». [38]

Ещё осенью 1941 г. сюда была протянута из Асбеста узкоколейная ж/д, для доставки леса на нужды города. [60]

Между тем, драматические события, происходившие в этом лесном лагере в первые послевоенные годы, перешагнули через колючую проволоку и рассматривались германским правосудием уже на родине. Заслуживает внимания статья из западногерманского журнала «Шпигель» от 18 мая 1950 года. [64]

В статье, вернее, заметке из зала суда, журналист описывает ход процесса по обвинению одного из вернувшихся из плена солдат, бригадира лесозаготовительной бригады Карла Лангенбаха в преступлении, которое он совершил во время пребывания в асбестовском лагере. Началось с того, что на станции Херсфельд в Гессене тридцатилетний антифа-активист Карл Лангенбах был побит своим солагерником Германом Розенбаумом, бывшим лейтенантом. В дело вмешалась полиция, но предварительное разбирательство привело к аресту самого Лангенбаха. Розенбаум обвинял его в убийстве двух пленных зимой 1945-46 года, когда тот руководил лесными

работами в пятнадцати километрах от Асбеста (очевидно, л/о № 4 на Тёплом Ключе). Лангенбах сбивал подчинённых ударом с ног и запрещал другим оказывать им помощь, после чего те умирали от переохлаждения. Подсудимый оправдывался тем, что погибшие были симулянтами и отлынивали от работы.

Было допрошено свыше 70 свидетелей, бывших «асбестовцев». Лангенбаха пришлось поддержать много антифашистов, считавших, что это политическая расправа над их единомышленником. В зале присутствовала даже руководитель фракции коммунистов в ландтаге. Суд принял, под одобрение публики, оправдательный приговор. Потому что, «выступавший здесь офицер однозначно был по политическим мотивам против обвиняемого настроен».

Отделение № 9 находилось в 9 км на восток от г. Асбеста, в 8 км от ж/ст. Из населённых пунктов в этом районе и в это время известен выселок Мокринский, а также некий хутор по речке Талице. Жилой фонд состоял из рубленых одноэтажных домов и принадлежал Островскому механизированному лесопункту. Вместимость бараков 200 чел. Хотя лимит по нормам 1946 г. – 600 чел., фактически присутствовал 201 чел (на 09.08.1946 г.) Имелись амбулатория и лазарет на 10 коек, баня, дезокамера, парикмахерская, сушилка и т.д. Склады, штаб, квартиры личного состава – за периметром. Было электричество «от местной электростанции». Водой снабжались из колодцев, расположенных в 150 метрах от зоны. Военнопленные были заняты на лесозаготовках в Островском МЛП, в среднем на эти работы выводилось по 135 чел. В 1947 г. отделение числилось, как безлюдное.[38]

Итак, в сороковые годы таёжные посёлки были базой добычи стратегически важных для страны материалов – леса и продуктов лесохимии. Заготовку древесины вели Асбестовский леспромхоз (с конторой в Сухом Логу), ДОК № 3 Министерства вооружённых сил (тоже Сухоложский), комбинат «Ураласбест» и Островский леспромхоз Министерства лесной промышленности (г.Асбест). Технологии того времени требовали привлечения для этих работ большого количества рабочих рук, которыми малолюдные лесные поселения не располагали. Соответственно, мобилизационные формы привлечения трудовых ресурсов – колхозников по разнарядке. Но опустевшая во время войны деревня не могла одна поднять этот непосильный груз силами стариков да подростков.

Естественным, с позиций того времени, было использование на лесосеках принудительного труда – депортированные поляки, «выселенные из Крыма», репатрианты. Начиная с 1943 г. заметно помогал фронт, поставляя пленённых вражеских солдат в тыловые районы. И вот уже ратоборцы европейских армий, с топором и пилой, а не с автоматом, здесь и у нас – решают лесозаготовительные задачи. А с 1946 г. и воины Страны Восходящего Солнца по-восточному учтиво кланяются местным бородатым мужикам, ожидая разнарядки.

Постоянные жители посёлка Кирилловского работали, преимущественно, на подсочке, в Алтынайском химлесхозе. По памятной книге Сухоложского района, из 12 человек, имеющих звание «Труженики тыла» и работавших во время войны на Кирилловском участке, лишь один работал в леспромхозе. Это тот самый Савин Дмитрий Павлович, 1874 года рождения, хозяин мельницы, бежавший на кордон от раскулачивания. Всю войну этот семидесятилетний мужик проработал лесосплавщиком и был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Остальные 11 «кирилловчан» трудились на подсочке. Работа эта подвижная, ходячая. Конвоирование вздымщиков невозможно. По этому Алтынайский химлесхоз волей-неволей опирался на местные кадры.

Суда по всему, этому же предприятию принадлежали рабочие руки п. Рудного и п.Золото. В посёлке Золото кроме того, в первые послевоенные годы размещалось конехозяйство Асбестовского леспромхоза, имевшее на содержании элитных трофейных немецких тяжеловозов.

Таким же, лесозаготовительным и лесохимическим, как и Кирилловский, был посёлок Роговский. Похожими друг на друга, как близнецы, были поселения Тёплый Ключ и ДОКа. Оба были чисто лесозаготовительными, возникли во время войны. И то, и другое стали отделениями лагерей военнопленных. Однако, в первый период на работах здесь были заняты советские граждане. В посёлке ДОКа – трудармейцы. По Тёплому Ключу данных нет, предположительно – заключённые Асбестовской ИТК, и замена их иностранным контингентом произошла не ранее 1943 г. В посёлок деревообрабатывающего комбината пленные японцы пришли не раньше конца 1945 г., т.е. уже после победы. Уточняя, на всякий случай, - нашей победы.

Между тем, людской состав лесозаготовительных пунктов, представлявший из себя удивительный калейдоскоп, начиная с 1946 г. стал терять краски. Разрешили возвращаться на родину полякам. Репатрианты – бывшие узники немецких концлагерей, после проверки также получали право на вольное поселение. В 1946г. демобилизовали труармейцев, но немцев и представителей других депортированных народов оставили на спецпоселениях со статусом «постоянные кадры промышленности». На восток, в сторону восходящего солнца, были отправлены в 1948 г. пленные японцы. А сентябрём 1949 г. Урал покинули последние эшелоны с воинами европейских государств - участников гитлеровской коалиции.

Высвобождающиеся бараки частично заселялись пенитенциариями. В Асбесте в мае 1950 г. разворачивается Баженовлаг, ориентированный на комбинат Ураласбест. Существует он до апреля 1953 г. и численность его контингента колеблется от 3-х до 6-ти тысяч. Но и после ликвидации Баженовлага, предположительно до конца 50-х, в городе горного льна существовала ИТК (на 1.01.1954 г. – 3677 з/к). [56]

Существует предание, что когда в опустевший посёлок Тёплый Ключ привезли вольнонаёмных «вербованных» лесозаготовителей, то они увидели забор, колючую проволоку, вышки и плакат, типа, «На свободу - с чистой совестью».

Все-таки, с начала 50-х годов, преобладало привлечение в лесную промышленность т.н. «вербованных кадров». В частности именно так комплектовался рабочей силой посёлок ДОКа после выбытия японцев.

Между тем масштаб лесозаготовок в Рефтинском крае сокращался по объективным причинам. В 1952 году запас местных лесных массивов оказался исчерпанным, леспромхоз в Сухом Логу был ликвидирован и передан Висимо-Уткинскому ЛПХ (г. Н-Тагил), часть коллектива уехала туда. На базе оставшихся в городе производственных зданий и оборудования были созданы в 1953 году Центральные ремонтно-механические мастерские для лесной промышленности (ныне СМЗ).[58]

Но бренд «Асбестовский леспромхоз», благодаря выжившим пленным известный и за пределами страны, не исчез. Очевидно, контора опять вернулась в Асбест. Винокуровское лесничество (включая Кирилловский кордон) вплоть до 1965 г. относилось к этому предприятию.

В 1952 г. в Сухоложском районе был выполнен план лесоустройства. Вероятно, масштабы рубок были значительно сокращены. Однако и в 60-е годы Винокуровское лесничество вырубало по 350 га в год. Была здесь своя лесозаготовительная бригада. На площади 250 га выполнялись лесокультурные работы. Посадка производилась силами лесников и школьников. Лесников в те годы было 12 человек. В конце 50-х лесничей (т.е. начальником Винокуровского лесничества) была женщина – Жаркова Нина Павловна.[57]

Лесникам было чем заняться и в зимнее время, когда хорошо бы подремать на кордоне - лёжа на тёплой широкой печи. Пахнет горячим кирпичом. Мирно булькает в чугуне похлёбка. За печкой пыхтит в бутылки молодая брага...

Но нет и зимой покоя. План по изготовлению мётел – 36 тысяч штук в год на лесничество! Да ещё отвод делянок под рубку. Хоть увольняйся...

Видимо Алтынайскому лесничеству, угожья которого располагались большей частью восточнее железной дороги, достались немецкие лошади-тяжеловозы,

содержащиеся в посёлке Золото. В 60-е годы числилось их (или их потомков?) на конном дворе 17 голов. Этими лошадиными силами трелевался лес, грузился в вагоны. На них лесорубы выезжали на делянку.

Как минимум до начала 60-х силами «вербованных» продолжалась лесозаготовка в районе посёлка ДОКа. Была там даже 4-х классная школа. Учительница жила в п. Золото. Проблемой для неё было преодолеть реку, чтобы попасть к ученикам. Помогали «доковцы», перевозили на лодке. [56]

После сокращения планов рубки, посёлки Кирилловский, Рудный, Золоторуда, Роговский стали чисто «химлесхозовскими». Более того, подсочкой стали заниматься и жители сельскохозяйственного выселка Крутая, относящегося к Покровскому сельсовету Артёмовского района. По домохозяйственным книгам 40-х гг. там насчитывалось 25 дворов. [35]

В промежутки между 1956 и 1967 г на карте появился «смоляной» посёлок Крутишка. Относился он Артёмовскому горсовету, находясь от него в 28 км. [43] Располагался Крутишка в углу, образуемом нынешней ЛЭП-500 и Покровским трактом, у Рудного болота. Подсочка – дело летнее. Лесхим привлекал сезонников, размещая их в бараках, которые были в посёлках. А чем занимались зимой постоянные кадры? «Драли дранки, окоряли лес, готовили для летнего сплава». Тоже помечтать у тёплой печки не получалось.

Вот в таком примерно состоянии находилась территория накануне строительства ГРЭС. До этого производились обширные изыскания. По словам бывших жителей посёлка Кирилловского, о том, что энергогигант изменит уклад их жизни, они знали задолго – ещё в пятидесятые годы. Раньше Госплана. Видимо, и будущее своё посельчане проектировали с учётом этих знаний.

IX

Теперь от обзорного - к более подробному описанию Рефтинских поселений 50-х – 60-х годов XX века. И об их закате.

Кирилловский в 1956 г. считался ещё кордоном, относящимся к Рудянскому сельсовету Сухоложского района. Расстояние до центра Совета – 20 км. Лишь справочник 1967 г., в последний год жизни, назовёт его посёлком. [42,43].

Между тем стояло там жилых домов 15 – 20. Это довольно много для таёжного края.

Вот воспоминания бывшей жительницы: «В посёлке были бараки, по 8 -10 квартир. Простых домов только 3. Кордон относился сначала к Асбестовскому, потом к Винокурскому лесничествам. До Асбеста и других крупных пунктов из посёлка добирались пешком, на лошадях. В школу дети ходили – до 4-го класса в свою, на Кирилловском, потом – в Рудянском (интернат). Электричество было от тракторного «движка», но недолго перед сносом посёлка – 3-5 лет. Рядом были ещё посёлки «лесхима» - Золото, Рудный, Винокурка, Круглыш. Жили весело, молодежь ходила на горку». [46]

Горка, как я думаю, это заметная возвышенность рядом с Кирилловским. Сейчас она оказалась на острове. Бараки были перепланированы под квартиры в последние времена.

Посёлок стоял на перекрестке четырёх дорог. Одна грунтовка вела к Рассохам, пересекая Б.Рефт выше их, и далее соединялась с дорогой Асбест – Реж. В черте посёлка один её маленький участок остался на суше – от Дворца культуры, через ручей Панов к профилакторию.

Другая дорога шла, примерно, мимо нынешнего рыбхоза, через сегодняшний первый золоотвал к посёлку Рудный, и далее вливалась в древний Покровский тракт.

Ещё один путь - в город горного льна. Вёл он с Кирилловского на юг, вдоль речки Вискорной до истока, далее – примерно по трассе построенной позже железной дороги

(уже, впрочем, не железной), и к г. Асбесту. Горожане называли её Рудянской. Действительно, по ней из Асбеста можно было пройти в Рудянку, через Кирилловский.

Это уже четвертая дорога. С кордона она шла вниз по главной реке, пересекая общее устье рек Вискорной и Каменки (они сливались до впадения в Рефт). На карте, составленной в 20-е годы, показан мостик через эту водную преграду. Так же, как и через Журавлёвку, которую нужно было преодолеть далее. Участок до речки Роговушки, а потом до Рудянки, как будто сохранился и даже показан на картах автодорог. Охотники говорили, что на УАЗике проехать можно.

В Кирилловском располагались, кроме кордона Винокуровского лесничества, контора мастерского участка Алтынайского химлесхоза. Из социальных объектов – пекарня, магазин «химлесовский», начальная школа. В 1967 г. жителями посёлка Рефтинского на кордоне фиксировалось стадо коров, очевидно, принадлежащее колхозу с. Рудянского. Для скота был устроен огороженный выгон. [49, 50]

Да, был период, год – полтора, когда молодой посёлок энергетиков и выдавший виды «таёжный тупик», лишь недавно получивший дребезжащий электрический свет от тракторного движка, соседствовали друг с другом. По прямой расстояние между ними – километра полтора, не больше. Но дорога петляла и казалась очень длинной. На самом деле она соединяла не два посёлка – две эпохи, две цивилизации.

Рефтинцы ходили по этой дороге на кордон за молоком, на рыбалку. А юные «кирилловчане» и «кирилловчанки» верхом на лошадях скакали в новую, пахнущую краской, 15-ю школу. Некоторые строители ГРЭС снимали жильё в Кирилловском посёлке. Эта симфония отношений между будущим и прошлым была не долгой, ибо она противна прогрессу. Но мы с вами, дорогие читатели, её на ленте истории зафиксировали.

Уже на закате своей жизни, в ноябре 1965 г., Кирилловский кордон, в составе Винокурского лесничества, был передан из Асбестовского леспромхоза Асбестовскому же лесхозу. А уже в июне следующего года перешёл к вновь образованному Сухоложскому лесхозу. Та же судьба постигла и Алтынайское лесничество. [57]

Между тем, приунывшие несколько, топоры и пилы воспряли. Отдалённые звуки этих орудий, постепенно приближаясь к кордону, смешавшись с треском падающих стволов, рёвом машин и тракторов, пронзительным визгом бензопил – создали неслыханную для здешней тайги какофонию.

Ещё бы. Начиная с 1964 г. от Асбестовского посёлка Северный энергостроителями прорубалась просека под дорогу. В 1965 г. бетонка вышла к промплощадке. Параллельно дороге, от Окунёвской подстанции готовился коридор для ЛЭП. А от ст. Рефт (оп. 205 км) прокладывалась железнодорожная ветка силами треста Свердловсктрансстрой.

Особенно масштабная лесосека образовалась при подготовке ложа водохранилища – 30 квадратных километров. До его заполнения нужно было спилить и выкорчевать лес, вывезти его из зоны затопления, очистить дно, иначе вода будет гнить. Занимались этим лесоучасток Управления строительства ГРЭС, Асбестовский леспромхоз. Уралэнергострой привлекал к работам студенческие стройотряды (например, свердловский «Алый парус»). В тайге появились новые, невиданные контингенты, с гитарами и романтическим флёром. ССО, работавшие на объектах ГРЭС в 70-е годы, стали основателями известной и любимой «Знаменки».

Но не до песен было старожилам Кирилловского. Молодёжи то, конечно, новая жизнь, с кино и танцами – в радость. А старики и зрелые мужики чесали бороду. «Поменять избу на благоустроенную квартиру – хорошо. Но здесь я хозяин, а там кто? В новую жизнь идём, неведомую. С документами, участковыми, ещё хрен знает с кем... С городскими, в общем, порядками. Со скотиной что делать? Эхма...».

Но, так, или иначе, 20 августа 1968 г. Рефт был перекрыт, и началось наполнение водохранилища. К этому времени Кирилловский был уже снесён. А его жители переселены в квартиры только что выстроенных домов по улице Гагарина.

Сказывают, что при этом возникли трудности. В опустевшие избы тут же вселялся пришлый люд и тоже требовал жильё. Помучившись, начальство распорядилось сносить дома немедленно после их освобождения, дежурным, так сказать, бульдозером.

Небольшое кладбище репатриантов, находившееся рядом с посёлком, не переносилось.

Посёлок Кирилловский Рудянского сельсовета Сухоложского района был исключён из учётных данных только 11.10.1972 г. решением облисполкома №778. Этим же распорядительным актом были списаны, как мы позже увидим, чуть ли не все «химлесовские» поселения территории.

Так закончилась в жизни Рефтинского края «кирилловская» эпоха.

Рудный кордон, по состоянию на 1928 г. числящийся в составе Рудянского сельсовета, в 1943 г. был уже подчинён рабочему посёлку Алтынай. Это следует из Указа Президиума ВС РСФСР от 20.08.1943 г., согласно которому селу Ирбитские Вершины изменено наименование и статус. А в 1956 и 1967 гг. административные справочники называют Рудный уже посёлком. [42, 43]

Этот населённый пункт, в отличие от Кирилловского, мало кто из первостроителей вспомнит. Видимо, по каким-то «химлесхозовским» причинам, в начале 60-х он оказался не перспективным. Вот воспоминания Кузьминых А.Г., работавшего геодезистом: «Посёлок Рудный. Когда мы в нём появились, там уже мало кто остался. Закрыли участок Химлесхоза, люди уехали. Работали в основном сезонники, был барак».[50]

Александр Падылин, ныне священник храма Трёх Светителей п. Рефтинского. «Работал с топографами, обозначали просеку на 1-й золоотвал. Были в п.Рудный. Там было дома 3-4. Жители занимались смолой». [47]

Однако кладбище возле Рудного было довольно большим. Чем объяснить это, я не знаю. Видимо исторически так сложилось. А.Г.Кузьминых, геодезист Рефтинской ГРЭС, лично занимался вопросами перезахоронения. «Когда переносили кладбище, объезжали соседние поселения – С.Лог, Алтынай. Данные по захоронениям были в Сухом Логу и Алтынае. Искали родственников захороненных менее 20 лет. Умершие почти все имели заключение о смерти «дизентерия». За 20 лет умерших было около ста. Почему много захоронений? Лесных посёлков было много». [50]

Некоторые родственники нашлись, и им была оказана помощь в переносе праха. Останки тех, чьи родственники не объявились, были перезахоронены, как мне сообщил старожил поселка Рефтинский Буслаев А.С., «с левой стороны у входа на старое рефтинское кладбище». Во время этой деликатной процедуры выяснилось, (видимо, по надписям на надгробиях), что среди захороненных были лица польской национальности. А.Г.Кузьминых, впрочем, не смог мне этого подтвердить. Выше по тексту мы уже ответили на вопрос, как в земле рефтинской оказались поляки..

Снос поселения, как я понял, состоялся в 1969 г. А официально посёлок Рудный Алтынайского поссовета был вычеркнут из числа живых 11.10.1972 г, тем же решением облисполкома №778.

Сменил сельсовет приписки и Роговский кордон. Относящийся в 1928 г. к Знаменскому сельсовету, в 1956 г. он числился уже за Рудянским. [42]

В годы войны, как мы помним, здесь был участок лесохима. По книге «Труженики тыла Сухоложского района проходят три вздымщицы Роговского участка, удостоенные такого звания: Агеенко Нина Михайловна, 1925 г.р., Лескина Анисья Васильевна, 1918 г.р., Панкрушина Елена Петровна, 1928 г.р.

Была здесь и лесозаготовка. Один ветеран сообщал мне, что у Роговского в 70-х (?) видел остатки узкоколейной ж/д. Куда шла – неизвестно. Видимо, местная, не соединенная с «большой» ж/д. Наверное, лес с делянок Роговушки по ней перевозили на лесосплавный участок Круглыш, расположенный ниже по Рефту.

В 1967 г. Роговской (именно в таком написании) был зарегистрирован, как посёлок. И довольно солидный. Несколько барачков, магазин, своё кладбище. А в середине 70-х от поселения оставались лишь развалины. [48]

Известным уже нам решением облисполкома №778 от 11.10.1972 г. посёлок Роговской Рудянского сельсовета исключён из учетных данных, как прекративший существование.

Этот же документ поставил крест на судьбе посёлка ДОКа. Впервые на административном поле Свердловской области он обозначен только в 1967 г, через 25 лет после образования. Возможно потому, что относилась его деятельность к военному ведомству. Причислялся населённый пункт к Алтынайскому поссовету. К этому времени лесодобыча прекратилась. Жители покинули дома, переехав на новое место работы. Избы, кстати, были хорошие, рубленные.

Затем, какое-то время, посёлок использовался как базовый для выпаса колхозных стад с. Рудянского. В середине 70-х от него оставались развалины. [43, 48, 50]

И для посёлка Крутишка, относившегося к г. Артёмовску, 11 октября 1972 г. стал последним днём. Об этом населённом пункте вообще мало кто что знает. Место, где он раньше находился (не далеко от второго золоотвала) почему-то облюбовали барсуки, и охотие люди их там добывают. Обозначается оно на современных картах, как урочище.

Осиновский кордон, в 1916 г. принадлежавший Режевской волости, в 60-е годы XX века перепрофилировался в одноимённый «лесохимовский» посёлок Малышевского поссовета. В перестроечном 1987 г. Осиновка ещё числилась в живых, имела 10 человек населения и пропала, видимо, в жуткие 90-е. На схеме избирательных округов по выборам депутатов Палаты Представителей Законодательного Собрания Свердловской области, составленной по состоянию на 23.12.1997 г., этот населённый пункт значится. – скорее всего формально. [43, 44]

Сегодня от него ничего не осталось, всё заросло, остался только фундамент водонапорной башни, некогда здесь стоявшей.

Судьба Ильинского кордона, возникшего в районе активной золотодобычи, похожа. Принадлежащий Режевской волости, потом Режевскому сельсовету, и ставший хутором в 1928 г., в 1956 г. он снова стал кордоном Изумрудского поссовета. В 1967 г. поссовет из Изумруда (Первомайского) переведен в Малышево. Ильинский числится уже посёлком. Однако на карте, составленной по состоянию местности на 1987 г., кордон показан как не жилой. Зато четырьмя километрами севернее красуется посёлок, и тоже Ильинский. Проживало в нём тогда около 20 человек. Второе, и общепринятое наименование этого населённого пункта – 29-й квартал. Возник он до 1956 г., и как говорят лесники, был «подсочный», т.е. жители занимались смолой.

На сегодняшний день, как сообщают краеведы и лесоведы, там, где был Ильинский кордон находится насосная подземных вод, качающая воду для города Асбеста. Имеется здесь и пост охраны. То есть, какая-то жизнь сохранилась.

В посёлке же «Лесной квартал № 29» (Ильинском), поддерживает жизнь старик Евтушенко, бывший егерь. Ранее он проживал в пос. Коммунальном. Поэтическая фамилия отшельника может обмануть. За свой нелюдимый характер дед получил прозвище Гестапо. Но, благодаря ему, не разоряются и другие оставшиеся строения посёлка, в том числе дом станции юных натуралистов (от г. Асбеста). Затворник, сказывают, зимой 2009/2010 г. жаловался на засилье медведей.

На правом притоке М.Рефта речке Марковке, сейчас впадающей в питьевое водохранилище, стоял посёлок с тем же названием. Первоначально он назывался не посёлком, а участком, что указывало на его производственное предназначение. Относился он к Изумрудскому поссовету (1956 г.), а с 1967 г. - к Малышевскому. 30.12.1976 г., решением облисполкома №1099, пос. Марковка исключен из учетных данных, как прекративший существование.

Малорефтинский кордон и посёлок (участок) Коммунальный стан (Коммунальный) располагались по М. Рефту, соответственно, на последнем его подъеме на север и резком спуске, перед слиянием с Рефтом Большим. Малорефтинский имеет ещё одно название – Известковый. Однако по административному справочнику 1956 г. эти поселения числятся отдельно, как принадлежавшие Изумрудскому Совету. Очевидно, располагались они рядом и стали позднее считаться одним жилым пунктом. Но только в народном сознании, потому что в последующие списки населенных мест они не включались. На карте 1987 г. кордон Малорефтинский отмечен, как нежилой. По другим данным, кордон там функционировал до последнего времени (сейчас - 2011 г.) и лишь недавно продан частнику.

Вот сведения об этом кордоне, сообщённые мне В.Н.Рубцовым. «Рядом с кордоном велась добыча и обжиг известняка. Сохранились фундаменты домов и остатки печи для обжига. Этот промысел, предположительно существовал ещё до постройки кордона, известь вывозилась на Режевской завод, а позднее и в Асбест. В 18 – 19 веке для Режевского завода в этих местах выжигался древесный уголь, о чём свидетельствуют многочисленные остатки кучёнок в виде кругов с канавой по периметру. /.../ С постройкой железной дороги Екатеринбург – Тюмень через кордон прошла дорога, соединяющая Реж со ст. Грязновская. Частично эта дорога используется до сих пор. После войны здесь работали лесники: Мальцев, Усольцев, Сосекин, снова Мальцев (погиб на кордоне во время грозы в 1987 г.). В начале 60 годов рядом с кордоном были построены головные сооружения Асбестовского водозабора. В 80 годы существовала звероферма. В настоящее время – фермерское хозяйство». [51]

Коммунальный учитывался в составе Изумрудского, потом Малышевского поселкового Совета, с 1956 г. по 1987 г., хотя на карте середины 80-х он уже не показан. По сведениям лесников, посёлок нежилой, зарос лесом.

Небольшое поселение было на Рассохах, у плотины. Административно, в списках населённых мест, оно не проявилось. Возможно, учитывалось в составе Кирилловского посёлка. Мы это предположение сделали раньше, когда просматривали 20-е годы. Очень подробно рассказывает о старой плотине знаток края, охотник и рыболов с 50-летним стажем Владимир Николаевич Рубцов.

«Сначала о старой плотине в Рассохах. О времени её постройки пока я ничего не нашёл. Возможно, её возведение как-то связано с бумажной фабрикой И. Е. Ятеса близ села Курьи. Мой отец был в Рассохах осенью 1933 года на охоте. Плотина уже тогда была не новой. Там были люди и плотиной пользовались для сплава леса. Через пруд он переправлялся на боте. К сожалению, не помню, что он говорил о жилье.

В 80-е годы случайно в поезде встретился со стариком, который в 30-е годы с артелью работал на заготовке леса в Рассохах. Он говорил, что там было более сотни лошадей. В 1951 году там был мой брат - ходили с учителем в поход. Ночевали они в одном из двух, довольно большом бараке. Но баракам, с его слов, было не более десяти лет. Под плотиной на левом берегу имелась баня. Рабочие на лошадях привозили лес и складировали его на правом пологом берегу под плотиной.

Я в Рассохах первый раз побывал с отцом в 1957 году и далее ежегодно неоднократно до осени 1968 года. Плотина находилась сразу после слияния Б. и М. Рефта.левой стороной она почти примыкала к довольно высокому берегу (сейчас это примерно нижний край мыса между «новым» каналом и заливом у теплиц). Правый берег был пологий и по нему, как продолжение плотины, уходила дамба из грунта метров на сто. Сама плотина была деревянной из трёх срубов, засыпанных бутом. Ширина каждого прохода примерно пять метров. Высота метра четыре. Сливные полы из деревянных плах, длиной 6 метров. Внизу отбойники из 5 – 6 брёвен с наклоном 45 град. Тросы на отбойниках почти сгнили. Плотина к 1957 году горела. Моста не было, щиты и стойки отсутствовали. Вода в пруду была полностью спущена. Никаких строений, за исключением землянки не было. На берегу лежал настоящий якорь, старый - престарый с

метр высотой. Выше плотины лежали отбойники, связанные из двух толстых брёвен, длиной метров по двадцать. Внизу в шуме плотины была яма, глубиной 4 метра – хорошее рыбное место.

К плотине подходила дорога снизу по правой стороне Рефта (позднее сделали и по левой). До 1960 года пруд был спущен и начал зарастать кустами. В 1960 Асбестовское общество охотников решило здесь сделать охотбазу. Плотины на скорую руку засыпали бутлом, а по верху положили асбоцементные трубы. Весной 1961 всё это смыло паводком. Положение исправили, перегородив сливной фронт брёвнами диам. 0.5 м на высоту 3 метра. Сделали и пешеходный мост. Плотиной занимался пенсионер Пылаев. На место барачников привезли бревенчатый дом (старая почта, попавшая под расширение карьера – кстати, находилась она на берегу высохшего Щучьего озера рядом с первой церковью, уже давно снесённой). В общем, база заработала, пруд наполнился, появились лодки, ночлег.

Егерем был года два Виктор (фамилию забыл), потом Михаил Кондратьевич Хорьков до затопления. Так как был нанесен ущерб, строителям Рефт ГРЭС пришлось построить новую базу – «Чайка» (которой тоже дано нет)». [51]

В пруду водились щуки килограмм по 20. [47]

Из окрестных поселений долго держался, но тоже сгинул, выселок Крутая. Ему помогала диверсификация деятельности – сельское хозяйство и лесохимия. Вот как он выглядел в 50-е годы, со слов Коржова С.М (сообщено 09.12.2009 г.). «Был в Крутой в середине 50-х годов. Ходили на уборку картошки, в сентябре, в 9-м классе. Мимо деревни проходила ЛЭП 35 кВ. Домов стояло 10-15. Дома пятистенные, хорошие. Картошка огромная уродилась, с детскую голову. Хотя земля – чистый песок. Хлеба здесь растили мало. Мы жили по домам. Молодежь была, гармошки по вечерам».

В 1967 г. Крутая – уже не выселок, а посёлок Покровского сельсовета. Но 24.07.1984 решение облисполкома №265 поставило на нем крест, исключив из учётных данных. Крутая не дожила 8 лет до своего векового юбилея.

А вот посёлок Золоторуда выстоял. Как мы помним, после завершения активной фазы золотодобычи с началом Великой Отечественной войны, он стал вспомогательным для леспромхоза. Здесь был конный двор, на котором содержались, в том числе, трофейные немецкие лошади-тяжеловозы. Очевидно, что вслед за завершением масштабных лесозаготовок в начале 50-х, это дело сошло на нет.

Параллельно жители посёлка занимались подсочкой от Алтынайского химлесхоза. Этот промысел стал затухать в начале 60-х, что совпало со строительством ГРЭС.

В 1959-1962 гг. на Рефте работала одна из партий Зауральской комплексной геологоразведочной экспедиции. [5]

Однако нового «золотого периода» за этим не последовало.

К тому времени, когда здесь появились энергостроители, в посёлке имелся магазин, клуб, школа. Была и молодёжь. Жители ближних и дальних таёжных заимок (соответствующего возраста) ездили сюда (чаще – на лошадях) в кино, на танцы.

Название поселения «Золоторуда» (в изученных автором документах) проявилось в 1943 г., в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР об отнесении Ирбитских Вершин к категории рабочих посёлков с присвоением наименования Алтынай, с перечнем подчинённых ему населённых пунктов. Ранее, в 1928 г., как мы помним, посёлок золотодобытчиков фигурировал, как Рефтинский прииск.

В 20-е годы существовал трест «Уралзолоторуда». Возможно, расположив здесь свою структуру, эта организация и «окрестила» приисковый центр своим сокращённым именем. Однако, среди населения посёлок устойчиво именовался Золото. 09.02.1977 г. облисполком даже принял решение за №78. «Уточнить и считать правильными наименования населённых пунктов: пос.Золото (вместо пос.Золоторуда) Алтынайского поссовета». Однако, республиканские органы это решение не утвердили. Он так и остался с прежним именем.

К этому времени посёлок основательно опустел. Трудоспособное население вливалось в ряды энергетиков и строителей Рефтинской ГРЭС - перспективного предприятия. Меньшая часть переехала в Сухой Лог - тоже городок ничего себе. Оставались пенсионеры, выросшие в эту землю корнями.

Постепенно он приобретал черты дачного поселения. Я первый раз оказался там в середине 80-х. Ни школы, ни клуба уже не было в помине. В нескольких домах никто не жил, другие – использовались в дачном режиме. Власть (на общественных началах) представлял старик лет семидесяти, депутат Алтынайского поссовета. Телефонной связи не было испокон веков, вплоть до эпохи мобильных. Правда, короткое время, в семидесятые, прямо по сосенкам натягивали полевой провод (километра полтора), подключаясь параллельно к телефону насосной «Золото».

Сами дома имели сибирский вид. Мне, уроженцу Курганской области, они казались довольно угрюмыми. Строили их, как мне пояснили, приезжие крестьяне в 30-е годы. Не нужно пояснять, что сельская миграция в то время носила принудительный или вынужденный характер.

В 1985 г. в посёлке Золоторуда по официальным данным проживало 30 человек. В настоящее время имеются попытки восстановить промышленную добычу драгоценного металла. АОЗТ "Аурум" вело разведку золота рудного на участке Рефтинской зоны, включая Февральское и Икрянское месторождения. В частности, на месторождении Февральское в 2002 году были проведены геохимические и геофизические исследования, а также пробурены скважины, показавшие наличие золота в кварцевых жилах, а также в зонах выветривания и окисления.

Кордон Тёплый Ключ в административных списках появился единственный раз – в 1956 г., как относящийся к Асбестовскому горсовету [42]

Не факт, что место дислокации (в военное и первое послевоенное время) лагеря военнопленных, и упомянутый кордон – это одно и то же поселение. До войны населённого пункта здесь не просматривалось. На карте 1934 г. видны лишь сараи, метрах в трёхстах южнее ручья, и избы, километром севернее. Однако на схеме Асбестовского охотхозяйства 60-х годов, примерно в районе тех изб, у болота Круглого, и показан населённый пункт, в два дома, под названием Тёплый Ключ. Вероятно, это и был кордон.

А вот что пишет о этом поселении В.Н.Рубцов « Был такой посёлок у строителей Рефтинской ГРЭС примерно с 1964 по начало 70-х годов. Подобные были рядом на опушке и на Окунёвской подстанции. До строительства ЛЭП с Егоршино в Асбест (закончена в конце 1927 года) на этом месте была охотничья избушка. После строительства остался барак, пара бревенчатых домов, сарай и баня. Какое-то время в одном из домов жил лесник Козлов. Во время войны, кажется зимой 1942 года, здесь жила бригада военных мясозаготовителей - отстреливали козлов для фронта

К зиме 41 – 42 года жителями города от Пролетарки началось строительство узкоколейки в сторону реки Пещерка (в основном за счёт субботников). Городу нужны были дрова. Жителям отводились делянки вдоль узкоколейки, всё это самостоятельно вырубалось, подвозилось к узкоколейке, грузилось на платформы. Потом паровозиком дрова доставлялись в город. Строительство железнодорожной дороги продолжалось до окончания войны. Узкоколейка шла по дороге, которая сейчас пересекает бетонку (поворот на Чайку), далее, не доходя 200 м до ЛЭП, она сворачивала направо, пересекала р. Тёплый ключ (остатки моста сохранились) и выходила на квартальную, которая идёт от стадиона к пляжу в Рефтинском. Заканчивалась она за Пещеркой.

К тому времени, когда я часто стал бывать в этих местах (1956) рельсы уже были сняты, на Тёплом Ключе барака уже не было, оставались два маленьких бревенчатых

дома. В одном из них давно жил старик со старухой. /.../В 1957 году за Пещеркой были вырубка примерно 8 – 10 летней давности, далеко не дровяного масштаба». [39a]

В 1964 г. посёлок Тёплый Ключ стал местом жительства части первостроителей Рефтинской ГРЭС. Здесь были построены щитовые дома, как минимум два. Есть их фотографии.

Остался посёлок и в воспоминаниях пионеров строительства. «Не забыть старушку с заимки Тёплый Ключ, ее все звали ласково, на уральский манер, «баушкой». Она радушно приглашала строителей на свой огород подкормиться «витаминами». [33]

Отмечен Тёплый Ключ и в ранних документах вновь образованного Рефтинского поселкового совета. К протоколу заседания исполкома за № 1 от 30.03.1967г (т.е. самого первого заседания органа самоуправления п. Рефтинского) имеется приложение. Называется оно «Закрепление организаций, учреждений и подразделений за участками в посёлках по очистке территорий». За 3-м участком Управления строительства закреплялись п. Кирилловский, пос. Тёплый Ключ, подстанция.

В дальнейшем этот посёлок уже никак о себе не напоминал. Очевидно, его жителей переселили в Рефтинский, а щитовые дома разобрали. Надо полагать, что 1967 г. был для него последним. Забывать Тёплый Ключ нельзя. Он реально спасал город Асбест от холода, давая ему топливо в военное время. Делалось это совместными усилиями: горняков, самоотверженно проложивших в 1941 г. в лесную чащобу узкоколейку; слабыми силами оголодавших пленных; жилистыми, татуированными руками советских зеков.

Тёплый Ключ слышал: комсомольские речёвки и вдовий плач; звонкие антифашистские воззвания пленных и злобное фашистское шипение в ответ, блатные истерики и хриплый мужицкий мат; наконец – гитарное бречание и романтическое пение строителей–шестидесятников. И всё это за неполные тридцать лет.

Начало становления посёлка Рефтинского неразрывно связано с временным городком строителей, получившим название Опушка леса, или просто - Опушка. Это светлое, лесное имя в списки населённых мест Свердловской области не включалось. То есть, строго говоря, поселение формально административной единицей не являлось. В проектной документации оно именовалось менее поэтично - «Перевалочной базой строительства в районе Северного рудоуправления г. Асбеста».

Северное рудоуправление размещается в районе, где до революции находился Мухановский асбестовый прииск. Позже, в 20-е годы, населённый пункт при прииске стали называть Пролетарским рудником, затем - посёлком Пролетарка. Лишь в 1977 г. он включён, вместе с близлежащими посёлками Новоокунёво и Староокунёво, в черту г. Асбеста.

В июле месяце 1963 г. в город горного льна с Яйвинской ГРЭС (Пермская область) прибыла первая партия строителей. Главной их задачей являлось возведение до конца года временного жилого городка, сборные конструкции которого вскоре стали поступать. Площадка на опушке была удобна тем, что она находилась у точек, от которых начиналось строительство автодороги к будущей электростанции и ЛЭП к ней же (с подстанцией Окунёво). Во вторых, рядом находилась железная дорога комбината Ураласбест, по которой удобно было доставлять строительные материалы и технику. По воспоминаниям, к 1 января 1964 г. были возведены два барака. Тем самым, первостроители обошлись без палаток и землянок, столь любимых стихотворцами.

На западе посёлок Опушка соседствовал с поселением Северным, имевшим причудливую судьбу. По некоторым данным, требующим подтверждения, здесь с 1949 по 1956 гг. размещалось отделение № 6 лагеря МВД для осуждённых военнопленных № 476. В этом названии коренное слово «осуждённых». Подавляющее количество пленных II мировой войны, захваченных Советским Союзом, к этой категории не относились. Они находились в нашей стране по обычаям войны и возмещали, своим трудом, нанесённый ущерб. Таких было более 4 миллионов человек. Лишь 20 тысяч из них были осуждены за

военные (совершенные в период боевых действий) или воинские (совершённые в плену) преступления и оставлены отбывать наказание, после отправки на родину остальных пленников. Из них две тысячи находились в Асбесте. Сроки у них были большие, чаще всего – 25 лет неволи, но в 1956 г. их освободили.

В лагере 476/6 отбывали наказание и высшие чины армий противника. Так на кладбище этого лаготделения захоронены 7 генералов вермахта – один генерал армии, два генерал-лейтенанта, 4 генерал-майора.

Рядом с лагерем находилось его подсобное хозяйство. В 1963 г. строители ГРЭС разместили автогараж в помещении свинарника, кормившего ранее зеков-иностранцев.

Сразу же после освобождения лагеря от немцев в 1956 г., его, без единого выстрела, заняли асбестовцы. Проживали они там до начала 70-х, пока посёлок не был расселён и не пошёл на слом. Лагерная инфраструктура, в частности клуб, использовалась по назначению, а также там размещалась школа, посещали которую и дети первостроителей ГРЭС. Потребность в школьных местах увеличивалась и достигла максимума в 1966-67 учебном году. В Рефтинском уже было заселено два дома (Гагарина 3 и общежитие Гагарина 12), стояло несколько десятков вагончиков, плюс - Опушка, Теплый ключ и два вагончика на подстанции Окунёво. Общая численность населения пять тысяч человек. А школа 15 была введена только в октябре 1967г.

Детей размещали, кроме Северного, в школе п. Окунёво. А.И.Рыжаков вспоминает: «Пока не построили 15-ю школу, ездили учиться на Окунёво и на Северный в начальную школу (деревянную) и восьмилетнюю кирпичную». Поскольку существующих помещений катастрофически не хватало, как рассказывал Моторин В.И., одно время ученики занимались даже в Новоокунёвской общественной бане. Школьники из Рефтинского добирались до мест занятий рейсовыми автобусами, им выдавались специальные проездные билеты.

Что из себя представлял посёлок Опушка? Как вспоминает Ю.И.Еловиков, находившийся в составе первого десанта строителей, его материальная часть состояла из 12 щитовых сборно-разборных домов. Практически, это те самые бараки.

По проекту жилых домов было восемь: 4 - для холостяков, 4 - для семейных. Имелась столовая на 15 мест, и в этом же здании парикмахерская на 1 место. В отдельном небольшом здании – магазинчик. Типовой барак отводился под детсад-ясли на 25 мест. Много площадок: для преддошкольников (наверное, это ясельный возраст), для дошкольников, для физзанятий, для игр детей, для отдыха, волейбольная. Всё лучшее – детям.

Хозяйственное направление выражено котельной со складами угля и золы, дровяниками, хоздвором, хозсараем, ледником. Санитария обеспечивалась расчётным количеством надворных уборных, пожарная безопасность – наличием специального водоёма. В общем, жить было можно. И сейчас пол России так живёт, а то и много хуже.

Судя по рассказам, проект был реализован без больших изъятий. Были даже почта и ручной телефонный коммутатор, что замыслом разработчиков не было предусмотрено. Как я понял, отопление было подключено не от собственной котельной, а от имеющейся «комбинатовской». Согласно исторической справки буклета «Рефтинская ГРЭС 1970-2010» была на Опушке и своя школа.

Исходя из вместимости бараков, можно предположить численность жителей посёлка Опушка – человек 200. Здесь я боюсь ошибиться, ибо в бараки при желании можно вместить больше людей, и в разы больше. Такие чудеса могут сотворить старые, испытанные двухъярусные нары. Думаю, что на Опушке до них дело не дошло.

Существовал стройгородок до конца 60-х годов. В марте 1967 г. только что избранный исполком Рефтинского поссовета поручил очистку территории п. Опушка леса ОГМ (т. Киняпину). А в решении № 21 от 22 августа 1968 г. «О подготовке временных посёлков и детских учреждений к работе в зимних условиях» указывалось, что «в детсаде

№ 10 (Опушка леса) протекает крыша и требуется побелка внутри помещения». То есть, до 1969 г. посёлок, хоть и с худыми крышами, но дожил.

Ещё один стройгородок размещался непосредственно в черте нынешнего посёлка Рефтинского, слева от бетонки на ГРЭС. Сейчас здесь массив кооперативных гаражей. Было у него и название – Пионерный. Но люди, некогда населявшие его, говорят, что жителями оно не применялось. Более того, они это наименование никогда не слышали. «Где живёте? – В вагончиках». Вот и всё.

Да и в ранних документах Рефтинского поссовета стройгородок именуется «Район вагончиков, столовой и магазинов». Но в 1968 г., исполком, видимо устав от постоянного перечисления подведомственных социальных объектов, стал применять название «Временный посёлок Пионерный».

Пискарев А. в своей книжке о г. Асбесте так описывает наше поселение строителей. «Название он тогда носил довольно распространенное для всех новостроек – Пионерный. Здесь же, в двадцати километрах от Асбеста, располагалась промбаза со всеми складами материалов и оборудования. Временные щитовые вагончики и бытовки стояли прямо среди леса. В вагончиках – максимум удобств и даже центральное отопление. Правда, под котельную тогда приспособили старый паровоз. Он стоял на бетонной площадке почти все время под парами, что придавало пейзажу особенный, былой, романтический колорит». [54]

Любопытно, что поселенцы Пионерного, с которыми я разговаривал, паровоза не упомнят. Но отопление было центральное.

Предполагаю, что возник городок вагончиков в 1965 г., когда была закончено строительство дороги от Асбеста. Но и в 1964 г. велись большие работы в черте посёлка. Котлованы под первые дома (ныне дома по улице Гагарина №1, №2, №3, №4) были выкопаны в 1964 году. Уже в декабре 1964 года был заложен фундамент под первый постоянный жилой дом будущего поселка. Не исключая, что год рождения Пионерного, определенный мной умозрительно, может быть скорректирован по объективным данным. Но не на много.

Ю.И.Еловиков указывает точные размеры жилого фонда Пионерного – 64 щитовых сборных вагончика. Видимо, в это же количество входили "коттеджи", состоявшие из двух совмещенных вагончиков и имитировавшие двухкомнатные квартиры. Субъективно бывшие «пионерцы» указывают большее число жилых единиц: «Жили в вагончиках, их было примерно 100 и коттеджей (сдвоенные вагончики) тоже, примерно, сто». Иванов Ю.В. формулирует осторожно – «несколько десятков жилых вагончиков и так называемых «коттеджей». На этом и сойдемся.

Столовая размещалась в вагончике, который помнят большинство рефтинцев «старше 40». В 80-е годы в нём располагались магазины – хозяйственный, овощной, водочный. К последнему народная тропа не зарастала вообще. Именовался он «зелёный ящик», по цвету вагончика. Во время перестройки этот реликт «пионерной» эпохи сгорел, что, с точки зрения эволюции, закономерно. Сейчас на его месте ангар.

Напротив столовой в вагончиках располагались автовокзал, милиция и другие цивилизационные сервисы, о наличии которых коренные жители края только знали. Не больше. Сейчас на этом месте частная автостоянка.

Временное жильё – это всегда какие-то неудобства во имя светлого будущего. Были такие и в Пионерном. Бетонный завод размещался там, где сейчас гаражные кооперативы №№ 1 и 2. Работал он круглосуточно, что сильно мешало спать вагонному населению.

Это была не единственная проблема жителей посёлка Пионерный. Вот выписка из решения исполнительного комитета Рефтинского поселкового совета депутатов трудящихся от 22 августа 1968 г. «В бараках № 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 протекает кровля крыш, внутри помещений обваливается штукатурка, нет подхода к месту общего пользования. В некоторых вагончиках и коттеджах протекает кровля крыш и

отопительная система не ремонтируется, под жильём находится застойная вода. Траншея, вырытая у коттеджей №№ 43,44 не доведена до конца, что привело к скоплению смрадной застойной воды».

Руководители ГРЭС и Управления строительства были людьми неординарными, умными и прагматичными. Они понимали, что бороться с застойными водами под бараками – не их миссия. Вот как была решена проблема, со слов Иванова Ю.В.: «По мере строительства постоянного поселка все рабочие и служащие были переселены из временного жилья в постоянное, полностью благоустроенное, а временное было снесено. Чтобы осуществить это, потребовалось на целый год задержать продвижение очереди на получение жилья всеми жителями поселка и все построенные в этом году дома отдать под заселение людям, проживающим во временных вагончиках и "коттеджах". Это было смелое и нестандартное решение, противоречившее существовавшему тогда закону о предоставлении жилья, Но все с пониманием отнеслись к этому. Последний временный "коттедж" был ликвидирован примерно в 1978 году, а освободившаяся территория была отдана под строительство кооперативов индивидуальных гаражей, так как в то время началась бурная "автомобилизация" населения поселка».

Х

На шкале времени юбилейный 1967 год. За день до его наступления государство внесло в свою метрическую книгу новорожденный посёлок Рефтинский. Мажор в нашем сосновом крае достигает апогея. Количеством залитого бетона и улыбающихся губ, сваренных конструкций и горящих глаз, освоенных средств и сбывшихся надежд.

Но можно и погрустить в этой конечной точке нашего пространственно-временного путешествия. Когда на месте ветхих избушек возводят блестящие небоскрёбы, не забудем, что для кого-то эти лачуги были родными домами. В нашем же случае возведение энергогиганта подвело черту под эпохой таёжников - вздымщиков и углежогов, лесорубов и сплавщиков, коневозчиков и старателей.

Что ж, это типичный конфликт старого и нового. История человечества, в своём стремлении к прогрессу, состоит из них. Не будем его драматизировать. Тем более, носит он чисто культурологический характер.

Сейчас автор должен сделать вывод и заключение. А он решил поумничать. Верно говорят люди – будь проще...

Главный вывод – край наш Рефтинский имеет своеобразную историю, уходящую корнями в глубь на несколько веков. Основные её вехи отражены в настоящей работе. Вплоть до ввода в действие ГРЭС территория являлась поставщиком природных ресурсов для внешней среды. Именно этот временной отрезок и по этим причинам выделен автором для изучения. Ещё одна особенность – минимальная численность постоянного населения в этот период, что обусловило привлечение рабочей силы извне.

Исследование не претендует на завершённость. Оно опирается на те сведения, которые доступны сегодня. Однако, само оно является базой для дальнейшей разработки темы истории Рефтинского края.

2011 г., август

Список использованных источников

1. Андреева Ф. Т. Спецпоселение Мартюш : Докум. повесть. – Каменск-Уральский : [Курган. част. изд- во], 2004. – 397 с.: портр. http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages.shtml
2. Амосова Л.Ф. Асбест. Жизнь и судьба. Асбест, 2005
3. Артёмовский краеведческий словарь <http://www.urbibl.ru/Knigi/artemovskiy/NO.htm>
4. Афанасьев А. и др. Врачующий пояс Рифея: культурно-исторические очерки. Екатеринбург: «Сократ», 2004
5. Афанасьев А.А. Сухоложье. Неизвестные страницы. Сухой Лог: 2004
6. Брылин А.И., Елькин М.Ю. Покровская волость: история, генеалогия, краеведение. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008 – 216с.

7. Демина Н.А. Запись воспоминаний родственников о поселении на Кирилловском кордоне. 02.03.2009. Архив автора.
8. Дмитриев А. Пермская старина // выпуск VII: Верхотурский край в XVII веке:-Пермь, Типография Н-ков П.Ф.Каменского, 1897
9. Журналы заседания Священного Синода от 17 июля 2002 г. <http://www.sedmitza.ru>
10. Елькин М.Ю.. Когда же основано село Покровское?
http://www.genealogia.ru/users/uiro/rodoved4/04_06.htm
11. Из истории Урала (сборник документов и материалов).-Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, 1971
12. Историческо-географическое описание Пермской губернии, сделанное для атласа 1800 года
13. Карта золотых приисков и участков, отданных под разработку золота частным лицам, на землях бывшей екатеринбургского горного округа, входящих ныне в состав Восточно-Екатеринбургского горного округа. Масштаб в англ. дюйме 5 верст. Картогр. Завод А.Ильина СПб, 1897 (?)
- 13а. Китаев М. Несколько слов о хозяйстве в казённых лесах и о том, какие меры могли бы способствовать его улучшению в будущем. Сообщение, прочитанное на 7-м лесохозяйственном съезде в Казани 10 августа 1889 года// Русский лесопромышленник №№89,91, 1889
14. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. А-Б. Т.1. Екатеринбург. ГИПП "Уральский рабочий". 1999. 360 с.
15. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Том третий. Е-И ГИПП «Уральский рабочий», Екатеринбург, 2001
16. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Том четвертый. К. ГИПП «Уральский рабочий», Екатеринбург, 2003
17. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Том пятый. Л-М-Н. Екатеринбург: Типография Екатеринбургской епархии, 2005
18. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Том шестой. О-П. Средне-Уральское издательство. Екатеринбург, 2006
19. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Том седьмой. Р-С Типография АМБ, Екатеринбург, 2008
20. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область / Кол. авт. Т. 8. Т -У-Ф-Х. - Екатеринбург: Управление архивами Свердловской области, 2010. - 316 с.
21. Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Том седьмой. Р-С Типография АМБ, Екатеринбург, 2008
22. Коверда П., Брылин А. Наш город Артемовский. Средне-Уральское книжное издательство: Свердловск, 1966
23. Коковина Т. «Родовая память моих предков»// рукопись. Асбест: 2008
24. Коновалов Ю.В. «Из истории формирования населения поселка Рефтинский»
http://www.okorneva.ru/index.php?main=books_of_Kononov&id=100029
25. Кручинин А. М. Бои за Богданович и Егоршино (июль-сентябрь 1918 года).
bergenschild.narod.ru/publicacii/Publicacii.html
26. Кулагина Г.А. История родного края. Свердловск, С-У книжное изд-во, 1976
27. Лесной кодекс Р.С.Ф.С.Р. с объяснениями и толкованиями/Составлен В.С.Колонтаевым. Под редакцией А.И.Шульца:- Издательство Наркомзема «Новая деревня», 1924
28. Ляпин В.А. Военная промышленность Урала в первой половине XIX в. (техничко-экономический аспект развития) <http://www.ihist.uran.ru/index/ru/uiv/n9/202.htm>
29. Мазур Л. Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930—1950-е гг
- 29а. Мартынова О. Против собственного народа. Артемовский, 1997
30. Моисеев П. За колючей проволокой:- Екатеринбург, изд. УГГУ, 2010
31. Мосин А.Г. «Словарь Уральских фамилий». Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 2000
32. Мытинский А.Н. Горнозаводской Урал С-Петербург, типография Ф.Вайсберга и П.Горкушина, 1909
33. Огни Рефта: -Средне-Уральское книжное издательство, 1980
34. Памятник врачу – больница... http://www.kasly.su/History_of_medicine_11.htm
- 34а. Пискарев А. Город горного льна. Где ударил посох: Культурно –исторические очерки. Екатеринбург: Сократ, 2005
35. Плеханова Т.Ф. Род Плехановых из села Покровского//Уральский родовед. Сборник статей. Выпуск 8.- Екатеринбург, Банк культурной информации, 2009.- 212с
36. Помяни Господи души усопших рабовъ Божиих – убиенных./листовка. Екатеринбург: Издание Правления Епархиального Союза Приходских Советов. 1918.-арх. автора.
37. Путеводитель по Уралу Издание газеты "Ураль" (Издатель В.Г.Чекан). 1899
38. РГВА ф.1/п, оп.15а, д.108, лл. 1 -22
39. Рубцов Н.Ф. Воспоминания о службе в Грязновском райлескоме (неопубликованы). Записаны 11-15.02.1978 г. Личный архив В.Н.Рубцова
- 39а. Рубцов В.Н. Переписка с автором, 2011 г.

40. Рундквист Н.А., Задорина О.В. Свердловская область. Иллюстрированная краеведческая энциклопедия. Екатеринбург: «Квист», 2009. -456с. с.ил
41. Сайт «Асбест - История города»
- 41а. Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии// под ред. Зверева П.Н.// Издание Енатуринбургскаго Уездного Земства;- Екатеринбург, Типографил „Екатеринбургской Недели",1891
- 42.Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 года. Свердловск, 1956
- 43.Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1967г. Свердловск: С-У книжное издательство, 1968
- 44.Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 года. Свердловск: издательство «Уральский рабочий», 1987
- 45.Семенов В. Роман с изумрудом //Урал 2001 N9
- 46.Сообщено Дёминой Н. 28.05.2010г со слов своей родственницы, проживавшей на Кирилловском
- 47.Сообщено иереем Александром Падылиным 17.05.2010г
- 48.Сообщено Копыриным А.Л. январь 2010
- 49.Сообщено Махаловым А.И. 5.12.2008г.
- 50.Сообщено Кузьминых А.Г., геодезистом Рефтинской ГРЭС (с 60-х гг до 2005) 16.05.2008г
- 51.Сообщено Рубцовым В.Н., февраль 2011г.
- 52.Список населенных мест Свердловского округа. Свердловск: издание Окрисполкома,1926
- 53.Список населенных пунктов Уральской области. Том X. Свердловский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928.
- 54.Список населенных пунктов Уральской области. Том XVI. Шадринский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928
- 55.Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны в Екатеринбурге и на Урале в 1914-1916 гг. (по материалам газеты "Уральская жизнь") // Урал индустриальный.
- Бакунинские чтения. Материалы VII Всероссийской научной конференции. В 2-х тт. Т. 1. Екатеринбург: ООО "Изд-во УМЦ УПИ", 2005. С. 252-263. Сайт Института Истории и Археологии УрО РАН.
- 56.Сухарев Ю.М. Трудовые лагеря и спецпоселения на территории бассейна реки Рефт:- Асбест, 2009
- 57.Сухоложский лесхоз – 40 лет:- Сухой Лог, 2005
- 58.Труженики тыла – фронту. 1941 – 1945. т.1:- Сухой Лог, 2000
- 59.Хрестоматия по истории Урала XX век/ под ред. Главицкого М.Е. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та. Изд. Дома учителя, 1998
- 60.Чечулин А.И. Асбест. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1985
- 61.Шишонко В. Пермская летопись с 1263 -1881 г. Третий период с 1645 – 1676 г: - Пермь, Типография Губернской Земской Управы, 1884.
- 62.Шишонко В. Пермская летопись с 1263 -1881 г. Четвёртый период с 1676 – 1682 г: - Пермь, Типография Губернской Земской Управы, 1884.
- 62а. Шишонко В. Пермская летопись с 1263 - 1881 г.//Пятый период с 1682-1725 г. ч.I с 1682-1694 г.:- Пермь, Типография Губернской Земской Управы, 1885
- 63.<http://www.poselok-altinay.narod.ru>
- 64.Das ist ein Komplott //Der Spiegel 20/1950 vom 18.05.1950, Seite 7
<http://wissen.spiegel.de/wissen/dokument/dokument.html>
- 65..Stadler, Wolfgang. Hoffnung Heimkehr. - SWING DRUCK GmbH: Colditz, 2000

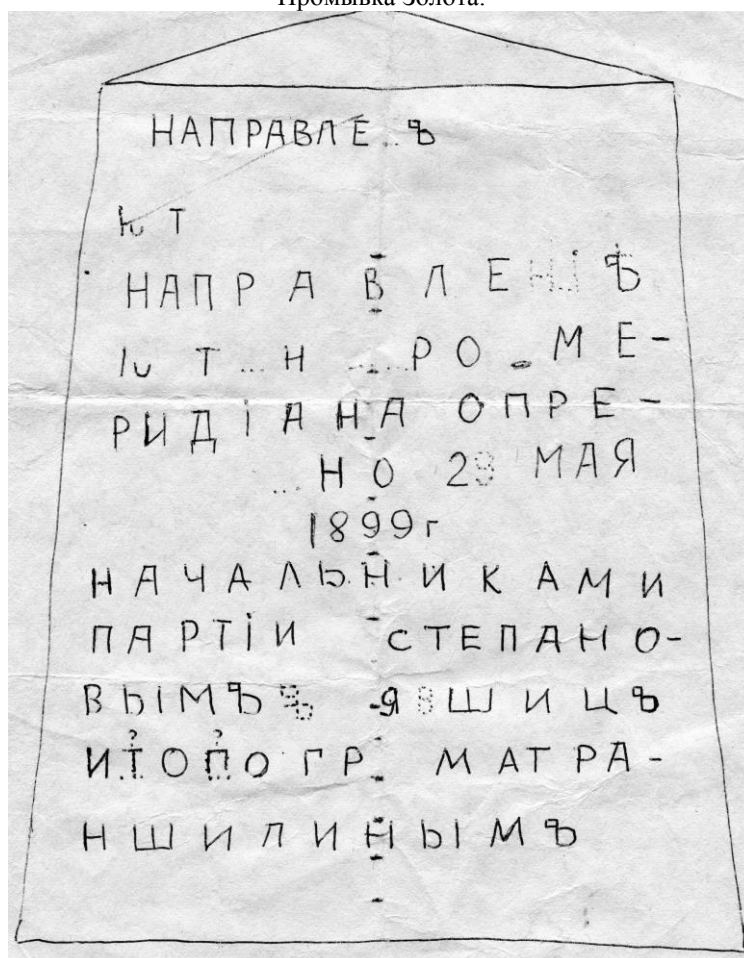
Пещеры, обиталища древнего человека, в районе г. Сухого Лога. Фото Звездочкиной С.

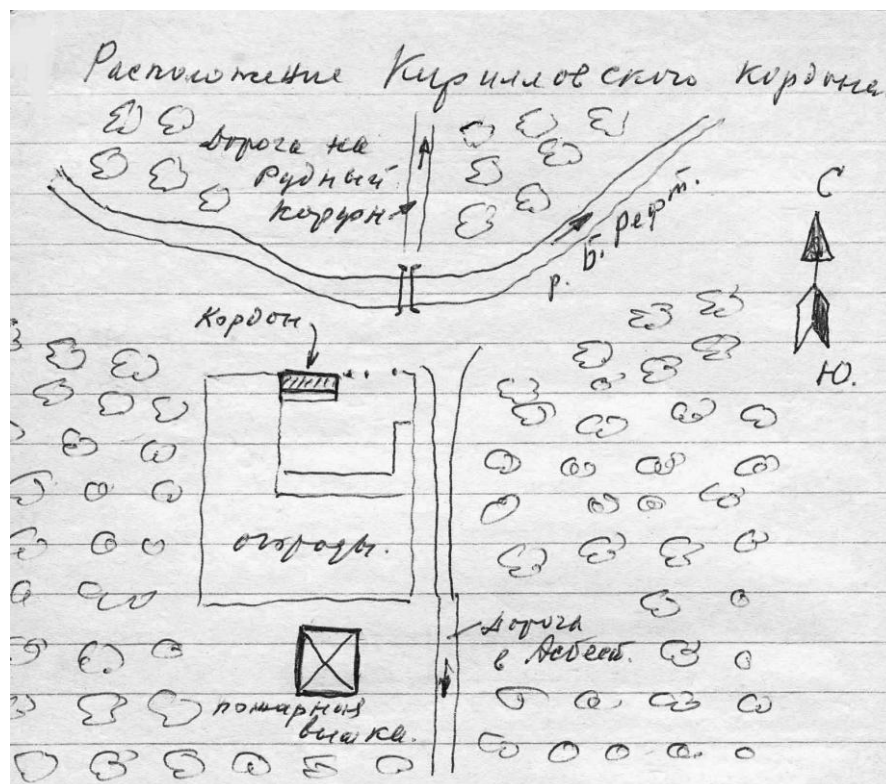
Вздымщики . Конец XIX – начало XX вв

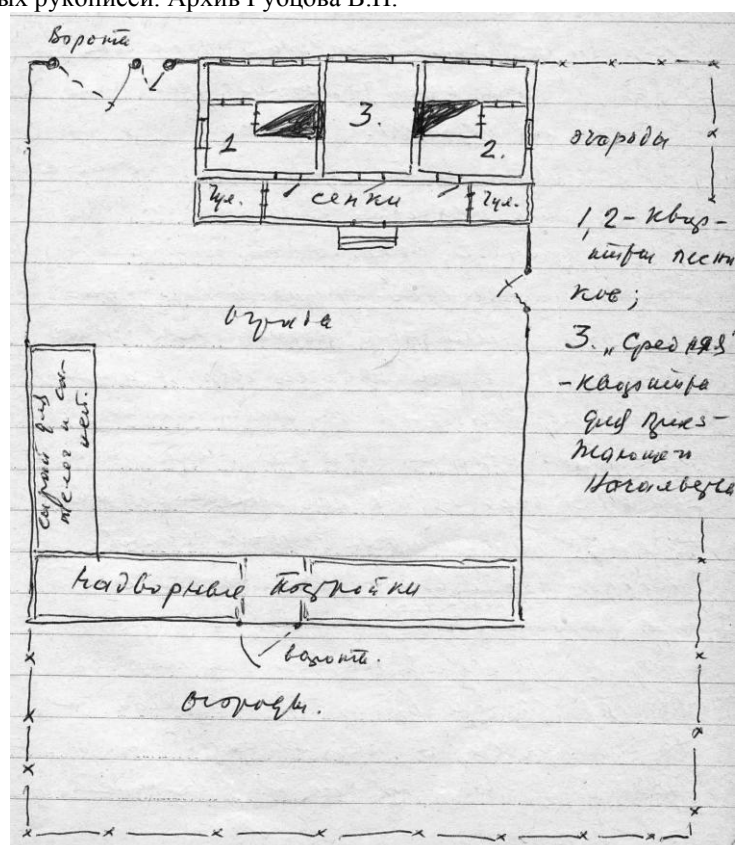
Промывка Золота.

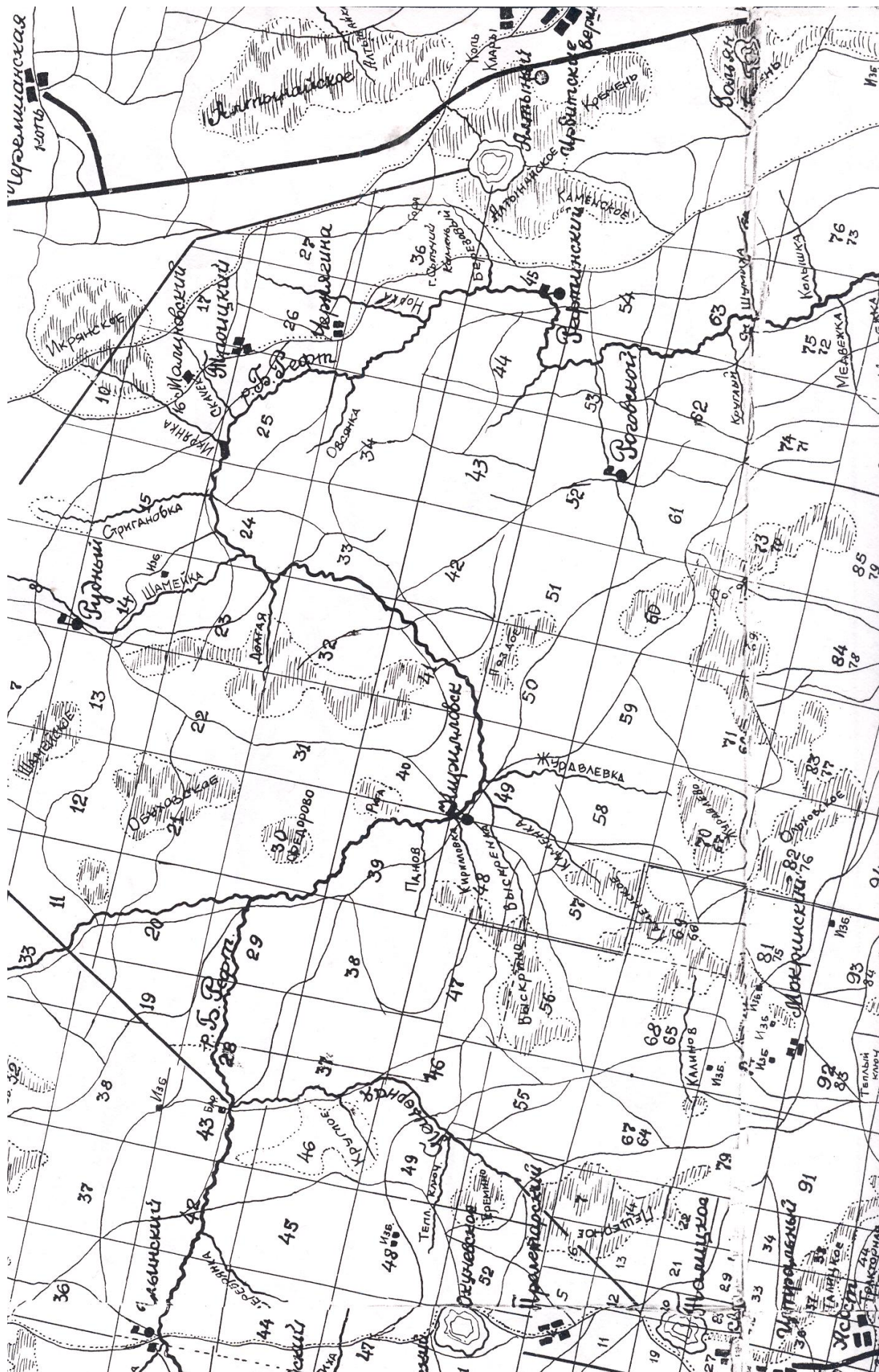
Репродукция надписи на камне, находящемся между озером Белым и болотом Островистым. Выполнена Рыжаковым А.И. в конце 60-х – начале 70-х годов XX века.

Расположение Кирилловского кордона по состоянию на 1919 г. Выполнено Рубцовым Н.Ф. в феврале 1978 г. Из неопубликованных рукописей. Архив Рубцова В.Н.

План Рудного кордона по состоянию на 1919 г. Выполнено Рубцовым Н.Ф. в феврале 1978 г. Из неопубликованных рукописей. Архив Рубцова В.Н.

Выкопировка с карты 30-х гг. XX века.

Семья Ждановых. Кирилловский кордон, конец 30-х гг. XX века. Жданов Петр Евстафьевич, его жена Анисья Никитична, сын Василий и внучка Анастасия Никифоровна

Жданов Василий Петрович, житель Кирилловского, перед уходом на фронт. Погиб под Ленинградом.

Семья жителей Кирилловского кордона. Микушин Никифор Леонтьевич, его жена Мария Петровна (в девичестве - Жданова) и их дети, слева на право: Анастасия, Анатолий и Геннадий. Микушин Никифор Леонтьевич погиб 15 июля 1943 г., похоронен в братской могиле в Орловской области. Снимок 1942 г.

Савин Дмитрий Павлович, 1874 г.р. В 30-е – 40-е гг. проживал на Кирилловском кордоне. В 1941 -1945 гг. работал лесосплавщиком в леспромхозе. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»

Посёлок Тёплый Ключ. 1963 г.

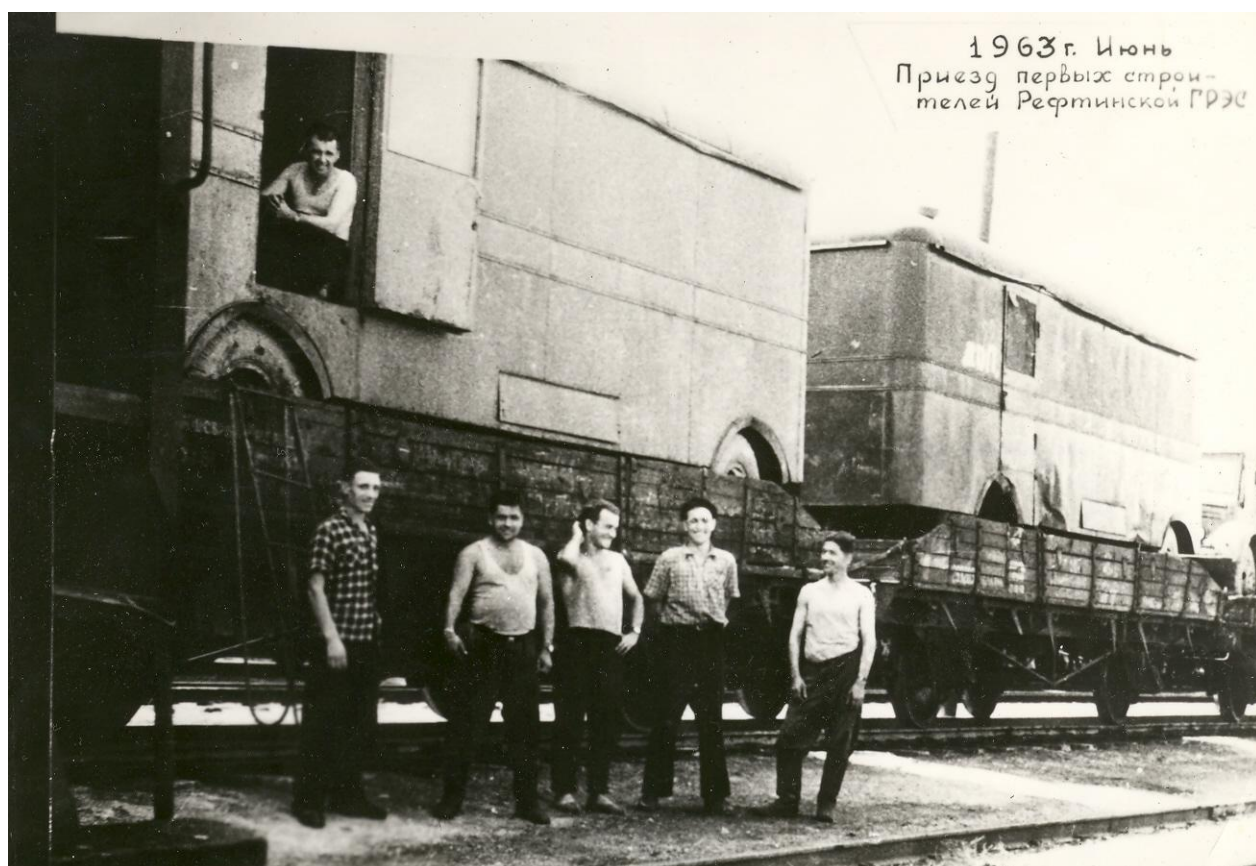
Площадка, где находился посёлок Тёплый Ключ. 2011 г.

Остатки насыпи, построенной в 40-е гг. XX в. узкоколейной ЖД, в р-не Т.Ключа. 2011г.

Рельсы – остатки узкоколейной ЖД, построенной во время войны. Район Т.Ключа. 2010 г.

Перевалочная база строительства Рефтинской ГРЭС в г. Асбесте, т.н. посёлок Опушка. 1964г.

Столовая временного посёлка строителей (т.н. посёлка Пионерный). Около 1967 г. Фото Рыжакова А.И.

Площадка, где находился кордон Роговской. 2011 г.

Остатки строений посёлка Осиновка.2010 г. Фото Пильчевского В.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РЕФТИНСКОМ КРАЕ

(Хронология, дислокация, общие сведения)

Рефтинский край (в границах бассейна реки Рефт) имеет признаки обособленного историко-географического района. Главной его особенностью является то, что он на протяжении всей истории был базой природных ресурсов для внешнего окружения, а имеющиеся здесь малолюдные поселения являлись инфраструктурой добычи леса, продуктов лесохимии, торфа, золота, изумрудов, асбеста. Район располагал востребованными природными ресурсами, но почти не имел собственных производительных сил.

Проблема решалась государством через использование мобилизационно-принудительных форм привлечения трудовых ресурсов. И такое привлечение было более широким, чем на сопредельных территориях. Контингентами, осваивавшими край, были: военнопленные I-й и II-й мировых войн, трудармейцы первой Революционной Армии Труда, раскулаченные крестьяне, заключенные ИТК и ИТЛ, интернированные граждане стран Восточной Европы, «выселенные из Крыма» в 1944 г., немцы-репатрианты.

Во время Второй Мировой войны плененные солдаты вражеских армий стали поступать на Урал в мае 1942 г. Причем из 3000 человек 2000 были направлены в район торфоразработок, на болота, дающие начало реке Рефт (Монетно-Лосиновский лагерь). 8 мая 1942 г. зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссар государственной безопасности 3 ранга В. Меркулов издал приказ НКВД СССР № 00928 «Об использовании военнопленных на торфоразработках Наркомата электростанций в Свердловской области». В нём вменялось начальнику Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных - майору госбезопасности Сопруненко немедленно развернуть в Свердловской обл. Монетно-Лосиновский лагерь на 2000 чел. (в двух пунктах) и Басьяновский лагерь на 1000 чел. В Монетно-Лосиновский лагерь требовалось направить: 500 чел. из Оранского лагеря, 500 чел. из Унженского лагеря, 200 чел. из Актюбинского лагеря и 800 чел. из Темниковского лагеря.

Начальникам этих лагерей было приказано отобрать из военнопленных рядовых и младший начальствующий состав, вполне пригодных по физическому состоянию для работы на торфоразработках. Все отобранные для работы на торфоразработках должны были быть одеты по сезону.

Назначен начальником Монетно-Лосиновского лагеря т. Гриневич, ранее находившийся в должности зам. начальника Подольского спецлагеря НКВД, комиссаром лагеря — лейтенант госбезопасности т. Воробьев, до этого - комиссар Гороховецкого спецлагеря НКВД. Начальником оперативного отделения лагеря стал лейтенант госбезопасности Кравец, ранее - начальник Особого отделения Марийского лагеря НКВД.

Не был забыт и хлеб насущный. «Питание военнопленных производить по дифференцированным нормам ГУЛАГа НКВД. Разницу между дифференцированными и существующими нормами для военнопленных покрывать за счет фондов Наркомата электростанций. Необходимой обувью и спецодеждой обеспечивать за счет фондов Наркомата электростанций». [5]

Понятно, чем руководствовался ГКО, принимая такое решение. Оборонная промышленность перемещена на Урал. Главные угольные бассейны – на оккупированной территории. Возросла нагрузка на электростанции региона. Война сильно сократила кадровый ресурс торфоразработок. Их история такова. В связи со строительством в Свердловске Уралмашзавода в качестве топливной базы было решено использовать торфяные массивы в районе ж.-д. станции Монетная. В 1931г. уже приступили к добыче торфа багерно-элеваторным способом. [21]

Уже в эти годы была проложена сеть узкоколейных железных дорог, достигавшая, в своё время, болот Островного и Шамейского (пригород Асбеста). Все операции по сушке, уборке, погрузке производились в ручную «сезонными рабочими», фактически – раскулаченными и выселенными, главным образом, с Кубани. [29]

В середине 30-х годов с них были сняты большинство ограничений, кроме запрета покидать район поселения. Т.е. они не были привязаны к предприятию и многие, по возможности, переходили на менее тяжелую или лучше оплачиваемую, чем торфодобыча, работу. Кулацкая ссылка истощалась за счет выбывающей молодежи, которая снималась с учета. Кроме того, в 1942 г. раскулаченные уже подлежали мобилизации в армию. Не следует забывать и 1937-38 годы, прорежившие спецпоселения. Вобщем, торфодобыча остро нуждалась в людских ресурсах.

Уральская историческая энциклопедия сообщает, что первые колонны пленных «размещали в специально отведенных местах в зонах содержания сов. заключенных» [10] .

О довоенных лагерях советских заключенных в районе поселков Монетка и Лосинка данных нет. Вероятно, пленных селили в бараках спецпоселений раскулаченных, оснатив образованную зону по правилам НКВД.

Действительно, вот как вспоминала об этом Н.Селезнева, проживавшая во время войны в поселке Лосиный Березовского района: «Бараков у нас в посёлке всегда было много. Часть из них огородили и сказали, что там будут жить пленные».

Запоминающейся была и встреча с пленёнными вражескими солдатами. « Жители с утра вышли к паровозу «Кукушке», - который ходил с участка на участок. И вот в 4 часа вечера подошёл состав, вагоны открыли, а пленные стоят и боятся выходить. Подошёл военный, что-то им объяснил спокойно, и они стали выходить. Но военным пришлось сделать коридор из солдат с собаками, так как народ с обеих сторон начал на них надвигаться. В это время вышла пожилая женщина и сказала: «Опомнитесь, это такие же дети и отцы, которых приказом отправили на бойню». Жители постояли и стали расходиться».

Об обращении с пленным конвоем и отношении местных жителей. «Бить их никогда не били. Солдаты, охранявшие их, никогда не кричали. Если кто дорогой на работу занемог, колонна останавливалась и ждала столько, сколько было нужно. Пленные, которые работали в посёлке, могли с нами общаться, и мы передавали им кое-какие вещи. И этого никто не запрещал». [25]

Пленные первой волны, прибывшие в наш край, были, главным образом, воинами немецкой, румынской и финских армий. Точных сведений нет, это следует из косвенных данных. Например, присутствие финнов в Монетно-Лосиновском лагере следует из факта ареста в сентябре 1942 г. пленного А.Хейно, завербованного органами и готовившегося к заброске за кордон. При оперативной проверке оказалось, что он ещё до войны нелегально жил в СССР, также тайно вернулся в Финляндию, при этом передал полиции сведения разведывательного характера. Попад в плен, скрыл своё настоящее имя. [25]

Труд военнопленных в народном хозяйстве Среднего Урала широко применялся на контрагентских началах, - то есть путем предоставления рабочей силы подопечных ОПВИ НКВД предприятиям других наркоматов. На торфоразработках хозяином был наркомат электростанций. Вряд ли он остался доволен работой контингента. По сообщению начальника Монетно-Лосиновского лагеря, в течение июня-июля 1942 г. производственное задание было выполнено всего на 30-40 %. На Лосиновском торфопредприятии за весь летний сезон 1942 г. план добычи торфа "ни одного дня выполнен не был".[27]

Исследователи объясняют это плохим продовольственным и вещевым обеспечением контингента.

Очевидно, условия содержания были причиной побега в июне – августе 1942 г. 17-ти пленных этого лагеря. Все они были задержаны и осуждены судом Военного Трибунала войск НКВД Уральского округа на длительные сроки заключения. Неизвестно, чем для них закончилось советское заключение, но пережить зиму 42 – 43 годов на торфяных болотах шансов было, пожалуй, меньше, чем в другой зоне.

Наличие вещевого довольствия от требуемого в Монетно-Лосиновском лагере, по состоянию на 15.11.42 г. составляло: матрацев – 67%, фуфаяк – 23%, брюк ватных – 50%, белья нательного – 61%. Так, уже 6 октября 1942 г. в одном из отделений при возвращении с рабочего объекта в бараки от переохлаждения скончались 6 человек. С 10 по 20 октября в лазарет поступили 21 чел. с диагнозом «переохлаждение». Все они скончались через непродолжительное время.

В начале ноября 1942 г. начальник УНКВД по Свердловской области Т.М.Борщев в спецобращении на имя секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М.Андрианова, докладывал, что в Монетно-Лосиновском лагере при отсутствии теплой одежды, недостаточном питании и тяжелом труде заболеваемость и смертность постоянно увеличивается. В июне умерли – 38 чел., в июле – 149 чел., в августе – 148 чел., в сентябре – 170 чел., за половину октября – 129 чел., всего – 634 чел., иди 30% всех заключенных.[25]

По архивным данным всего за период 1941—1942 гг. на территории Среднего Урала было размещено 4 921 пленных (в т.ч., как мы знаем – не менее 2000 в Монетно-Лосиновском ЛВП), из которых в течение 1942 г. умерло около половины — 2 217 человек [12].

Суржикова Н. сообщает, что за 1942 г. в Свердловской обл. скончалось 2278 пленных, из них 1902 – от дистрофии [25].

Точных данных по лагерям за этот год нет. Большой была смертность пленных на торфоразработках и в следующие годы. После 1943 г. в Монетном был уже не самостоятельный лагерь, а отделение № 4 Верхнепышминского лагеря 531. Со ссылкой на немецкий Красный Крест (DRK), его издание "Dokumentation zur Geschichte der Kriegsgefangenen im Osten" часть II (стр. 257), источник сообщает, что в этом отделении в период с января 1945 г. по март 1946 года умерло 400 человек из 800 находящихся [33].

Видимо, в целях замещения многочисленных потерь контингента и укрепления базы торфоразработок 28.11.1942 г. НКВД СССР издаёт приказ № 002597 о направлении в существующие лагеря 64 000 чел. военнопленных, в том числе в Монетно-Лосиновский лагерь Свердловской обл. 4000 человек. [5]

Выжившие в холодную и голодную зиму 42-43 года пленные торфоразработчики большую партию своих товарищей по оружию встречали весной 1943 года. Это мы

узнаем из приказа НКВД СССР №00398 от 1 марта 1943 г о вывозе военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы, за подписью народного комиссара внутренних дел Союза ССР, генерального комиссара государственной безопасности Л. Берия.

Приказом предписывалось вывезти в течение марта 1943 года всех военнопленных из района Сталинграда, всего 110 563 чел. Приложением к приказу идут Предложения о мероприятиях по организации вывоза военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы. В них, в частности, указано, что военнопленные рядовые вывозятся, в том числе, в Свердловскую область, в Монетно-Лосиновский лагерь № 84 (начальник лагеря подполковник госбезопасности Бережков А.Г.) — всего 21500 чел.,

в том числе: в отделение № 1, ст. Тавда — 2500 чел.,

в отделение № 2, ст. Лобва — 2500 чел.,

в отделение № 3, ст. Монетная — 4000 чел.,

в отделение № 4, ст. Тагил — 5000 чел.,

в отделение № 5, ст. Медная шахта — 2500 чел.,

в отделение № 6, ст. Моховая — 3000 чел.,

в отделение № 7, ст. Асбест (в первоисточнике — «Азбест») — 2000 чел. [32]

Отметим, что Монетно-Лосиновский лагерь, во-первых, имеет уже свой номер, во-вторых, разросся от двух лагунктов до семи отделений. В третьих, каждый пятый плененный под Сталинградом враг стал на довольствие к подполковнику Бережкову.

Новый начальник Монетно-Лосиновского Бережков Александр Георгиевич стоял у истоков создания ГУПВИ. Приказом Л.П.Берии «Об организации лагерей военнопленных» за № 0308 от 19 сентября 1939 г. он был назначен начальником Старобельского лагеря, одного из первенцев системы. Во всех книгах о катынской трагедии — расстреле военнопленных поляков, захваченных в ходе освобождения в 1939г. западных территорий СССР, капитан г/б Бережков один из главных фигурантов. [7]

Заметим, что к моменту издания упомянутого выше приказа (1-го марта 1943г), Бережков уже не начальник лагеря 84. Бери выше. С 24.02 по 10.07.1943 г. он начальник Управления Свердловских лагерей для военнопленных. [5]

Дальнейшая карьера Бережкова не очевидна. В Свердловске он не засиделся. С 10.07.1943 г. откомандирован в распоряжение отдела кадров НКВД. Тридцатого сентября 1943 г. направлен в УНКВД по Московской обл. А уже 11.12.1946 г. уволен из рядов НКВД-МВД СССР. [5]

В начале 1943 г. управление лагеря 84 передано в Асбест. Судьба находящихся в Монетном и Лосином отделений до конца не понятна. В 45-46 годах в Монетке находилось лаготделение № 4 Верхнепышминского (в 45-м — Каменского) лагеря 531 на 800 человек [33].

Сам лагерь существовал до 1949 г. [5].

После 1945 г. здесь и в Лосином дислоцировались подразделения (видимо, роты) отдельного рабочего батальона № 1005. Контингент ОРБ состоял, по преимуществу, из интернированных граждан немецкой национальности, подданных стран Восточной Европы. В Свердловской области доля женщин в этих батальонах составляла 54,1 процента (по состоянию на 1.01.46 г.) [14].

Места захоронений, кроме кладбищ ОРБ, утеряны [15].

Умершие из числа интернированных-мобилизованных и интернированных–арестованных (есть разница) захоронены в пос. Лосином (23 могилы, все – немцы) и ст. Монетная (24 могилы, тоже все немцы) [9].

Номер ОРБ (1005) указан в соответствии со списком захоронений военнопленных, представленном В.Мотревичем [9].

Однако историк Суржикова рабочего батальона с таким номером в своём исследовании не приводит, но есть похожие - 1095 и 1105 [25].

Вероятно опечатка в работе В.Мотревича.

Датой образования в г. Асбесте отдельного лагеря следует считать 28.11.1942 г. Это вытекает из приказа НКВД СССР № 002597 «О размещении и трудовом использовании военнопленных», выпущенного в этот день и подписанного заместителем народного комиссара внутренних дел И. Серовым. Асбест оказался важен для страны. Сейчас трудно восстановить карту поставок этого материала в годы войны. Однако, бывший военнопленный Ф.Кирхмайр свидетельствует, что значительная часть направлялась по Транссибу во Владивосток и далее морем в США и Канаду, как расчёт за их поставки по ленд–лизу. Это он знал, конечно, со слов лагерного начальства. [35]

Для размещения и трудового использования поступающих новых партий военнопленных приказывалось, в частности, организовать Асбестовский лагерь Свердловской обл. для работы на предприятиях НКПСМ на 3000 человек.[5]

В альманахе «Память сердец» со слов бывших работников Асбестовского горисполкома сообщается: «К 1942 году город подготовил закрытые зоны для военнопленных на улице Милицейской и в поселке Талицком. Вскоре привезли немцев и румын». [17]

Жители города подтверждают информацию, что пленные в Асбесте появились в 1942 г. Вот рассказ А.Г.Черепановой (в девичестве Мельниковой). «В Асбесте первыми военнопленными были румыны. Они появились осенью 1942 года. Первая колония их находилась на восьмом отвале между фабриками № 2 и 3. Там стояли восемь барачных и частные домики.

Привезли военнопленных в товарных вагонах. Железнодорожное полотно шло возле отвала, и мы, дети, тут как тут. Нам все было интересно. Когда открывали вагоны, сперва выбрасывали мертвых прямо под откос. А живые выскакивали из товарняков и бежали на отвал, иные почти босиком, а ведь уральская осень почти зима.

Поздними вечерами некоторые поселковые подростки мародерствовали. Притаскивали то ботинки, сапоги, то вещи из одежды, а также семейные фотографии и изображения Иисуса Христа в красивом оформлении. Трупы в большинстве были полуголые, застывшие в разных позах». [17]

А.Г.Черепанова сообщает, что трупы лежали под откосом довольно долго, сначала без присмотра, а потом к ним был приставлен часовой. Сообщает она и направление, куда везли захоранивать умерших пленных. Они с матерью зимой едва разминулись на Рудянской дороге с процессией пленных, тянущих на дровнях трупы. «Рудянская дорога шла на Сухой Лог, в тех местах сейчас фабрика № 6»[17].

Эта ориентировка совпадает с местоположением кладбища пленных, которое существует до сих пор.

По состоянию на начало 1943 г. в бумагах НКВД фигурировали параллельно вновь образованный лагерь № 67 и Асбестовское отделение № 7 Монетно-Лосиновского лагеря 84, а в течении года из всего этого образовался Асбестовский лагерь № 84. [10]

Скорее всего, это результат реорганизационной чехарды. Видимо, создание спецлагеря военнопленных № 67 в конце 1942 - начале 1943 г. (с управлением в Асбесте) на базе Монетно-Лосиновского лагеря 84, было прервано другой организационной инициативой – разукрупнением лагерей, увеличением их количества. Ведь к 84-му было отнесено даже отделение в Тавде. В результате к концу 43-го года на идее создания монстра ГУПВИ под № 67 был поставлен крест. Асбесту достался от 84-го номер и близлежащие от города отделения.

Трудности первого года для Асбестовского ЛВП были огромны. Контингент, прибывающий в город был ослаблен. Большинство «сталинградцев» прибыли весной 1943 г. в стадии дистрофии. Выше приводился приказ, согласно которому в Асбест в течении марта 43-го года направлялось 2000 пленных из прифронтовых лагерей. Нет данных о смертности в этот год в лагере 84.. Но есть информация, что в Басьяновское лаготделение попало 1108 итальянцев. Из них вскоре умерло 1097. [15]

Фриц Кирхмайр, бывший австрийский военнопленный, в книге «Лагерь Асбест» вспоминал, что ему пришлось помогать немецкому писателю Теодору Пливьеру (Theodor Plievier) (1892 – 1955). Работая над романом «Сталинград» он приезжал в 1945 г. в Асбест для опроса пленных – участников Сталинградского сражения. В крупном лагерном отделении таких оказалось только 30 человек. [35]

О трудностях материального снабжения сетовала администрация лагеря 84 в декабре 1943 г. «Отсутствие стекла и неразрешение этого вопроса до сих пор заставило войти в зиму с одинарными рамами, что весьма тяжело сохраняет тепло и снижает эффективность топки помещений. Исключительно тяжелое положение со светом из-за отсутствия электрических лампочек. Нужно помочь лагерю и отпустить 600 штук лампочек. Уборных явно недостаточно. Нормы питания выдерживаются, но ассортимент продуктов выдерживается не всегда из-за их отсутствия. Питание по калорийности недостаточное, особенно для военнопленных, занятых на тяжелых рудных работах. Требуется не менее 3500 – 4 000 калорий в сутки, даём 2 450 – 2 900 калорий. Вещевое имущество крайне ветхое, разношёрстное и требует замены. Обувь имеется вяленная, но в недостаточном количестве. Постельное бельё имеется, но стирка его идёт с перебоями из-за непуска прачечной в первом лагерном отделении».[25]

Нехватка зимней одежды, была преодолена только в 1945 г. В упоминавшемся выше сборнике документов Немецкого Красного Креста "Zur Geschichte der Kriegsgefangenen im Osten, Teil II" («История военнопленных на востоке, часть II») имеются следующие свидетельства заключенных лагеря № 84 (стр. 249/250). Говорится про зиму с 1944 на 1945 г. «Одежды было для теплого сезона достаточно, но для долгой зимы от сентября до мая месяца и холодов в 40 градусов - совершенно недостаточно. Почти каждый имел серьезные обморожения, особенно на руках и ногах, и только в феврале, мы получили дополнительно меховые пальто, фетровые сапоги и теплые шапки. Перчатки и остальные лохмотья чинили мы сами». [33]

Удовлетворительное продовольственное снабжение наладилось только к 1947 г. Вот ещё объективное свидетельство из показаний бывших пленных, собранных Немецким Красным Крестом «В 1945 году в Асбесте насчитывалось восемь лагерей немецких военнопленных (правильно - лагерных отделений. – Авт.), в том числе, основной лагерь, по сути, лазарет-лагерь. В нем шесть казарм, которые были организованы как военный госпиталь, и имели вместимость около 500 больных. Смертность в 1945/46 годах была очень большой. Основными причинами смерти были

недоедание и белковая недостаточности, в их свете происходили водянка и кишечные расстройства. Здесь в Асбесте, военнопленные в основном выполняли работу в карьере, быстро возникали серьезные симптомы дистрофии из-за однообразного и скудного питания. В то же время имелась острая нехватка медикаментов, а также продовольствия в лазарете, потому что в госпитале было лишь небольшое повышение норм питания.

Больница была общего типа, чистой и хорошо оборудованной. Возможность изоляции больных с инфекционными заболеваниями присутствовала. Главной причиной смерти было недоедание, так что к смерти приходили почти скелетами. (Вес, как правило, менее 50 кг.) Инфекционные заболевания были очень редко и не превышали уровня при нормальных условиях. Смертность была от воспаления легких, прежде всего, из-за недостатка надлежащей медицинской помощи, особенно сердечных средств. Смертность чаще имела место у лиц возраста 17 - 20 лет и лиц старше 50 лет. Кроме того, у некоторых профессиональных групп были особенно велики потери от дистрофии. Большей частью это бывшие работники умственного (не физического) труда (клерки, административный персонал и т.д.)».[33]

О численности заключенных иностранцев в лагере № 84. Штатная численность первоначально, в конце 1942 г., была установлена 3000 человек. Примерно такой являлась фактическая численность по состоянию на 27 марта 1944 г. Однако в начале 1945 г. (на 20.02.1945 г.) она резко поднимается до 17 716 человек. Очевидно, что к Асбестовскому лагерю присоединили новые площадки. Действительно, в соответствии с приказом НКВД № 00423 от 30 апреля 1945 г., от лагеря № 84 отсоединили четыре уже действовавших отделения, организовав из них Нижнеисетский (в ранних документах – Режевский) лагерь № 314. Из избытков Асбестовского ЛВП получилось 9 отделений, пять из которых находилось в Свердловске, по одному в поселках Шабры, Большой Исток, Арамилы и городе Каменск-Уральский. Общая численность свыше 5 000 человек. [25]

В результате реорганизации численность лагеря № 84 на июль 1946 г. составила 9467 чел. (из них 281 человек офицеры, остальные унтер-офицеры и рядовые), при лимитной численности 9000 -9400 человек [16].

Некоторые данные о национальном составе контингента лагеря № 84:

- по состоянию на 22.03.1943 г. в лагере 84 содержалось 33 военнопленных финской армии [6], других данных по национальному составу нет;
- по состоянию на 27.03. 1944г. здесь находилось 1627 немцев, 1267 румын, по остальным национальностям данных нет [26];
- в июле 1946 г. зарегистрировано австрийцев 687 чел. (7,25 %), венгров 422 чел. (4,45 %), немцев 7778 чел. (82,1%), румын 387 (4,0 %), прочих 193чел [16]. Кстати сказать, среди плененных воинов, встречались лица таких «прочих» национальностей, которые трудно было ожидать в армиях гитлеровской коалиции. Так в Свердловской области находились в числе военнопленных 398 евреев, 246 русских, 1 татарин, 59 украинцев и 33 цыгана [25].

Тема отношений между разными национальными группами присутствует в мемуарах бывших узников ГУПВИ, но не затронута исследователями. Например, очень натянутыми они были между немцами и австрийцами, фактически – представителями одного народа и одной армии.[35,36]

С момента появления в СССР иностранных пленников II мировой войны, стала формироваться система их самоуправления. Инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД от 13 августа 1941 г. требовала: «Для поддержания внутреннего распорядка и связи с военнопленными администрация лагеря назначает из

состава военнопленных уполномоченных (старших) комнат, корпусов, бараков, через которых военнопленные сносятся с администрацией лагеря по всем вопросам» [3].

Это соответствовало духу и букве Женевской конвенции.

Весной 1945 г. система получила развитие. Была внедрена общевоинская структура: отделение – 12-15 чел., взвод – 36-40 чел., рота – 3-4 взвода в количестве 150-160 чел., батальон – 3-4 роты в количестве 600-700 чел. Формировались они по национальному признаку. Командиры назначались из числа проверенных офицеров и унтер-офицеров. Командиры рот и батальонов жили в отдельных помещениях, командиры взводов и отделений – в обособленных. [25]

В воспоминаниях «асбестовских» пленников детали самоуправления несколько отличаются от схемы. Ф. Кирхмайр (в Асбесте с 1944 по 1947 гг.) выделяет две должности – старшина барака и старшина лагеря (Starschina) [35].

В.Штадлер использует понятие «начальник лагеря» (т.е. лаготделения и подразумевается начальник из числа пленных) [37].

При наличии в ЛВП № 84 некоторого количества офицеров, старшина лагеря, между тем – фельдфебель (у Ф.Кирхмайра), начальник лагеря (у В.Штадлера) – обер-ефрейтер. Положение офицеров в солдатских зонах до конца не понятно. После 1945 г. офицеры, не выше капитана, могли привлекаться в СССР к общим работам. [33]

Действительно, всё внутри лагеря определялось самоуправлением. Это подтверждается воспоминаниями. Советское руководство оставляло себе только вечерние проверки, периодические обыски, оперативную работу [37].

Среди пленных сложилась своя «иерархия». Выгодное положение, относительно рядового пленника, неквалифицированного работника, занимали т.н. «старые пленные», «ремесленники», «специалисты», бригадиры, командиры всех рангов, антифа-активисты. Тема стратификации узников ГУВПИ требует отдельного исследования.

Отношения между пленными в лагерях порой перешагивали через колючую проволоку и рассматривались германским правосудием уже на родине. Заслуживает внимания статья из западногерманского журнала «Шпигель» от 18 мая 1950 года [31].

В статье, вернее, заметке из зала суда, журналист описывает ход процесса по обвинению одного из вернувшихся из плена солдат, бригадира лесозаготовительной бригады Карла Лангенбаха в преступлении, которое он совершил во время пребывания в асбестовском лагере. Началось с того, что на станции Херсфельд в Гессене тридцатилетний антифа-активист Карл Лангенбах был побит своим сокамерником Германом Розенбаумом, бывшим лейтенантом. В дело вмешалась полиция, но предварительное разбирательство привело к аресту самого Лангенбаха. Розенбаум обвинял его в убийстве двух пленных зимой 1945-46 года, когда тот руководил лесными работами в пятнадцати километрах от Асбеста (очевидно, л/о № 4 на Тёплом Ключе). Лангенбах сбивал подчинённых ударом с ног и запрещал другим оказывать им помощь, после чего те умирали от переохлаждения. Подсудимый оправдывался тем, что погибшие были симулянтами и отлынивали от работы.

Было допрошено свыше 70 свидетелей, бывших «асбестовцев». Лангенбаха пришлось поддержать много антифашистов, считавших, что это политическая расправа над их единомышленником. В зале присутствовала даже руководитель фракции коммунистов в ландтаге. Суд принимает, под одобрение публики, оправдательный приговор. Потому что, «выступавший здесь офицер однозначно был по политическим мотивам против обвиняемого настроен».

К 1945 г. НКВД сформировал своеобразный стандарт, которого придерживались (но не во всех случаях). Каждый лагерь включал 9 лагерных отделений, в которых содержалось от 500 до 1500 чел [72]. Асбестовский, при численности контингента 9 с лишним тысяч человек, похож на типовой. Имеются справки лагеря за 1946г., дающие представление о его показателях. Начальником лагеря являлся полковник Куницын И.Г., его заместителем по оперативной работе ст. лейтенант Полтавцев В.С.. Ставка зама по производству была вакантна, а заместителем начальника по снабжению служил майор Дмитриев. Все были назначены на должности в 1945 г.[16]

Куницын Иван Григорьевич (1895-?) — полковник. Уроженец Саратовской обл. С 1945 по 1947 Куницын — начальник Управления лагерем для военнопленных № 84 УНКВД Свердловской обл. В 1947-1951 — сотрудник ГУПВИ МВД СССР. 14.04.1951 г. уволен в запас. [5]

По состоянию на июль этого года кадровый состав ЛВП № 84 состоял из 334 человек, что на 39 чел. меньше положенного по штату. По категориям они распределялись так: руководство — 21 чел., канцелярия — 11 чел., кадры — 1 чел., оперсостав — 28 чел., политаппарат — 5 чел., учёт — 14 чел., охрана и режим — 95 чел., финансовый отдел — 13 чел., планирование производства — 27 чел., санитарный отдел — 46 чел., снабжение — 54 чел., шоферы — 19 чел.. Из них: переводчиков — 8 чел., вахтёров — 75 чел. Почему-то в справку о кадрах включили лошадей (15 голов) и автомашины (23 штуки).[16]

Заметим, что режимные подразделения (охрана, оперчасть, учёт) плюс политработники, составляют примерно треть штатов. Всё остальное — хозяйственные и медицинские функции.

Штаты лагеря учитывали только вахтенный состав. Это охрана жилых зон. Конвоирование заключённых при их перемещении к месту работы и назад, охрана во время работы и при других внелагерных перемещениях осуществлялась конвойными войсками НКВД. Численность их гарнизона изменялась в 1946 г. от 301 чел. в январе до 227 чел. в декабре [16].

Снижение связано с уменьшением количества охраняемого контингента. Кстати, собаки конвоирами не использовались, по крайней мере в Асбесте и в этот год.

27 июня 1945 г за №0172 был издан приказ НКВД «Об организации вспомогательных команд в лагерях НКВД для военнопленных». Приказ требовал привлечь на службу по выводу и охране военнопленных на работах-самих военнопленных, организовав вспомогательные команды (ВК). Оружия им не выдавалось, а обеспечивались они сигнальными средствами - свисток, флажок и т.п. Для личного состава вспомогательных команд устанавливался отличительный знак - на левом рукаве верхней одежды вшитый выше локтя белый прямоугольник с черными буквами «ВК». Кроме этого, приказывалось выдавать солдатам ВК улучшенное обмундирование из числа трофейного и довольствоваться по норме занятых на работах.[5]

Буквы «ВК» на рукаве, означавшие «вспомогательная команда», бывший военнопленный Асбестовского лагеря Вольфганг Штадлер в своих воспоминаниях ошибочно переводит, как «военный конвой».

Приложением к приказу идет перечень лагерей НКВД, в которых разрешается расконвоирование военнопленных и организация в них вспомогательных команд из числа военнопленных. Из, примерно, 200 лагерей (на 1.01.45 г. — 156, на 1.01.46 г. — 267 [5]), находящихся в СССР, под действие приказа попало только 98. В Свердловской обл., из 14

лагерей по состоянию на 1945 г. [10], такое право получили 3 – Асбестовский № 84, Алапаевский №200, Красноуральский № 245.

Вот как вспоминал В.Штадлер это значительное для з/к событие. «В один день видим - на наблюдательных вышках Мехзавода (имеется ввиду РМЗ. – Ю.С.) стоят немецкие военнопленные. Руди забавляет нас: „Смотрите, немецкие подразделения снова захватили советский завод!“. [37]

В 1946 г. численность ВК в Асбесте значительно превышало численность конвойных войск и составляла в июле 641 чел. В.Штадлер: «Как правило идут двое наших охранников перед колонной, двое по сторонам и двое сзади слева и справа, рядом с русским караульным. Это иногда выглядит почти также, как если бы немцы вели русского». [37]

Тем не менее, охрана не могла исключить побег, особенно на рабочих местах – на лесных, дорожных, строительных работах, там, где нет периметра. В воспоминаниях военнопленных «асбестовцев» тема побега присутствует. Они сообщают, что это было предметом разговоров, однако большинство справедливо считало побег безрассудством. Кроме того, Ф. Кирхмайр, указывает, что лагерное начальство применяло меры коллективной ответственности заключённых за побег товарищей, ужесточало режим, сокращало норму питания, в том числе и руководству лагеря из числа пленных, - до тех пор, пока беглецы не возвращались в лагерь, живыми или мёртвыми. Такая круговая порука приводила к тому, что при возвращении живыми они подвергались избиению членами своей национальной группы. [35]

Но отчаянные головы были. Из 474 пленных, пытавшихся бежать с 1945 по 1949 г. из свердловских лагерей, 455 из них бежать не удалось. При этом 65 чел. было убито, 15 ранено. Однако, 19 чел., бежавших в этот период, не были найдены и в 1950г. [25] Дальнейшая судьба их не ясна. Хотя считается, что до Германии не дошёл через побег из лагерей СССР ни один пленный.

По данным Н.Суржиковой, из лагеря №84 с 1945 по 1949 гг. пытались убежать 56 человек (34 чел в 1945 г., 19 чел. в 1946 г., 3 чел. в 1947 г.) [25]. Никому это не удалось.

Однако справка лагеря о состоянии охраны за 1946 г. приводит другие цифры. Всего бежало за год 7 чел., в том числе: 1 - в январе, 2 - в марте, 3 - в июле, 1 - в сентябре. Все случаи – по вине конвойных войск, кроме одного, виновник которого был не установлен. Все были задержаны опергруппой лагеря, причём трое беглецов при этом были убиты.[16]

Статистика, между тем, показывает, что побегі сократились и затем совсем исчезли с улучшением условий содержания и репатриацией.

Некоторые данные по движению контингента. Часть румынского контингента Асбестовской зоны влилась в состав заключённых Нижнетагильского лагеря № 153, выделившегося в самостоятельную единицу 18 декабря 1943 г. В соответствии с приказом НКВД СССР № 001035 «Об освобождении из лагерей 40 тыс. военнопленных румын» от 11 сентября 1945 г. лагерь № 84 покинуло 1070 румынских солдат и офицеров [26].

В феврале 1944 г., при перемещении на Украину (г. Николаев) находившегося в Шадринске лагеря военнопленных №126, из него было передано 759 человек в 84-й лагерь [34].

Справка о движении военнопленных лагеря 84 за 1946 г. (январь – октябрь) даёт представление об основных перемещениях в этот период. Учтены поступления – около

1000 чел., и убытия – порядка 2500 человек. Главная причина убытия – освобождение (январь – 271 чел., май – 202 чел., июнь – 2 чел., август – 1453 чел.) [16]. Эта тенденция будет развиваться, и перейдет в массовую репатриацию 1949 г.

За этот же период умерло 113 чел. Количество умерших в месяц 11 – 16 чел., кроме июля, августа, сентября, когда потери, соответственно, 6 чел, 5 чел., 3 чел. Это, видимо, говорит, о наличии сезонных факторов смертности. Проще говоря, о смертности от простудных заболеваний.

Вообще, динамика смертности военнопленных в лагере № 84 следующая. Данные за 1942 -1944 гг. носят отрывочный характер. В целом по стране цифра потерь военнопленных в эти годы достигала 50 %. Думаю, и в уральских лагерях статистика была такой же. Ослабленный контингент, часто привозящий инфекционные заболевания, отсутствие необходимых условий, продовольственная, лекарственная ситуация в стране. Выше говорилось, что в 1942 г. в Свердловской обл. умерли примерно половина находившихся здесь пленников.

Хотя меры принимались. В мае 1943 г. всех ослабленных пленных освободили от работ, перевели в оздоровительные команды с обеспечением усиленного питания. Видимо ситуация стала немного улучшаться. Однако резкое увеличение прибывающего контингента с начала 1945 г., прибытие контингента с дистрофией и инфекционными заболеваниями в совокупности с бедами, уже имеющимися (недостаточное питание, снабжение, скученность) привело к вспышке смертности. В Свердловской обл. умерло за этот год 8 273 пленных., в лагере № 84 – 2972 чел. [25]

НКВД строго контролировал показатели смертности в лагерях ГУПВИ, особенно в конце и после войны. В справке о смертности военнопленных в неблагополучных лагерях НКВД от 2 марта 1945 г. начальник ГУПВИ Кривенко сообщал своему наркому, что всего по лагерям на 20 февраля 1945 г. находится 570 333 пленных. За январь умерло 23 827 человек. Причем в 46 неблагополучных лагерях (из общего количества 123) умерло 20 319 пленных.

К неблагополучным отнесен и Асбестовский лагерь № 84. В нем (на 20.02.45г) находилось 17716 пленных. В январе умерло 553 человека, за 20 дней февраля – 318 человек. Внизу титульного листа этого документа имеется помета: «Послано сообщение т. Сталину Молотову № 230/6. 5 марта [19]45 г.». [5]

Немедленно, уже 03.03.45 г, в неблагополучные лагеря было направлено следующее распоряжение:

«У вас в лагере создается нетерпимое положение со смертностью военнопленных. Количество смертных случаев за вторую декаду февраля составило ____%. Объясняю это невыполнением лагерем приказов и директив НКВД СССР о содержании военнопленных, их питании и бытовом обслуживании. Требую немедленно принять все меры к укреплению физического состояния военнопленных и прекращению смертности. Предупреждаю, что, если в ближайшее время положение в лагере не улучшится, Вы будете сняты с поста и отданы под суд. Зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссар государственной безопасности 2 ранга Круглов». [5]

Это было типовое распоряжение, рассылаемое адресатам по списку. Видимо угроза была выполнена, так как и полковник Куницын и его заместители вступили в должность в 1945 г., после 1-го июня, заменив предыдущее руководство.

Не нужно забывать, что потери лагеря № 84 1945 г. ложились не только на г. Асбест. Выше говорилось, что к нему были присоединены новые площадки в гг. Свердловск, Каменск-Уральский и др., общей численностью не менее 5 000 человек. В апреле этого же года на их базе был организован лагерь 314.

В следующие годы смертность резко снизилась. 1946 г. – 132 чел., 1947г. – 48 чел., 1948 г. – 3 чел. [25]

К теме нападений, которые сваливались на контингент, добавим информацию, полученную из следующего документа. Это сообщение зам. начальника 4 отдела ГУПВИ МВД СССР подполковника медицинской службы Кальмановича В.В. Чернышову о массовом отравлении военнопленных в лагере № 84 Свердловской области от 24.05.1946 г.

«Москва 24 мая 1946 г. Сов. Секретно.

Начальник УМВД по Свердловской обл. генерал-майор т. Попков телеграммой № 10/6/1888 от 23 мая с.г. сообщил, что среди 163 чел. военнопленных лагеря №84, работавших на фабрике №2 треста «Союзасбест» 21 мая 1946 г. произошло массовое отравление. Причиной отравления явилось употребление в пищу сушеных крупобразных крабов с горохом, отпущенных из столовой фабрики в порядке выполнения договора о дополнительном питании за выполнение норм выработки. По истечении 3-4 ч. после употребления означенного блюда у военнопленных появились тошнота, рвота, понос с кровью и судороги. К исходу дня было госпитализировано 124 чел., в том числе 11 чел. с явлениями резкого упада сердечной деятельности, синюшности, судорог и 17 чел. в тяжелом состоянии.

В лазарете лагеря отравленным оказана немедленная помощь. Смертных случаев среди отравившихся пока нет. Массовость отравления, одновременное появление первых его симптомов у большинства военнопленных после употребления крабов, отсутствие признаков отравления у других военнопленных того же лагеря, но не получивших крабов, дает основание полагать, что отравление военнопленных связано с употреблением в пищу указанных консервов.

Расследование производится. Крабы сданы на химико-бактериологическое исследование. Результаты расследования будут сообщены дополнительно, по получении ответа из лаборатории.

Сообщение получено 24 мая с.г.

Зам. начальника 4 отдела ГУПВИ МВД СССР подполковник м[едицинской] с[лужбы] (Кальманович)»

Резолюции: «Разослать: т. Чернышову В.В. 24 мая 1946 г.», «Спросить Свердловск. Какие результаты. Чернышов. 24 мая 1946 г.». Помета: «К сведению. Чернышов». [5]

Для понимания ситуации, рассмотрим немецкие данные о смертности пленных в разных отделениях Верхнепышминского лагеря 531 (Свердловская область) со ссылкой на источник DRK "Dokumentation zur Geschichte der Kriegsgefangenen im Osten" часть II (стр. 257) [33]:

7531/1: из 800 человек умерло 20 (с июня 1945 по январь 1947 года), т. е. смертность около 2% в год;

7531/3 (Свердловск): из 900 человек 35 умерло (с 1945 до 1947г.), т.е. смертность около 2 % в год;

7531/4 (Монетка): из 800 человек 400 умерло (с 1945 до марта 1946г.), т.е. около 30% в год;

7531/6 (Левиха) из 2000 человек 450 умерло (с июня 1945 до июня 1946г.), т.е. около 22% за год;

7531/10 (Левиха): из 1000 человек 25 умерло (август 1946 до июля 1947г.) – годовая смертность около 3%. (Пересчет на проценты сделан автором).

Из приведенных данных следует, что высокая смертность в некоторых подразделениях ГУПВИ соседствовала с невысокой в соседних лагерях. При одних и тех же нормах довольствия. Это говорит о несистемном, ситуационном характере всплесков потерь среди заключенных. По крайней мере, последнее утверждение точно можно отнести к послевоенному периоду.

Мой вывод подтверждается и воспоминаниями военнопленных. Вот свидетельство австрийского пленного Пехмана, которого перевели из отделения № 5 («лагеря ужаса Алтынай») в л/о № 8 (Худяково) в мае 1946 г. «Пешком по шпалам мы добрались до нашего следующего лагеря: Худяково. Уже издалека новый лагерь произвёл впечатление чистого; даже те, кого мы там увидели, казалось, чисто и хорошо одеты и находятся в хорошем физическом состоянии. Они очень удивились, когда увидели нас в лохмотьях, тощих, слабых».[36]

Калорийность питания иностранных солдат в наших лагерях за годы их пребывания менялась в широком диапазоне. Нижний предел составлял 1750 калорий для неработающих, 1945 калорий для работающих пленных. Он зафиксирован в первые годы войны. Даже медицинские светила НКВД, расследуя большую смертность в лагерях, вынуждены были указать, что минимум калорийности при тяжелой физической работе - 3000 калорий, при легкой - 2400 и при так называемом комнатном покое - 2000 калорий.

С введением новых норм и правил организации питания военнопленных калорийность основного пайка несколько возросла и составила 1839 калорий. Военнопленные, занятые на тяжелых физических работах, получали паек, калорийность которого составляла от 2015 кал. (для выполняющих норму выработки - до 50%), до 2773 кал. (для перевыполняющих производственные нормы). К началу 1946г. суточный рацион составлял около 3200 калорий, но к концу этого же года, из-за продовольственного кризиса в стране был снижен до 2368 кал. В дальнейшем нормы опять возросли. [19]

Скажем для сравнения, что энергетическая ценность питания тыловых солдат германской армии в 1939 г. составляла 3600 калорий в сутки. Население Германии в 1939 году по карточкам получало продуктов общей калорийностью: обыватели - 2570 кал, рабочие - 4652 кал. Калорийность питания советских воинов в германском плену, вызывавшая их массовую гибель, составляла 894 кал. [2]

Физическое состояние лагеря № 84 за 1946г, согласно справке его администрации, было следующим. Возьмем июль месяц. Отнесено к 1-й группе, т.е. к абсолютно здоровым, 36,5 %. Группа 2 (работоспособные) - 37,6 %. В третьей группе, годной только для внутрилагерных работ, состояло 6,8 % от общего количества. К четвертой группе – инвалидам, относилось 106 человек, т.е. 1,1% пленных. В ОК (оздоровительную команду) входило 1145 чел. – 12,1 %. Немцы, кстати, переводили ОК, как «ohne Kraft» - «без сил». Лазаретных больных – 452 чел. (4,8%).[16]

Между тем. 1946 г. считался тяжёлым и голодным, из-за неурожая в стране.

Обеспеченность медсоставом на этот же период: врачей – 4 (по штату – 20), среднего медсостава – почти комплект, 21 чел. (по штату 23). Военнопленных: врачей - 18, среднего медсостава – 12. Количество штатных коек в лазаретах – 600. [16]

Большинство исследователей солидарны в одном – содержание военнопленных исходило из задачи их эффективного трудоустройства. НКВД был заинтересован в поддержании их трудоспособности, в повышении процента выходов на работы. За это с чекистов спрашивали. Фактор мести не просматривается в документах госорганов, регулирующих содержание вражеских солдат. В практике исполнения этих директив, очевидно, имелись нарушения, но они не носили системный характер.

Асбестовский лагерь по трудовым показателям выглядел не хуже других, а то и лучше. Это видно из документов НКВД. Например, справка начальника УПВИ НКВД Петрова И.А. «О состоянии трудового использования по лагерям военнопленных от 14.06.1944г свидетельствует: «За 1-й квартал 1944 г. выходы на производство составили 72,3% трудового фонда, средняя производительность труда 98,6%. За апрель выходы на производство составили 76,2% трудового фонда, средняя производительность труда 107,0%». Это в среднем по системе. А конкретно по Асбестовскому лагерю («Союзасбест») выходы в 1-м квартале — 88,3%, в апреле — 92,1%; средняя производительность труда в 1-м квартале — 103,2%, в апреле — 107,5%. [25]

Справка по трудовому использованию военнопленных лагеря № 84 за 1946г. представляет не менее радужную картину. Например, в июле занято на контрагентских работах почти 86 % к трудовому фонду. Временно неработающих (по болезни и пр.) показано 265 чел., хотя только лазаретных больных в этот месяц было 452 человека. В общем, цифры не идут. Средняя производительность труда 126,1 %. Невыполняющих нормы – 300 человек.[16]

Между тем, известные воспоминания «асбестовских» пленных, говорят о том, что выполнение нормы (т.е. дополнительные 200 г хлеба и тарелка каши), было не практикой, а заветным желанием, редко сбывавшимся. Особенно на лесных, земляных и других вспомогательных работах. [35, 37]

Валовая сумма выработки в июле 1946 г. 2 млн. 623 тыс. руб. Фактические расходы на содержание лагеря 1млн. 891 тыс. рублей. Но уже с сентября, при той же выработке, расходы на содержание лагеря возрастают до 3 млн. 400 т. руб.[16]

Общая картина такова. В первые годы войны мало кто следил за рентабельностью лагерей. И показателями они не блистали. С 1945 г. лагеря военнопленных стали переводить на самоокупаемость. И цифры рентабельности поползли вверх. С 1945 г. по 1949г. рентабельность объектов ГУПВИ Свердловской области находилась в диапазоне от 103% до 122%. Исключение - 1947 г., когда она снизилась до 68%. С сентября 1946-го почему-то чуть ли не в два раза увеличились плановые затраты на одного пленного. Выработка не сразу их догнала. Причем, всего с 45-го года по 49-ый фактические затраты на одного пленного возросли в 2,5 раза, а фактическая выработка – в 3 раза (в денежном выражении).

Такой рост больше похож на «игру» расценками, чем на реальный рост эффективности труда. Средняя производительность труда, сосчитанная по методикам того времени, за этот период изменилась со 106 до 145 %. Исследователи отмечают, что при сравнении производительности труда пленных и вольнонаемных на конкретных предприятиях, показатели советских рабочих выше. Возможно, такое сравнение не всегда корректно, так как наши рабочие часто получали более выгодные задания. [27]

В целом по Свердловской области в 1945 г. норму выполняли 70% привлекаемых к работе пленных, в 1946 г. – 85%, 1947 – 88%, 1948 г. – 99%. В целях поощрения хорошо работающих, им предоставлялось временное расконвоирование, разрешение на выход в

город, чаще – премия. Заработная плата пленных в разные годы на разных предприятиях Урала колебалась от 300 до 750 рублей. [28]

Хотя В. Штадлер сообщает, что первый раз получил рубли только в 1949 году.

Лагерные отделения закреплялись за определенными предприятиями, которые они обслуживали. Количество отделений за всю историю ЛВП № 84 менялось. Так в 1946г до июля месяца их было 9. После репатриации большой партии заключённых, с августа месяца количество л/о сократилось до 8, а с ноября – до 7. На конец года числится отделения за №№ с 1 по 7 и 9, причём 9-й - безлюдный. По логике, в августе выбыло 8-е л/о. Кроме этих, было и безномерное – подсобное хозяйство в с. Некрасово Белоярского района.

Лаготделение № 1 (главное) находилось на северо-западной окраине Асбеста, в 3 – 5 км от ж/ст. Сама зона располагалась на ул. Милицейской. Рядом, между этой улицей и улицами Шахтерская, Октябрьская, Семашко, стояли штабные и вспомогательные здания л/о и управления.

Лимитная численность в/п данного л/о составляла в 1946 г. 4000 чел, годом позже – 3000 чел., что связано с ужесточением санитарных норм. Фактическое наличие: октябрь 1946 г. – 3692 чел., 20.03.1947 г. – 3210 чел.

Жилфонд состоял из одно- и двух – этажных бараков каркасно-засыпного типа, оштукатуренных, в количестве 12 шт., общей площадью 4 940 кв. м., оборудованных 2-х этажными нарами вагонного типа. Имелась амбулатория, три лазарета на 375 коек, кухня на 1500 обедов, столовая на 500 мест, баня-дезокамера, прачечная, парикмахерская, клуб на 450 мест и пр. В 1947 г. были здесь и гончарная, витаминная и, даже, оранжерея. За всем этим хозяйством зорко следили с 7 наблюдательных вышек.

Снаружи находились управления лагерем, штаб, общежития гарнизона и вспомогательной команды, офицерский клуб на 250 мест, а также пекарня, склады, мастерские, конюшня и пр.

Отопление печное, освещение электрическое (от «Уральского кольца» через подстанции «Союзасбеста»), водоснабжение от городского водопровода. Заходила в зону и ж/д ветка.

Весь фонд предоставлялся трестом «Союзасбест» МПСМ СССР и находился на его балансе. Контингент в/п работал на предприятиях этого треста, находящихся в радиусе 3 км (2825 чел.) и заводе АТИ Министерства резиновой промышленности в радиусе 2-х км (180 чел.).[16]

План л/о № 2, сделанный самим лагерем, пока не обнаружен. Однако, судя по всему, он изображён в книге В.Штадлера «Надежда на возвращение», правда, под другим номером. Применяя метод исключения, можно сделать вывод, что это, определённо, 2-е лаготделение. Оно также было закреплено за трестом «Союзасбест» и находилось вблизи фабрик 2 и 3.

Вот как он описывает первое впечатление. «Грузовик остановился перед лагерем для военнопленных. Он величиной с три футбольных поля. Территория окружена изгородью из досок высотой 4 м. Слева от больших, двухстворчатых ворот стоит домик вахты. Непосредственно рядом с ним маленькая проходная для отдельных людей. На шести деревянных вышках расположены часовые, охраняющие зону./.../ В поле зрения: восемь низких деревянных бараков, все на равном расстоянии друг от друга. Вплотную к противоположной изгороди лагеря находится „Ubornaja-Tualet" (уборная-туалет). Она даже под крышей. Перед этим обыкновенная простая мочная установка. Она состоит из водяного резервуара высотой

примерно 1,5 м, длиной 5 м и расширенной формы водосточных желобов. В низу на высоте 50 см, как жертвователю, ниппель. Если нажимают на него вверх, тонкая струя течет в пустую руку».

В лагере находилось в 1944-47 гг. около 2000 заключенных. Жилых бараков было 5. Пленные были по ним распределены по национальному признаку: 3 барака немецких, один румынско-венгерский. Ещё в одном жили итальянцы, австрийцы и антифа-активисты (всех национальностей). Кроме жилых, в одном бараке размещалась баня - прачечная - парикмахерская; в другом - больница - столовая - кухня; в третьем - мастерские. К одному жилому барaku пристроен морг. Карцер находился в здании вахты. Кроме работ на фабриках, зимой 1944 - 1945 г. В.Штадлер несколько месяцев работал в гончарной мастерской и на строительных объектах Асбостроя. [37]

Отделение № 3 находилось на северо-восточной окраине г. Асбеста. в 3 км от ж/ст., в 2-х от управления ЛВП № 84. При лимитной численности 2000 чел., в октябре 1946 там находилось 1416 з/к. В 1947 г. лимит был снижен до 1000 чел., но находилось там 1317 чел. (на 20.03.).

Жилфонд состоял из 13 одноэтажных оштукатуренных каркасно-засыпных зданий, среди которых половина была совсем маленьких, площадью 32 кв. м и чуть больше. Амбулатория и лазарет на 50 коек, кухня на 1550 обедов, столовая на 400 мест, баня с дезокамерой. Портновская, сапожные мастерские, кузница, заквасочная, карцер и пр.. За колючкой, рядом с забором - штаб л/о, гарнизон конвойных войск, конюшня, склады и др. Всё находилось на балансе «Союзасбеста». [16]

Фриц Кирхмайр приводит в своей книге «Лагерь Асбест» план л/о 8, где он, якобы находился с 1944 по 1947 гг. [35].

Но отделения № 8 не было уже в 1946 г. Приведённый план больше всего похож на план л/о № 3. Видимо это та самая колония «на восьмом отвале между фабриками № 2 и 3». Оттуда и путаница с номерами. В городе лагеря называли не присвоенными НКВД номерами, а по привязке к местности - «на 8-м отвале, на Милицейской...». Вот Кирхмайр и запомнил номер отвала, а воспроизводит его как номер л/о.

По сведениям этого пленного в отделении были бараки и «земляные бункеры», где жила и группа австрийцев. В 1947 г. землянки снесли, на их месте возвели новые, сборные бараки. Приводит он план именно за 1947г., после перестройки. Ф.Кирхмайр сообщает, что рядом с вахтой стояла клетка с тремя волками, забавлявшими коменданта и досаждавшими арестантам своим воем. А напротив столовой пленные соорудили солнечные часы.[35]

Однако у этого автора много информации, вызывающей сомнение.

Поисковая служба Немецкого Красного Креста (DRK) в 1958г. издала для внутреннего использования "Историю военнопленных на востоке» ("Zur Geschichte der Kriegsgefangenen im Osten»), упоминавшуюся выше и составленную по опросам вернувшихся на родину из советского плена солдат. Некоторые страницы этого документа цитируются на германских сайтах, в том числе и про Асбестовские лагеря. [33]

В частности указывается местонахождение лагеря в 7084 / 3 - «около 800 метров к северу от улицы Февральской революции в Асбесте" (Часть II, стр. 249/250). Следует сказать, что немецкие источники номера лагерей указывают в четырехзначном виде, первая цифра «7», через дробь - номер лаготделения. В начале 1947 года в СССР была введена именно такая система нумерации.

Военнопленные этой площадки в 1946 г. выводились на объекты: фабрика № 2 – 200 чел., фабрика № 3 – 400 чел., ЦРУ (центральное рудоуправление) – 620 чел. Это уже официальная информация. [16]

Ф.Кирхмайр сообщал, что его бригада осенью 1944 г. – весной 1945 г. работала и на неком строительном объекте, который он называет «тракторный завод». Видимо, это было строительство завода РМЗ. [35]

Лагерное отделение № 4 располагалось 12 км севернее ж/ст Асбест, в лесной чаще, на берегу ручья Теплый Ключ, притока речки Пещёрки, впадающей в Рефт. Отделение маленькое, лесозаготовительное. Жилой фонд составляли в 1946 г два рубленых дома и один каркасно-засыпной. Причем в двух домах жилой была только одна половина, во второй размещались лазарет на 15 коек и амбулатория. В зоне имелись слесарные и кузнечные мастерские. Наличивал также карцер. Были баня и прачечная. Баня находилась за забором. Там же штаб л/о, общежитие личного состава, гарнизон конвойных войск, конюшня, склады. Всё настоящему. Имелись даже помещения для собак, хотя сами собаки в отчетах не показаны. Зона маленькая – 72 на 123 метра. Четыре вышки.

Военнопленных в августе 1946 г. 450 чел., при лимите – 600. На 20.03.1947 г. лимит – 350 чел., факт – 266 чел. Отопление печное, электричество есть, вода из незамерзающего ручья в 80 метрах от центра зоны. Качество воды хорошее. Весь фонд построен лаготделением за счёт треста «Союзасбест», у которого он стоял на балансе. Военнопленные были заняты на лесозаготовках для треста «Союзасбест». Ещё осенью 1941 г сюда была протянута из Асбеста узкоколейная ж/д, для доставки леса на нужды города.

Отделение № 5 находилось на т.н. Ильинском участке, на ул. Южной, в 6 км от жд/ст и 5 км от управления лагерем. Состояло из двухэтажного барака. Там проживали военнопленные (на 9.08.1946 г. – 1645 чел., на 20.03.1947 г. – 1448 чел, при лимитной численности 2350 чел). Лимитная численность не изменилась, так к 1947 г. был сделан пристрой.

«Занимаемый жилфонд состоит из одного двухэтажного с одноэтажным пристроем здания каркасно-засыпного типа, оштукатуренного снаружи и внутри. В указанном здании размещены: жилые помещения, амбулатория и стационар на 12 коек, хозмастерские, клуб в/п на 200 зрителей, баня - дезокамера, прачечная, парикмахерская... Столовая – кухня на 400 посадочных мест и 1500 обедов. В одноэтажном пристрое также кладовая, библиотека и музкружок... Котельная кирпичная, крытая шифером., слесарные и столярные мастерские, врезанные в гору...кузница железная. Штаб с гарнизоном в одноэтажном рубленном здании... Конюшня, склад деревянные... Отопление двухэтажного здания с пристроем центральное, остальных печное.... Содержащийся в л/о контингент в/п работает на предприятиях треста «Союзасбест» на расстоянии 3 км». Штаб и конюшни за зоной, на расстоянии 800 – 400 метров. Сама зона наблюдалась с 4-х вышек. [16]

В.Штадлер так описывает эту площадку, именуя в воспоминаниях её «новой». Дом ему показался каменным. «Мы маршируем к новому лагерю. Наименование дезориентирует, так как речь идет о старом двухэтажном каменном здании. Эта огороженная территория состоит только из маленького плаца в глубине и оснащена по испытанной схеме: забор из досок, колючая проволока, наблюдательные вышки. Совсем не большой лагерь. На нижнем этаже находятся канцелярия, больничное отделение, кухня и столовая. Каменная лестница ведет вверх в расположение команды. Это большой зал, оснащенный отдельными нарами, но также и сплошными на 10 - 20 человек. Все двухэтажное, из настоящей сибирской сосны. Каждый имеет основу для сна: матерчатый мешок, набитый опилками. И так - высший комфорт».[37]

Лагерное отделение № 6 дислоцировалось в 4 км восточнее посёлка Первомайский (Изумруд), на левом берегу р. Большой Рефт. Жилой фонд состоял из трёх типовых рубленых бараков. Имелись клуб и карцер, что присутствовало не в каждом л/о. Остальное хозяйство типовое, за исключением того, что водоснабжение от собственной водокачки, прямо с реки. Особенностью является и то, что склады находятся не за периметром, а внутри его, но отгороженные забором. Там же – баня начсостава. Кроме этого, в августе 1946 г сообщалось: « Три барака к зиме не подготовлены, нет печей и не застеклены оконные рамы». Действительно, на плане, в центре зоны – четыре палатки, как временное жильё. Однако, весь контингент в них не поместишь – 971 чел., при лимите 1946 г. 700 чел.

Жилой фонд построен и находился на балансе у Военлескомбината № 1. Там же и работало 740 пленников. Ещё 340 чел. на ГГМК (Горнометаллургическом комбинате), очевидно на разработке Малышевских рудников. Заметим, что суммарно вывод на работы превышает фактическое наличие з/к.

На 20.03.1947 г. трудности, очевидно, преодолены. Палатки исчезли. В отгороженной зоне добавились штаб и гарнизон, а также общежитие ВК. Лимит не изменился, а фактическое наличие контингента сократилось до 760 чел. Работали они также на лесопильном заводе, находящимся рядом, и других работах Военлескомбината МВ МС СССР на расстоянии 3 км и Горнометаллургическом комбинате № 3 МЦП на расстоянии тех же 3 км.

Лаготделение № 6 имело своё кладбище. Количество захороненных здесь - 153 человека, причем немцев из них - только 54.[74]

На месте оно обозначено только мемориальным знаком в память умерших венгерских воинов. Факт установки мемориального знака венгерским солдатам, говорит, видимо, о том, что существовавшее вблизи поселка Изумруд лаготделение было по преимуществу венгерским.

Это единственная в городе «гупвиновская» площадка, бараки которой частично сохранились. Сейчас бывший лагерь называется посёлком Лесозавода.

Лагерное отделение № 7 было расположено на окраине г. Сухой Лог, в 6 (по др. данным – в 3-х) км от ст. Кунара. Жилфонд состоял из шлако-бетонных (по др. данным – каркасно-засыпных) зданий, крытых шифером (жилых -2, остальные вспомогательные). Состоял на балансе Цементного завода и завода № 450 МПСМ. Водоснабжение от завода № 450.

Содержащиеся военнопленные выводились на работы: завод № 450 МПСМ – 200 чел., цементный завод МПСМ – 80 чел., Рудянскую МТС – 50 чел. Это данные на 9 августа 1946 г. При лимите 400, фактическое наличие пленных составляло 522 чел.

На 20.03.1947 г. количество пленных изменилось мало – до 532, при том же лимите. Оба завода к тому времени были объединены и весь состав работал на Цементном заводе № 450 МПСМ СССР.

Отделение № 9 находилось в 9 км на восток от г. Асбеста, в 8 км от ж/ст. Из населённых пунктов в этом районе и в это время известен выселок Мокринский, а также некий хутор по речке Талице. Жилой фонд состоял из рубленых одноэтажных домов и принадлежал Островскому механизированному лесопункту. Вместимость бараков 200 чел. Хотя лимит по нормам 1946 г. – 600 чел., фактически присутствовал 201 чел (на 09.08.1946 г.) Имелись амбулатория и лазарет на 10 коек, баня, дезокамера, парикмахерская, сушилка и т.д. Склады, штаб, квартиры личного состава – за периметром.

Было электричество «от местной электростанции». Водой снабжались из колодцев, расположенных в 150 метрах от зоны. Военнопленные были заняты на лесозаготовках в Островском МЛП, в среднем на эти работы выводилось по 135 чел.[16]

Подсобное хозяйство в с. Некрасово Белярского района. Функционировало оно на правах л/о, однако не было оборудовано атрибутами зоны: проходной, вышками и т.д.

В. Штадлер, работавший там в августе – октябре 1944 г сообщает: «Через несколько часов мы появляемся в колхозе „Эрнста Тельманна“. Волнистая, почти безлесная местность, без полевых меж и дорог растягивается до горизонта.. /.../ Наша новая квартира - это продуваемый ветром полевой амбар. Мелкая сечка соломы служит постелью./.../ Место жительства находится на маленьком возвышении. Оттуда хорошо рассматривать окрестности. Сельскохозяйственную площадь такого размера никто из нас, пожалуй, еще не видел, и спрашиваем себя, как можно справиться с урожаем». [37]

По справке управления лагерем за 1946 г., жилой фонд состоял из одноэтажного кирпичного склада, приспособленного под жильё и оборудованного двухъярусными нарами, а также двухэтажного кирпично-деревянного здания, верх которого приспособлен под жильё, а низ – под пищеблок. Имелась амбулатория и лазарет на 15 коек. Дезокамера своя, а пекарней и баней пользовались колхозной. Отопление печное, освещение – керосиновыми лампами. Пленные использовались на сельхозработах для нужд управления лагеря. На 9 августа 1946 г. там находилось 570 пленных.

Оба жилых здания, а также два овощехранилища, принадлежали колхозу им. Тельмана. Кстати, колхоз провидчески был назван так ещё в 30-е годы. Лагерю принадлежали дезокамера, уборная и свинарник. Здание штаба, конюшня и склад были частные, арендуемые. [16]

Как не странно, большую смертность давало и это хозяйство. В.Штадлер вспоминает события августа – октября 1944 г.: «В один из дней особенная неожиданность подстерегла нас. Наше истощенное состояние, конечно, не ускользнуло от ответственных лиц колхоза. Сельскохозяйственные рабочие приносят котел, ставят его на валуны и кирпичи. Телега прибывает с 2 бочками воды. Скоро веселый огонь мерцает под котлом. Догадаться легко: готовится еда. Мы смотрим больше в этом направлении, чем на свою работу. Natschalnik замечает это и грозит нам. Итак, снова в картофель! Через 2 часа раздаётся призыв: „ Objed! (обед!) " /.../ Переводчик оповещает: «Каждый может есть, сколько он хочет!». Этот предложение звучит невероятно. Еще никогда мы не слышали его во время плена. Суп хотя без жира и вегетарианский, но очень вкусен. Мы черпаем ложкой, все черпают ложкой без остановки, идут снова и снова к котлу, несут добавку. Восемь раз я повторяю путь. Восемь литров супа! Несколько приятелей превзошли уже десять. /.../ Затем мы лежим с распухшими животами на земле, едва можем передвигаться. Это уже не удовольствие.

Несколько приятелей охвачены судорогами, извиваются от боли. Двое скончались ночью с прорывами живота. Медицинская помощь находится на большом удалении. Natschalnik встряхивает непонимающе головой. Чрезмерность может понять, пожалуй, только тот, кто оказался когда-нибудь в похожей ситуации». [37]

В сборнике документов Немецкого Красного Креста "Zur Geschichte der Kriegsgefangenen im Osten, Teil II" («История военнопленных на востоке, часть II») имеется следующее свидетельство заключенного лагеря № 84 (стр. 249/250):

«(Про весну - лето 1945 г. - Ю.С.) Как хорошего специалиста общественного питания меня со 100 товарищами в марте передали для работы в большой колхоз. Мы все

пошли охотно, потому что нам пообещали легкую работу и хорошее питание. Но, как всегда обманули - все было намного хуже! Двенадцатичасовой рабочий день, невозможно высокие нормы выработки, плохое питание и жилье. От колхоза мы не получили практически никаких дополнительных продуктов. Очень примитивные инструменты и в недостаточном количестве крайне осложняли работу. Например, мы имели на 42 мужчины лишь 30 плохих кос, но 30 кос должны были 42 нормы выполнить. Шести недель, каждый день косили мы по двенадцать часов без перерыва, в основном на заболоченных лугах, по колено в воде. Тяжелыми были эти шесть недель для наиболее слабых, питание было очень плохим. Несколько раз я был на работе вместе со всеми, и только тогда, когда я уже не мог ходить, оставался на несколько дней в лагере. Пять месяцев мы были без медицинской помощи, без комиссии, шесть человек умерли». [33]

Н.Суржикова пишет, что и в 1946 г. из 800 пленных, направленных в подсобное хозяйство, из-за тяжелой работы, скудного питания, простуды (жили в палатках и шалашах (? –Ю.С.) умерло к ноябрю 15 военнопленных, 248 были госпитализированы в состоянии необратимой дистрофии». [25]

Между тем, в селе Некрасово по имеющимся данным захоронено 14 пленных, что меньше потерь, приведенных выше. В перечне захоронений к лагерю № 84 отнесены и 9 могил в поселке Зюзельский, вблизи г.Полевского. [9]

Других данных о наличии там какого-то подразделения Асбестовского ЛВП нет.

Таким образом, самая значительная часть пленных трудилась в тресте «Союзасбест». Всего там, по подсчетам Н.Суржиковой, по состоянию на начало 1946 г. работало 4,2 тыс. пленных.. На 01.11.1947 г. зафиксировано некоторое снижение в/п, занятых в этом тресте – 3 008 человек [28].

По подсчетам автора, в августе 1946 г. в тресте работало более 6 000 пленных.

Репатриация производилась начиная с 1946 г., партиями. В первую очередь освобождались нетрудоспособные (категории 3 и ниже). Тем самым лагеря избавлялись от непроизводительных затрат и улучшали статистику. С 1949 г происходила уже массовая отправка на родину, закончившаяся в сентябре того же года. Перед отправкой пленные проходили медосмотр, получали новое обмундирование, денежный расчет. Из Асбеста их направляли в репатриационный лагерь в Свердловске, где формировались эшелоны. Проводился и тщательный обыск. В лагере 84 в 1947 г. у венгерского пленного Надя были найдены списки умерших за 1945 – 1947 гг. Здесь же у репатрируемых была изъята секретная документация Асбестовского РВК по призыву в армию лиц 1917 – 1918 гг. рождения, проходившему в 1938 г. [25]

Не все узники архипелага ГУПВИ дождались своего поезда. Никто не гарантирует солдату «обратный билет». В главе о воинских кладбищах в сборнике документов Немецкого Красного Креста «История военнопленных на востоке, часть II», 1958г., (стр. 329), о кладбищах асбестовского лагеря 84 говорится следующее: « Для всех умерших в Асбесте военнопленных и интернированных всех национальностей существовало кладбище, которое находилось к северу от лагеря 7084 / 3, в середине леса. Помимо массовых существует множество индивидуальных захоронений, которые были обозначены». На взгляд автора, речь здесь все-таки идет о братских и персональных могилах на одном кладбище. Выше говорилось, что лаготделение №3 лагеря 84 (7084/3) находилось «около 800 метров к северу от улицы Февральской революции». [33]

Также уже сообщалось о ещё одном месте захоронения, в 3 км от п. Изумруд.

Асбестовское кладбище лагеря № 84 самое крупное в Свердловской области из числа сохранившихся и включенных В.Мотревичем в список дислокации захоронений военнопленных германской армии периода второй мировой войны и интернированных из стран восточной Европы [9].

На нем погребено 1825 человек. Национальный состав захороненных следующий. Немцы – 1261 чел., румыны – 137 чел., финны - 53 чел., прочие – 372 человека [9, 26, 22].

Установлены мемориальные знаки, адресованные солдатам конкретных армий (венгерской, финской). Кладбище находится в районе горных разработок северного рудоуправления. Практически это «остров» внутри карьера.

О закрытии лагеря - по состоянию на 17.03.47 г. лагерь числится, на 10.05.48г. его уже нет [5].

Закрытие лагеря 84 не означало ликвидацию в городе зон для военнопленных, а явилось следствием сокращения количества пленников, вызванной их частичной отправкой на родину. Асбестовский лагерь в 1948г. стал отделением Нижнеисетского № 314. Если вспомнить, что этот 314-й образовался из 84-го, получается совсем причудливо. Но смеху здесь мало. Нижнеисетский ЛВП был, по сути, фильтрационным. Из него отправлялись эшелонами на родину прошедшие через сито проверок, а оседали подозреваемые в совершении военных преступлений. Проверки осуществлялись по многим направлениям. Самый поверхностный – осмотр на наличие спец-татуировок. Солдаты подразделений СС имели на левой руке у предплечья, с тыльной стороны, татуировку с группой крови.

Ещё один канал получения компромата – от осведомителей, действовавших внутри контингента. За время существования лагерей на территории Свердловской области было завербовано 3061 (по другим данным – 2738 чел. [25]) человек, в том числе на перспективу послевоенной закордонной работы-169. [20,25]

То есть, человек на 50 пленных имелся один осведомитель. Не случайно количество учтенных солдат войск СС и полевой жандармерии, из числа контингента свердловских лагерей, возросло со 121 чел. в 1945 г. до 998 чел. в 1949 г. [25]

Пленные лагеря № 84 знали о наличии «шпионов» в своих рядах. При разоблачении те становились изгоями и иногда, по свидетельству Ф. Кирхмайра, это заканчивалось самоубийством.[35]

Некоторые зарабатывали срок уже в лагере. Это следует из ориентировки о фактах саботажа, осуществляемого на производстве враждебно настроенными военнопленными и интернированными (к директиве НКВД СССР №66 от 18 марта 1946 г). В ней сообщается: «В лагере № 84 (Свердловская обл.) выявлена фашистская группа из 3 военнопленных, возглавляемая бывш[им] сотрудником полиции Краалем. По сообщению агентуры участники этой группы Кофнер и Бост систематически ведут беседы о необходимости срыва производственных работ и саботажа распоряжений командования лагеря. Участники группы из числа военнопленных подготавливают преданные фашистские кадры, способные по возвращении на родину вести работу за восстановление нацистской Германии; ведут среди военнопленных клеветнические разговоры о советской действительности и проповедуют необходимость ведения "малой войны", т.е. по возвращении в Германию вести подпольную работу.

Среди военнопленных Крааль заявил: "Я повстанец и никогда не соглашусь с настоящим положением". [5]

Знакомясь с воспоминаниями бывших военнопленных, можно сделать вывод, что такая форма поведения хоть и становилась предметом споров, но большинством иностранных заключённых не порицалась. В.Штадлер: «Мы сидели в течение долгих лет за колючей проволокой, имели время поразмышлять над причиной и действием опустошительной войны, а некоторые приятели едут домой с той же ненавистью к России, с которой вступали в неё когда-то./.../ С другой стороны, некоторые приятели создавали впечатление, что их расставание с нацистской идеологией совершалось быстрее, чем они общественно признавали это. Тоже понятно. Какой пленник хочет стать против мнения большой массы, так как он подвергается опасности изоляции. А это может отразиться в плену судьбоносно».[36]

Наоборот, поведение «антифа» порицалось. И не столько из-за политических взглядов, с которыми многие молча соглашались, а из-за их привилегированного положения, открытого и добровольного сотрудничества с бывшим врагом.[35,36]

Кроме «своих» сюда свозились пленные, находящиеся в оперативной разработке, из других лагерей. Здесь из них формировались, так называемые, «бригады фашистов». Производился скорый, как правило, суд и зачитывался стандартный приговор – 25 лет заключения. В конце 1949 г. лагерь 314 сменил статус и стал уже лагерем осужденных военных преступников № 476. В г. Асбесте было его отделение № 6, численностью до 2000 чел, просуществовавшее до начала 1956г. Зона была по одним данным – в пос. Талица, по другим - в пос. Северный. Но это уже другая история.

Еще один лагерь, осваивавший руками военнопленных рефтинские земли – Артемовский за номером 523. Действовал он до 1948 года включительно, но в начале своей истории, в 1945 г., именовался Егоршинским [5]. Его лимитная численность – свыше 7000 чел. [25]

Исходя из специфики работ (лес, торф, уголь и др.) подразделения 523 ЛВП были разбросаны и находились в более чем 10 точках. По состоянию на июль 1946 г. здесь находилось 3435 человек, из них 53 - офицеры, остальные рядовые и унтер-офицеры. Национальный состав: австрийцы -134 (4,0 %), венгры -368 (10,7 %), немцы- 2702 (78,7 %), румыны - 95 (1,8 %), прочие – 136 человек.

Назовем лагпункты по периметру Рефтинского края. В Режевском районе подразделения лагеря 523 находились в пос. Костоусово (л/о № 6, лимитной числ. 800 чел.) и относящейся к Костоусовскому Совету ст. Крутиха (л/о № 7, лимитной числ. 700 чел.). Здесь захоронено соответственно 20 и 6 пленных, все немцы [9].

Следует сказать, что Костоусовскому Совету подчинены были и некоторые поселения в бассейне реки Рефт, в частности Мало-Рефтинский кордон. [18]

По состоянию на 01.11.1947 г. на работах в Костоусовском леспромхозе было занято 367 военнопленных [28].

Контингент Артемовского лагеря был размещен и в поселке Алтынай. Здесь существовало два отделения - № 1, рассчитанное на 400 чел. и № 5 на 600 чел. Во время войны в Алтынае добывали уголь. Кроме того, лес – необходимый стране ресурс, который здесь был. В алтынайской земле покоится 13 пленных, из них 10 – немцы [9].

Отделение № 5 было расформировано в 1947 (?) г., как не обеспечившее условия содержания и трудоустройства пленных.

В этом отделении с 07.02. по 05.05.1946 г. находился австрийский военнопленный Иосиф Пехман, написавший воспоминания. Глава об Алтынае имеет подзаголовок «Настоящий лагерь ужасов». Вот как описывает Пехман путь к лагерю. «Железно-

дорожная станция, где мы утром вышли, называлась «Алтынай». В течение нескольких часов мы шли пешком, сначала по сильно заснеженным тропинкам, а потом по рельсам нашего нового лагеря. Я не помню, как долго мы шли эти 16 километров».[36]

Алтынайские земли располагаются восточнее и западней ж/д Богданович – Егоршино. «Лагерь ужасов» находился восточнее. Западнее, километрах в 8, существовал лесозаготовительный посёлок ДОКа. Имеются данные, что там трудиспользовались пленные японской армии.

Что из себя представляло отделение № 5, «лагерь ужасов»? «Здесь были не то чтобы примитивные санитарные условия, вообще не было воды, неделями не менялось белье, никакой дезинсекции, а наоборот, масса вшей, отсутствовало электричество в жилых бараках, не говоря о керосиновых и карбидных лампах. Чтобы нам было светло в случае деликатной процедуры, имеется в виду деление хлеба, мы брали с собой из леса кору дерева, главным образом, бересту. Мы разжигали ее на жестяной подставке, она горела относительно медленно, зато очень много было сажи. /.../ В лагере было уже примерно 300 венгров, 60 румын, 50 немцев пленных, к ним еще прибавились мы, 50 австрийцев. Венгры занимали ключевые позиции, которые для пленных были очень важны: кухня, хлебозерная, отдел снабжения».[36]

Бывший военнопленный передаёт сведения о кладбище этого л/о, полученные от профессора Мотревича. «Кладбище находится в 10 км от населённой местности, в болотистой области, заросшее кустарником и травой, могилы разрушены и больше не поддерживаются... Местность тяжело преодолеваемая: леса, болота, дороги нет, тучи комаров, оводов, москитов. Местные жители очень смутно помнят, что где-то в тайге располагалось когда-то немецкое кладбище».[36]

6-е отделение Тагильского ЛВП №153 находилось в г. Сухой Лог. Лагерь был закреплён за трестом «Тагилстрой» МВД и образовался как самостоятельная единица из отделения Монетно-Лосиновского. Во второй половине 1944 года начальником лагеря по совместительству был назначен генерал-майор Царевский (начальник Тагилстроя - Тагиллага НКВД с 1943 по 1946 гг.). Выше говорилось и об отделении Асбестовского лагеря в Сухом Логу. Тагилстрою тоже был нужен и цемент, и шифер, и лес.

Спецлагерь НКВД 153 был расформирован приказом МВД № 00868 от 19.09.49г. Передача материальных ценностей закончена 20.10.49г [4].

Эшелоны с пленными ушли на запад. В суходоложской земле осталось лежать 36 иностранных подданных, в том числе 20 немцев [9].

В 1946 г. (по другим данным – в конце 1945 г.) в Свердловскую область были направлены японские военнопленные. Это был новый и необычный контингент. Японская армия капитулировала организованно. В наши лагеря солдаты поступили повзводно, поротно, под командой своих офицеров. Один из офицеров НКВД, встречавших эшелоны новоприбывших в Красноярске, вспоминал: «Японцы прибыли полностью экипированными с ног до головы в утепленную мехом форму: шубу, ботинки, кое-кто даже с чемоданом. Помню, мы были даже растеряны тем, что пленные офицеры были вооружены кортиками; их потом, правда, все же изъяли: хоть холодное, но все же оружие».[23]

На Урал пленные японской армии были направлены в составе отдельных рабочих батальонов Министерства вооружённых сил №№ 428, 429, 435 [24].

В Свердловской области по состоянию на 20.02.47г. находилось 1984 солдата Страны Восходящего Солнца. Вот воспоминания ветерана труда И.А. Панова. «Мне,

подростку, также пришлось работать с военнопленными японскими солдатами, которых в конце 1945 года привезли к нам на лесоучасток (лесоучасток Сухоложского ДОКа МВС. – Авт.). Японцы работали на заготовке леса, погрузке, разгрузке и укладке в штабеля [13]».

Кроме Сухого Лога, по периметру Рефтинского края, японские ОРБ дислоцировались ещё в нескольких точках. Горбунов В.И., член УИРО, сообщал автору, что и в селе Покровском Артемовского района размещалось подразделение японских пленных. Были замечены «посланцы» Страны Восходящего Солнца на объектах Артемовского и шахтах Буланаша [1]

Судя по всему, условия содержания в этих батальонах были хуже, чем в лагерях МВД. Министерство Вооруженных Сил, в подчинении которого находились ОРБ, «не чувствуя прямой ответственности за физическое состояние военнопленных, систематически нарушало все установленные правила содержания, охраны и трудового использования военнопленных. Приказы и директивы начальника тыла МВС в большинстве ОРБ просто не выполнялись. Как видно из сохранившихся актов проверок, весной 1946 г. рабочий день в ОРБ составлял 10-14 часов, военнопленные III-й группы трудоспособности работали полный рабочий день. Перерывы между приемами пищи составляли до 12 часов и более, охрана на объектах работ часто отсутствовала. Впоследствии ситуация с содержанием военнопленных в ОРБ была несколько улучшена, но по сравнению с лагерями МВД оставляла желать лучшего». Это была длинная цитата из работы М.Н.Спиридонова со ссылкой на архивные источники [23].

В докладной записке НКВД СССР на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.П. Берии о выполнении решения ГКО № 9898 от 23 августа 1945 г. о приеме и размещении военнопленных японцев (за № 561/к от 26 февраля 1946 г.) говорилось: «Опыт использования военнопленных японцев на работах показал, что при работе в закрытых помещениях на производстве японцы хорошо работают, в большинстве перевыполняя нормы выработки. На открытых же работах, где занято преобладающее количество военнопленных японцев (лесозаготовки, строительные работы), нормы выполняются, как правило, не выше 50-60 %. Такое положение объясняется, главным образом, неприспособленностью японцев к суровым климатическим условиям Дальнего Востока и Сибири. Японцы, работающие в мягком климате Узбекской ССР, работают вполне удовлетворительно и на открытом воздухе. Установленный для японцев паек в 2397 калорий оказался недостаточным для работающих» [23].

Конечно, такой паек большим никому не покажется. Но и лагерная кухня кардинально отличалась от их национальной. Специально для этого контингента позднее в нормах питания был уменьшен хлеб, но увеличен рис (300 г) и рыба (100г). Однако и это не помогало. Японцы переносили лагерную действительность хуже, чем европейцы. Росла смертность. Правительство меры приняло и после 1946г. смертность снизилась до минимума.

Однако стоимость их суточной продуктовой корзины была почти в два раза дороже немецкой. Вот данные по основной норме за 1945 – 1947 гг.

Пленные японской армии: до 16 сентября 1946 г.-4руб.06 коп.; с 16 сентября 1946. до 16 декабря 1947 г.-11 руб.33 коп.; с 16 декабря 1947 г.-11 руб. 27 коп.

Пленные немецкой армии: до 16 сентября 1946 г.-2руб.94 коп.; с 16 сентября 1946. до 16 декабря 1947 г.-6 руб.49 коп.; с 16 декабря 1947 г.-6 руб. 35 коп.[23]

Обратные пропорции присутствуют в статистике заболеваемости и смертности контингентов. Справка зам. нач. 1 управления ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанта

м/с М.Я. Зетилова «О заболеваемости и смертности в лагерях МВД и спецгоспиталях МВД и Минздрава СССР для военнопленных за третью декаду марта 1948 г.» от 7 апреля 1948 г. дает такую информацию. «Среди военнопленных б[ывшей] германской армии в отчетной декаде /.../ процент больных к численности контингента составляет 3,5%. У военнопленных японской армии /.../ - 1,1%». Смертность 2-я декады марта: немцы – 0,005%, японцы – 0,001%».

Киути Нобуо, бывший военнопленный, в воспоминание о своей жизни в СССР выпустил книгу с рисунками. Находился он в одном лагере с венграми и немцами. Тема различий в пищевом довольствии очень волновала европейцев, кормящихся в одной столовой с японцами. На одной картинке двое немцев напряженно разглядывают содержимое тарелок солдат Квантунской армии, уплетающих рис. Текст под другим рисунком гласит: «Японцы любят есть рис, поэтому нам выдавали эту пищу, которая была в то время в России на вес золота. Однако риса нам давали довольно мало, поэтому иногда, притворившись японцем, за рисом приходил немецкий солдат. Но ему сильно доставалось за это». Соответствующий рисунок – немец с котелком пытается поживиться на японской раздаче. [8]

Заготовка леса для Сухоложского ДОКа МВС производилась пленными японцами, дислоцировавшимися в одноименном предприятии посёлке, и в районе Рассох, месте слияния рек Малый и Большой Рефт. Эту информацию сообщил мне О.Г.Секисов, житель п. Рефтинского, со слов сына одного из очевидцев. При этом была и любопытная подробность. Японцы частенько переворачивали двуручные пилы «зубьями вверх» и лишь имитировали процесс пиления, пока халтуру не замечал «начальник». Это не вяжется с современным имиджем японского народа. Но, видно, подневольный труд корректирует ментальность.

Аналогичное отмечали и пленные европейцы. И.Пехман, австриец: «Однажды японцы должны были подкатить уже нагруженный вагон. Они стояли у вагона, делая вид, что упираются, но не прилагали к выполнению своего задания ни малейшего усилия. Русские угрожали, кричали, ругались, но все напрасно! И тут вмешался /.../ лейтенант/.../: «Сейчас нам немцы покажут, что значит работать». И мы снова показывали. Японцы отходили в сторону не без усмешки, а мы, прилежные немцы, мужались и выступали в роли локомотивов. Что это? Следствие нашего рабского повиновения или сознательное отношение к труду?». [36]

В плену умерло (в целом по СССР) 61 855 японцев, т.е. около 10 процентов, в том числе 31 генерал и 607 офицеров [23].

Находились солдаты Квантунской армии у нас до 1949 г. (кроме небольшого количества осужденных за воинские и иные преступления и освобожденных только в 1956 г.). Таким образом, среднегодовая смертность среди этого контингента составила около 2, 5 процентов.

О количестве японских пленных, захороненных в Свердловской области у автора данных нет. Косвенные сведения дают основания предположить, что таковых по области несколько десятков. Скажем, на кладбище Нижнетагильского госпиталя УПВИ № 2929 было захоронено 18 японцев. История нахождения на Среднем Урале батальонов японских пленных сравнительно короткая. ОРБ 435 был ликвидирован уже в 1946 г., а стальные (№ 428 и 429) - в 1948 г. [25]

Следует сказать и о культурно-воспитательной работе. Осуществлялась она, главным образом, силами самих пленных. Спектакли, концерты, кино. Главный храм

искусства лагеря № 84 в Асбесте – клуб первого отделения (на Милицейской). Но выездные мероприятия проводились и на периферийных площадках.

Уровень артистов и музыкантов был довольно высокий. Фритц Кирхмайр сообщает, что в Асбесте находился оркестр Белградского радио, плененный в полном составе.[35]

Вот как описывает культурную составляющую бытия бывший военнопленный Штадлер.

«Главный лагерь 7084/1 считается культурной столицей асбестовых пленников. Здесь находятся выдающиеся культурные творцы из ближних и дальних лагерей. Это специалисты в своих отраслях, которые работали перед войной где-нибудь в Германии или Австрии „ на досках, которые означают мир " или в других областях культуры.

Самым выдающимся результатом этой концентрации являются, прежде всего, театральные постановки. Не каждый пленник восторгается "культурным орошением". Многие идут совсем не туда; мнения: „ Балаган! Театральные люди были и раньше лодырями, имели «две левых руки», и здесь они снова на верху. Они получают добавку, а мы более жидкие супы".

Все же помещение клуба занято на каждом мероприятии до последнего места. От меня не ускользнуло ни одно представление, вспоминаются следующие постановки: опера-сказка „Гансэль и Гретель ", оперетты „ Летом в Вольфгангзее" и „ Женщина в золоте ", спектакли "Фауст" (Гете), „Ревизор " (Гоголь) и „ Синий камень " (текст пленного). Далее состоялись несколько концертов театрального оркестра и духового оркестра (руководитель (Sepp Lechner) Сепп Лехнер).

Я смотрел фильмы „ Броненосец «Потёмкин»", „Мать", „Белеет парус одинокий", "Волга, Волга", „ Floria Tosca ", документальные фильмы последних военных дней, о Нюрнбергском судебном процессе по делам военных преступников и ряд тенденциозных политических лент.

Конечно, необозримая рать махающих на экране саблями всадников-казаков мчалась также часто. Они вызывали воспоминания о трапперах и индейцах в фильме „ Битва на синей горе ", которую я видел когда-то вместе с братом Роландом в кинотеатре Кольдитцера. Здесь степь, как прерии. Различие совсем не большое.

Книгохранилище притягивает, как магнит. Библиотекарь, кажется, один из тех антифашистов, которые это наименование оправдывают. Во всяком случае, он резко отличается от высокомерных, открывающих чемодан своей партийно-политической эрудиции, и вместе с тем все убивающих. Когда я выбираю „Гамлет" Шекспира, он осторожно соглашается: «Да, быть или не быть - это частые вопросы во время плена".

Как плотно находилось рядом высокое и низкое в русском плену, я узнаю от Вальтера Хауффа. Он изображает особенно трагическое событие: „В рабочем соревновании в честь 1 мая нам обещали: тот, кто выдаст наибольшие проценты, может отправиться следующим транспортом домой. Мы, тогдашняя бригада фашистов, видели в этом обещании нашу последнюю возможность быстро попасть домой. Нашим бригадиром был Хельмут Багинский, восточный пруссак. С более чем 800 % ежемесячной выработкой мы выигрываем в соревновании с серьезной бригадой Эрнста Тельманна. Конечно, 800 % - кажется не реальным. Но формулярами Nariad (нарядов) (письменных свидетельств выполненной работы) все было подтверждено. Мы были новым Stachanowskys (стахановцами). Но так как мы считались, с другой стороны, фашистами, возвращение домой нам всё-таки запретили. Вместо этого комиссар разрешил нам, чтобы каждый

получил один выходной день и смог сделать у Зигфрида Рохеля (Siegfried Rochel) свой живописный портрет.

В первую половину дня, когда я сидел у художника Рохеля, как модель, произошло следующее: хороший знакомый Зигфрида Рохеля, пожилой мужчина из Берлина, был уже несколько дней в карцере. Комиссар обличал его, что тот служил в подразделении, которое предназначалось для борьбы с партизанами. В этот день ему разрешили - под охраной – сходить в Stalowa (столовую). Он спросил у своего охранника разрешения зайти на кухню, находящуюся рядом, выпить глоток воды. Охранник сказал добродушно: „Nu ladno (ну, ладно)". Приятель зашел на кухню. Там уже кипела вода в котлах для обеденного супа. Наш приятель бросился внутрь котла. Два повара вытащили его и доставили в лазарет. Он кричал как животное. Через 2 дня умер". Это печальное событие подтверждал также Манфред Буцманн из Баутцена, который находился в это время также в лагере».[37]

Подведем итоги. Развитие системы лагерей военнопленных в бассейне реки Рефт началось в ее верховьях, где на многочисленных болотах силами этого контингента добывался стратегический в ту пору материал – торф. Вскоре, уже в конце 1942 г., бывшие иностранные военнослужащие размещаются в Асбесте, а к 1945 г. и в низовьях реки – Сухоложье.

Примерно до 1945 г. их использование носит чисто компенсационный характер, т. е. они замещают рабочую силу, выбывшую с территории в результате войны. Несмотря на численность поступившего контингента на рассматриваемую территорию (1942г. – 2000 чел., 1943г. – 6000чел., 1945г. – до 12000 чел.), это не замещало полностью изъятые войной трудовые ресурсы. Скажем, в Асбесте некоторые производственные мощности были законсервированы (фабрика № 1 «Ильинская»), и главная причина – нехватка кадров. Кроме добычи торфа и асбеста, из других видов работ, которыми занимались пленные в наших краях, можно выделить лесодобычу, производство строительных материалов, т.е. работы в целях восстановления народного хозяйства.

Ориентировочно года с 1945-го, параллельно с рутинной деятельностью, силами пленных начинаются строительные работы на объектах соцкультбыта и промышленности (например, строительство завода РМЗ). И больше всего в Асбесте, где размещался крупнейший лагерь. Однако основные строительные достижения в этом городе в первое послевоенное десятилетие пришлось на период нахождения здесь лагеря военных преступников. А это уже следующая страница истории.

Количество пленных, в связи с отправкой их на родину, сокращалось. Осенью 1949г. последние из их числа были освобождены и репатрированы. Но остались те, кто за свои воинские или иные преступления, получил срок и перешел в другую категорию контингента.

Целями содержания пленных на территории страны были:

- покрытие за счет этого контингента дефицита рабочей силы;
- формирование в их глазах положительного образа советского государства и советского народа, антифашистская пропаганда;
- выявление среди огромной массы заключенных, содержащихся в лагерях ГУВПИ, лиц, причастных к совершению преступлений против советских и иных граждан во время войны и предание их суду;

- вербовка из числа контингента лиц, пригодных для использования в качестве агентов на территориях своих стран.

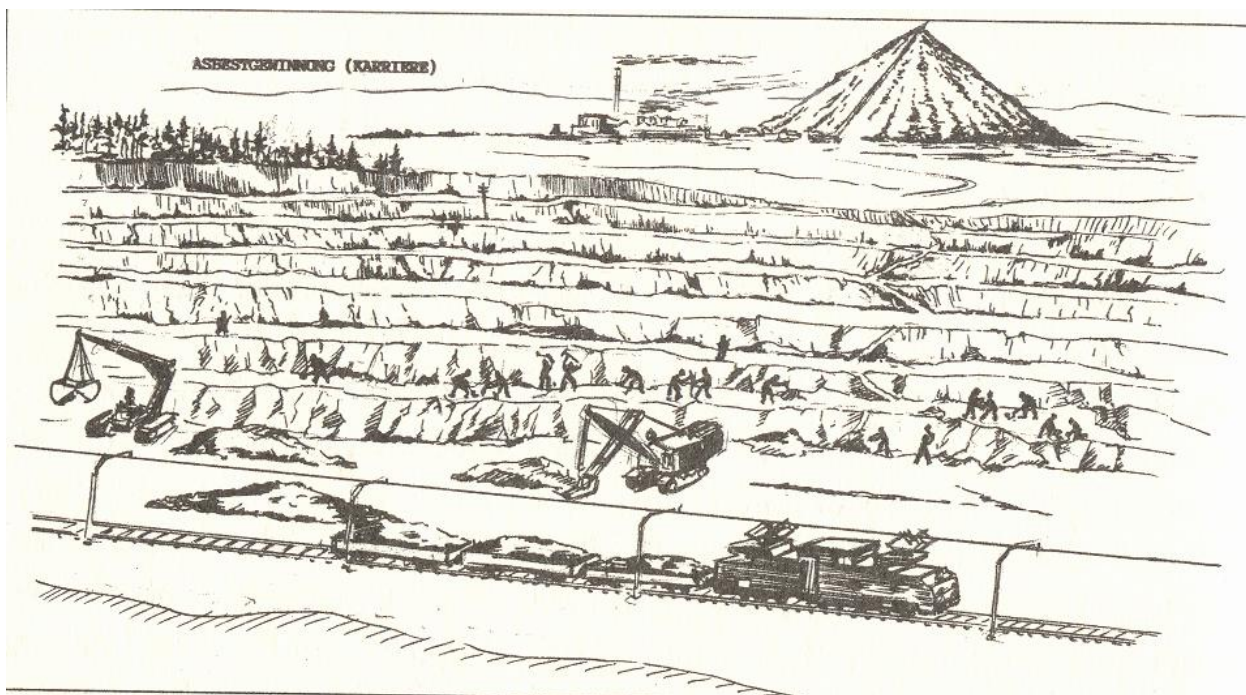
Проведенное исследование показывает, что данные цели были достигнуты, хотя и с разным уровнем качества. В том числе и в лагерях, находившихся на территории Рефтинского края.

Государство не преследовало по отношению к пленным, не признанным преступниками, карательных целей. Большая смертность в военный период объясняется плохим физическим состоянием принимаемого с фронтов контингента, низкими нормами продовольственного обеспечения (следствием разрухи и оккупации большей части страны), неустроенностью лагерей в первые годы их существования.

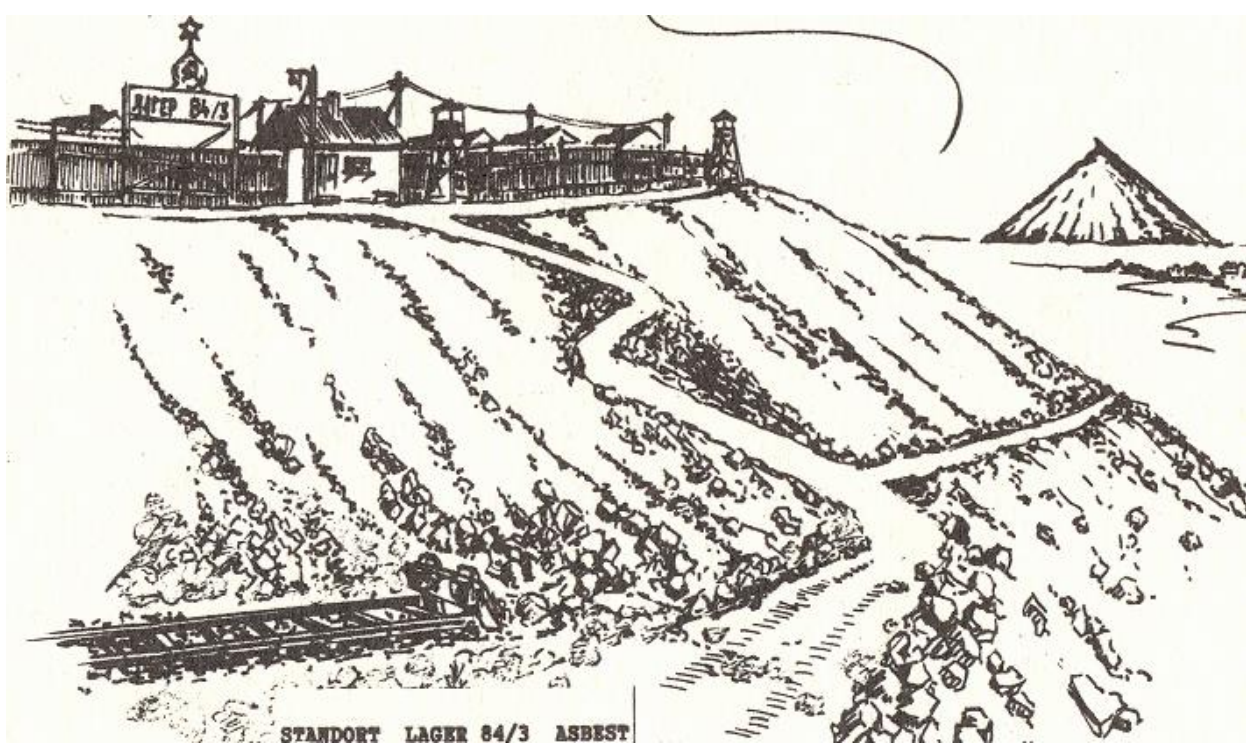
Использованные источники:

- 1.Артёмовский краеведческий словарь. <http://www.urbibl.ru/Knigi/artemovskiy/IK.htm>
- 2.Веремеев Ю. Нормы питания военнослужащих Вермахта. <http://army.armor.kiev.ua/hist/paek-wermaxt.shtm>
- 3.Веремеев Ю. Правила обращения с военнопленными в СССР. Документы. http://www.pseudology.org/Documets/Pravila_plennye_CCCP.htm
- 4.Вертилецкая Е.В. Репатрианты в Свердловской области в 1943 – начале 50-х годов. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук// на правах рукописи. УГУ, Екатеринбург: 2004
- 5.Военнопленные в СССР. 1939-1956: Документы и материалы / Науч.-исслед. ин-т проблем экон. истории XX века и др.; Под ред. М.М. Загорулько. - М.: Логос, 2000.
- 6.Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). Сайт «Военная литература».
- 7.Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы (сост. Лебедева Н.С., Петросова Н.А., Вошинский Б. и др.) Приложение № 6. Список работников центрального и местного аппарата НКВД СССР, фигурирующий в документах, - 608 с. {Россия: XX век: Документы}: М: Международный фонд Демократия, 1999, стр.441
- 8.Киути Нобуо. Записки японского военнопленного. <http://kiuchi.jpn.org/ru/nobindex.htm>
- 9.Мотревич В.П. Германские воинские кладбища. Немцы на Урале и в Сибири (XVI – XX вв.). Материалы научной конференции « Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI – XX вв.» 03-09.09.1999г. –Екатеринбург: изд-во «Волот», 2001 – 584с.
- 10.Мотревич В.П., Смыкалин А.С., Суслов А.Б. Исправительно-трудовые учреждения. Уральская историческая энциклопедия. Сайт Института Истории и Археологии УрО РАН, 2002.
- 11.Мотревич В.П. Военнопленные. Уральская историческая энциклопедия. Сайт Института Истории и Археологии УрО РАН, 2002.
- 12.Мотревич В. П. Осужденные интернированные гражданские лица и военнопленные второй мировой войны в Свердловской области в 1949—1956 гг. <http://www.1723.ru/read/dai/dai-41.htm>
- 13.Панов И.А. Говорили: тыл — половина победы// "Советская Россия"№ 87 (12702), 30 июня 2005 г
- 14.Полян П.. Не по своей воле История и география принудительных миграций в СССР <http://www.memo.ru/history/deport/polyan5.htm>
- 15.Полянская И. Памятник финским военнопленным в Асбесте собираются перенести// МК-Урал № 33 от 16.08.2006.
- 16.РГВА ф.1/п, оп.15а, д.108, лл. 1 -22
- 17.Попова А.С. Память сердец. Альманах. Асбест 2000.
- 18.Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 года. Свердловск: 1956.
- 19.Сидоров С.Г.Организация питания военнопленных в СССР в 1941 - 1955 гг. Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Философия Вып. 1, 1996
- 20.Смыкалин А. Немецкие военнопленные на Урале // "Витта". № 15, ноябрь-декабрь 1997 . <http://www.1723.ru/read/dai/dai-41.htm>
- 21.Соловьев В.А. Червинский В.П. Монетное торфопредприятие перед юбилеем 60-летия Великого Октября. Торфяная промышленность № 10, 1977

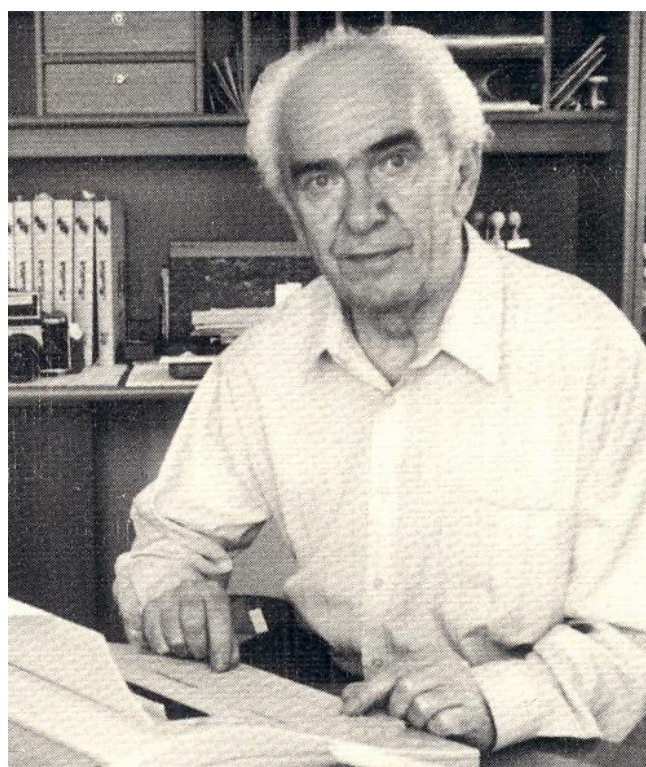
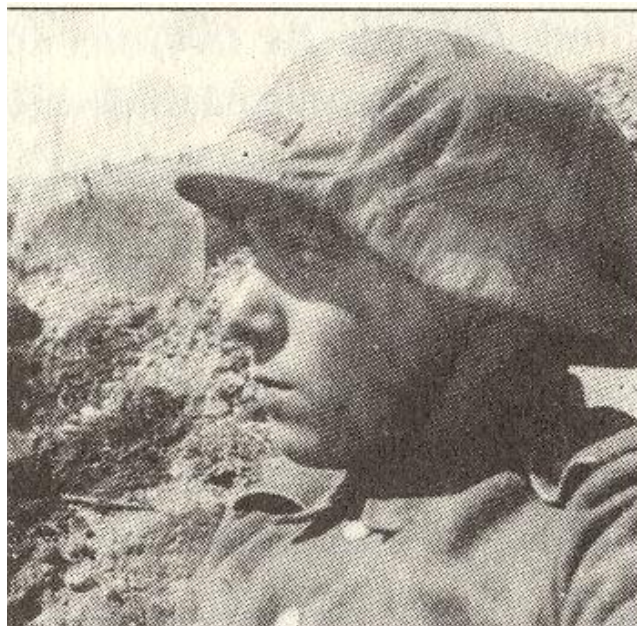
- 22.Состояние захоронений военнопленных Второй мировой войны в Свердловской области. svobodanews.ru 14.08.06
- 23.Спиридонов М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/54.htm>
- 24.Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные второй мировой войны на Среднем Урале (1942 — 1956 гг.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург: УрГУ, 2001
- 25.Суржикова Н.В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942 – 1956 гг.).- Екатеринбург, 2006
- 26.Суржикова Н.В. Румынские военнопленные в российской глубинке в 1942 — 1956 гг. (На материалах Среднего Урала)// Мир истории – 1, 2006. <http://www.historia.ru/2006/01/surzhikova.htm>
- 27.Суржикова Н.В.Трудоиспользование иностранных военнопленных Второй мировой войны: мифы и реальность (на материалах Среднего Урала) // Уральский исторический вестник-9. <http://www.ihist.uran.ru/index/ru/uiv/n9/214.htm>
- 28.Суржикова Н.В. Трудоиспользование немецких военнопленных на Среднем Урале (1942-1956гг.) Немцы на Урале и в Сибири (XVI-XX вв). Материалы научной конференции «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI-XX вв.» 03 – 09.09.1999, Екатеринбург, Волот,2001
- 29.Сухарев Ю.М. Трудовые лагеря и спецпоселения на территории бассейна реки Рефт. – Асбест, 2009
- 30.Тураев С. Билеты на "Лоэнгрина" ж. «Знамя» 2007 №5 <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/5/tu11.htm>
- 31.Das ist ein Komplott //Der Spiegel 20/1950 vom 18.05.1950, Seite 7
<http://wissen.spiegel.de/wissen/dokument/dokument.html>
- 32.http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19430301plen.htm
- 33.<http://www.gasthof-thoerner.de>
- 34.http://de.wikipedia.org/wiki/Kriegsgefangenenlager_126_Nikolajew
35. Kirchmair, Fritz: Lager Asbest: von der Schulbank zum Militar, Landser vor und bis Mogilew, Kriegsgefangen in Sibirien / Fritz Kirchmair. – Hall in Tirol: Berenkamp, 1998
- 36.Pechman J. Dawai, Dawai! Meine Kriegsgefangenschaft in Ural2 Mai 1945 -17 Dezember 1947. Wien, 1997. Иосиф Пехман. «Давай, Давай!». Мой плен на Урале 2 мая 1945 -17 декабря 1947. Вена, 1997. с. 3-81. Приложение № к ист.[25]
- 37.Stadler, Wolfgang. Hoffnung Heimkehr. - SWING DRUCK GmbH: Colditz, 2000

Работа военнопленных в асбестовом карьере. Рисунок из книги В.Штадлера «Надежда на возвращение» (Stadler, Wolfgang. Hoffnung Heimkehr)

Лагерное отделение №3 («на 8-м отвале»). Рисунок из книги В.Штадлера «Надежда на возвращение» (Stadler, Wolfgang. Hoffnung Heimkehr)

Вольфганг Штадлер (1924-200?). Бывший немецкий военнопленный. С 1944 по 1949 г. находился в лагере № 84 (г. Асбест). Автор книги «Надежда на возвращение» » (Stadler, Wolfgang. Hoffnung Heimkehr)

Wolfgang Stadler
Hoffnung Heimkehr

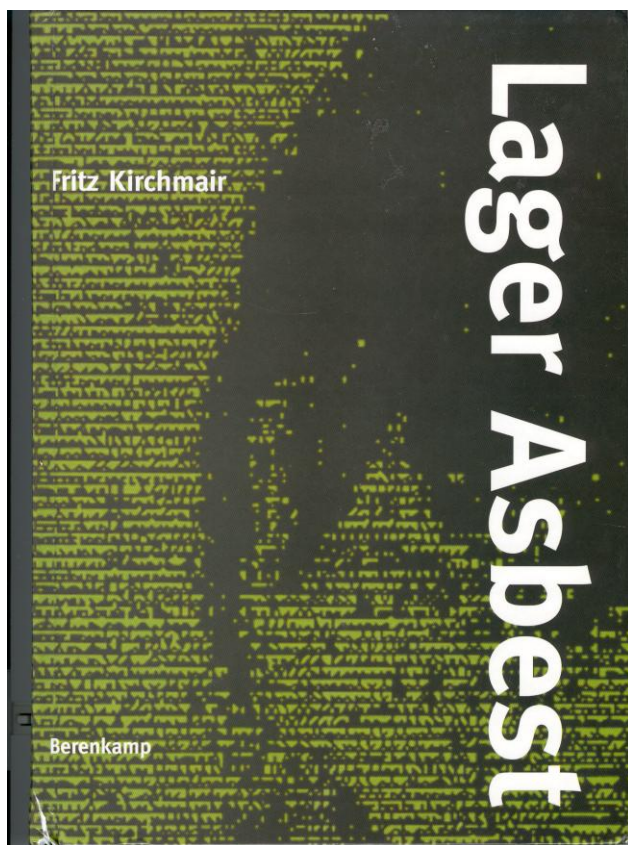
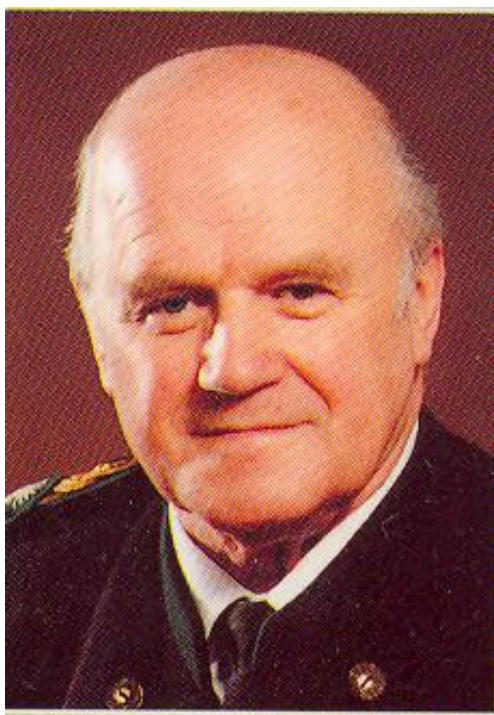
*Dies Glück den Bürgern von Asbest.
und ihnen wünscht das Aller best*

Wolfgang Stadler

April 2008.

Автограф В.Штадлера на обложке своей книги:
« Эта книга жителям Асбеста.
С пожеланием всего наилучшего.
Апрель 2008». Книга предоставлена автору С.В.Липачевым.

Фритц Кирхмайр (1921-2009). Бывший австрийский военнопленный. С 1944 по 1947 гг. находился в лагере № 84 (г. Асбест). Автор книги «Лагерь Асбест» (Kirchmair, Fritz: Lager Asbest 1998 г)

Площадка, где (предположительно) находилось отделение № 4 лагеря военнопленных № 84.

Знаки, в память о венгерских и финских воинах, умерших в лагере № 84, г.Асбест. Кладбище «в карьере». 2009 г.

Знак, в память о венгерских военнопленных, умерших в лагере № 84. Установлен на месте захоронений, у дороги к ЗАО «Заречный». Фото 2009 г.

Кладбище лагеря осужденных военнопленных № 476/6, г. Асбест. 2009 г.

РЕФТИНСКАЯ СТАРИНА

«Все́й нашей старине лет пятьдесят. Сто – от силы», скажет скептически настроенный читатель.

Согласиться с таким утверждением нельзя. Не излагая здесь всю хронологию освоения края, скажу, для примера, что территория наша окружена археологическими памятниками. Ближайшие из найденных – в 30-40 километрах от нас. Это стоянки древнего человека на обеих сторонах Пышмы в районе Сухого Лога, у озёр Ирбитское и Куртугуз. А найденные – возможно под нашими ногами.

Но недоверие к побасёнкам на исторические темы я разделяю. Нужны доказательства – артефакты, документы, свидетельства. Однако жизнь научила, что байки очень часто несут в себе правду.

Вот история, подтверждающая это соображение. Не раз приходилось слышать легенду: во время строительства ГРЭС, при проведении земляных работ, была найдена кольчуга. Асбестовский краевед Копырин А.Л., рассказывал ещё о двух, найденных в соседних поселениях. Одна была откопана в городе горного льна при строительстве 30-й школы. Вторую, в конце 60-х, намотало на гусеницы трактора при вспашке огорода в поселке Шамейка.

Как-то это не «заходило». У нас ведь тут не Куликово поле. Таёжный, болотистый край. Не было и материальных подтверждений. «Грэсовскую» железную рубаху будто бы сдали в Сухоложский музей. Но там её сегодня нет.

Шамейская кольчуга долго валялась в сарае, потом была выброшена. Копырин А.Л. разговаривал с сыном тракториста, который видел найденный отцом доспех. Та, что была обнаружена при постройке школы, какое-то время находилась в редакции городской газеты, затем следы её потерялись. Всё ушло в область фольклора.

Но тайное становится явным. В нынешнем, 2011 г, группе асбестовских краеведов удалось получить доступ к одной из них. Находится кольчуга в запасниках городского краеведческого музея. Это та самая, «школьная». Разрешено было её сфотографировать. Член УИРО Черепанова М.Л. любезно предоставила фотографии в распоряжение обалдевшего от удачи автора.

Кольчуги на Руси бытовали в X – XVII веках. У народов Ближнего Востока – с I века н.э. Какими судьбами оказался здесь доспех воина, дорогой и недоступный рядовому бойцу? Какая трагедия за этим стоит?

То, что мы видим на снимках и знаем из истории, – база для построения версий. А видим мы именно кольчугу, т.е. защитную рубаху из железных колец. Кольца круглой проволоки диаметром 1,5 мм имеют наружный диаметр 5-6 мм. Замеры в натуре не производились и сделаны «на глазок», по фотографии. Концы овалов, похоже, соединены методом «кузнечной сварки», а не заклёпками, как это делалось чаще всего.

Кольчуга определённо запашного вида, с короткими рукавами. Запашного – значит, полы запахивались друг на друга, чем увеличивалась защита области груди и живота. Гордеев Н.В. в «Сборнике научных трудов по материалам Государственной оружейной

палаты» (М., 1954 г.) описав десятки доспехов этого вида, хранящихся в этом ведущем музее, отметил только один запашной (и тот парадный, декоративный). Все остальные - с вырезом, для одевания через голову. Соединение колец 4х1, т.е. в одно кольцо вдевается четыре соседних. Существовали и более сложные типы связей – 6х1 и более.

Из увиденного можно сделать вывод, что перед нами довольно редкий экземпляр. Обычный диаметр кольца – более сантиметра. Это достоинство сильно увеличивало стоимость доспеха, и так не дешёвого. Были широко распространены «бюджетные» виды защитной одежды. Это бахрец или юшман – кольчуга у которой на груди и спине вставлены металлические пластины. Или колонтарь – без рукавов, грудь и спина защищены крупными металлическими пластинами. Много дешевле были панцири (или байданы), «сотканые» из плоских колец. Из Монголии пришли, прижившись в Средней Азии и на Руси, куяки – тканая одежда, на которую нашивались металлические пластины.

Ясно, что кольчуга принадлежала знатному воину. Говорит ли её конструкция о национальной принадлежности владельца? Вряд ли. То, что запашной тип (по некоторым и не подтвержденным сведениям) был распространён на Руси, лишь указывает на вероятного изготовителя – русского ремесленника. Так же, как сейчас автомат Калашникова находится на вооружении разных армий, так и столетия назад военные доспехи имели хождение между племенами - через торговлю, или как боевые трофеи. Русские торговцы продавали оружие сибирским аборигенам, не смотря на запреты. Верхотурское начальство, отвечая в Москву на поступившую туда жалобу сылвинских остяков, сообщали в 1614 г: это, мол, козни пермских и усольских торговых людей, «чтобы им вольно было воровски с иноверцы, приезжая на Сылву, заповедными железными товары торговати, шоломы и пансыри и доспехи и сабли иноземцам продавати». [5, с.49]

Временной диапазон, в течении которого мог быть изготовлена кольчуга данного «фасона», также весьма широк. Сузить его под силу только профильному специалисту. Мы можем указать только верхнюю границу - начало XVIII века, когда огнестрельное оружие сделало железные доспехи малополезными.

Было бы хорошо, если бы на местах находок было что-то ещё - останки воина, что-то из оружия. К сожалению, «археологические» раскопки производились экскаваторами. Но лопатой то потом, наверняка, пошуровали. Хотя бы в надежде найти вместе с «железякой» нечто более интересное. Однако информации о сопутствующих предметах нет. Возможно, их и не было.

Остаётся включить логику. Вариантов появления кольчуг в наших местах может быть три. Ритуальное древнее захоронение; павший и не захороненный воин; доспехи брошены в форс-мажорных обстоятельствах.

К моменту прихода на Урал русских, территория входила в зону влияния тюменских татар. В документах тех лет встречается даже понятие «пышминские татары». Вдоль Пышмы и её притоков находились их угодья, а поселений было мало. На чертеже города Верхотурья, составленном С. Ремезовым в 1700 г., показаны юрты Конарские (в верховьях р.Кунары) [4].

Новопышминская слобода поставлена там, «где бывало старое татарское городище» [2].

В отводах земель для русских слобод всегда указывались татарские «могильники», с категорическим запретом их «зорить». Такие захоронения находились на землях

Камышловской и Калиновской слобод . Они были заметны на местности и не забывались потомками-соплеменниками. [6]

Мало вероятно, чтобы дорусские племена расположили культовые захоронения в таёжной глуши, среди болот. Например, в зоне, где была построена ГРЭС – между болотами Фёдоровским, Шамейским и Большая Рига. Да и глубина залегания доспехов не могильная – вспомним, что один из них зацепился за гусеницу трактора.

Две оставшиеся версии подразумевают боевые действия. До завоевания русскими Урала и Сибири здесь постоянно происходили этнические столкновения между пришлыми и «коренными». Слово закавычено по той причине, что носители этого статуса менялись часто. В XIII веке монголы оттеснили на север вогулов, распространявших ранее свои южные границы владений до Пышмы. После этого, до прихода русских, продолжалась борьба за территорию между разными монгольскими племенами. Тоже мало вероятно, чтобы боевые столкновения кочевников распространялись на 30 км в глубину тайги.

Есть объяснение рефтинскому кольчужному феномену. Погрузимся ненадолго в события т.н. Первой Башкирской войны 1662-1663 гг. Уровень заселённости Верхотурского уезда был следующий: достаточно много деревень и сёл в северной части уезда, по Режу, Нейве, Ницце и на востоке – в низовье Ирбита. На крайнем верхотурском юге – Китайский острог и Далматовский монастырь. В верховьях Пышмы – только заимка Невьянского монастыря в несколько дворов, находившаяся в устье Кунары. От с. Покровского на р. Бобровке (ныне – Артёмовский район) и «до Пышмы реки пустое место по смете на пятьдесят верст. И то место лежит впусе и не владеет им никто» [3].

В августе 1662 г разноплеменные отряды кочевников, потрепав Китайск и Далматово, рвались на север. Попутно разорив заимку Невьянского монастыря, где «деревню ... повоевали, и дворы выжгли и людей посекали и скот побили» [6, с. 687], они перешли Пышму напротив нынешнего села Знаменского. Дорога к Покровскому селу (сейчас уже запущенная) идёт по водоразделу рек Рефт и Ирбит. Мимо нынешних п.Алтынай и Золото, рядом со 2-м золоотвалом и озером Белым. И 350 лет назад это был оптимальный путь между Пышмой и Бобровкой.

Кочевники нападают на Покровское, жгут дома, угоняют в плен много женщин и детей, а также скот. Нужно сказать, что полное разорение селу будет в следующем году, когда «калмыцкие воинские люди» сожгут все дворы, 78 человек убьют, а «девяносто пять (95)» душ («кроме младенцев») угонят в плен [1].

А пока, летом 1662-го, пройдя по Покровскому «краями», бунтовщики направляются в с.Глинское. 31 августа бунтовщики разоряют с. Писанец. Тем временем Верхотурский воевода Иван Камышин направляет приказчика Фёдора Головкова, да с ним всяких чинов охочих людей, с главным заданием – взять «языка». На сцене появляется настоятель Невьянского монастыря старец Давид. Есть у него «язык»! Крестьяне «изымали» при нападении на с. Писанец кочевника Таймышку, а он, Давид, «прибрал» его в селе Покровском. И 31 –го же августа Таймышка даёт ценные показания. Разумеется, под пытками, по обычаям того времени. Стоят де воровские люди на Ирбитской вершине.

«Федор взял того Таймышка с собой, ...с служивыми людьми ходили и сошли де они тех воровских Татар на Ирбицкой вершине и Пышме реке, стоят в крепких местах, и бой де у них ...был болшой, и Божей милостью и великих государей счастьем ... человек с двадцать и болши побили и многих ... ранили, а остальные ... разбежались». [6]

Кочевники стояли где-то между нынешним посёлком Алтынай и д. Рудянка, рядом с Пышминской дорогой. Разбежаться они могли только лесными тропами, поскольку основная дорога явно контролировалась служивыми людьми Фёдора Головкова. Если беглецы уходили на запад, то попадали на территорию, ныне занимаемую п. Рефтинским и предприятиями посёлка. Раненые бойцы выживают не всегда. Вот таким образом могли оказаться кольчуги, в нашей, казалось бы, совсем не боевой местности.

Кроме того, кочевники, спасаясь от погони, не стеснялись показать врагам хвост лошади и имели отработанную веками тактику отхода. Вот как писалось об этом в летописи.

Когда они увидели за собой погоню, «оттопились болотами и речками топкими, и ушли, побросав всё своё платье, котлы и топоры» [6, с.675].

Болота, речки и погоня – это наш случай. Какой бы ни дорогой была кольчуга, жизнь дороже. Брошенный доспех мог сразу стать трофеем, а мог быть найден через 300 лет и стать археологической находкой.

Нужно сказать, что наличие в амунии бунтовщиков 1662 г. брони не предположение автора, а документированные данные русской разведки. «А от тех воинских людей стоит караул на Бобровке, а на карауле стоит Беспелдюк (туринский ясачный татарин. –Авт.) с товарищи семь человек, и все де в кунах (кованной, кузнечной одежде.-Авт.)» [6, с.687].

А вот показания пленного бунтовщика: «Тут у них сила небольшая, всяких людей старых и малых четыреста, а отборного де у них люду двести человек, а куячного де одежного люду (т.е. одетых в куяк, бронированную защитную одежду.-Авт.) пятьдесят, а огненного бою у них мало, а ждут они де с войском Крыма царевича Сары Мергеня» [6].

Это об отрядах, стоявших в этот год у Ирбита.

А вот донесение 1682 г. приказчика Колчеланского острога: «Ембетко де Горлан с детьми и племянники, и Сембетко с детьми ж, и Орыкайко с детьми ж и со всеми своими родичами, в воинском платье, в панцырях и куяках, с воинским оружием ... из жилища своего из юрт поехали на войну воевать Сибирские города и слободы» [7, с.17].

Как мы видим, земля наша помнит лихие времена. И этому есть материальные и документальные свидетельства.

Использованные источники:

1. Брылин А.И., Елькин М.Ю. Покровская волость: история, генеалогия, краеведение. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008 – 216с
2. Коновалов Ю.В. «Из истории формирования населения поселка Рефтинский»
http://www.okorneva.ru/index.php?main=books_of_Konovarov&id=100029
3. Перепись Верхотурского уезда 1659 г. РГАДА. Ф.1111. Оп.4. Д.40
4. Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная С.У.Ремезовым и его сыновьями. Без выходных данных
5. Шишонко В. Пермская летопись с 1263-1881 г. Второй период с 1613-1645 г. Пермь, типография Губернской земской управы, 1882
6. Шишонко В. Пермская летопись с 1263 -1881 г. Третий период с 1645 – 1676 г: - Пермь, Типография Губернской Земской Управы, 1884
7. Шишонко В. Пермская летопись с 1263-1881 г. Пятый период с 1702-1715г. Пермь, типография Губернской земской управы, 1889

Приготовление древесного угля в курнях. Рисунок Н.А.Петрова 1950-гг.
Находится в экспозиции Каменск-Уральского краеведческого музея.

Посёлок Золото. Один из домов (апрель 2011 г.)

Остатки золотодобывающей фабрики Троицкого прииска (вблизи посёлка Золото)

Остатки золотодобывающей шахты Троицкого прииска (вблизи п. Золото)

Берег реки Роговушки у места, где ранее располагался Роговской кордон.

Кольчуга. Найдена в г. Асбесте в 60-х гг.

Находится в собрании Асбестовского городского краеведческого музея. Фото члена УИРО М.Черепановой.

РЕФТИНСКИЙ КРАЙ НА ЧЕРТЕЖАХ С.У.РЕМЕЗОВА

Разные аспекты истории Рефтинского края рассматривались автором настоящей работы в предыдущих исследованиях. Однако изучение «Чертёжной книги Сибири» С.У.Ремезова (ранее малодоступной), позволяет сделать некоторые дополнения к ним.

Чертежи, выполненные тобольским сыном боярским Ремезовым, являются ранними документами, в которых систематизированы знания того времени о землях восточнее Уральского хребта, о географических объектах и населённых пунктах. Составлены они в 1699-1700 гг., большей частью – путём кропотливого опроса разных лиц.[1]

Для нас представляет интерес «Чертёж земли Верхотурского города». Слово «город» здесь имеет смысл «область», «уезд». Это видно и из немецкого текста, дублирующего русский заголовок: «Cart des Lands Stats Gebit von Werchoturja» - «Карта земли области Верхотурья». На юг чертеж простирается до реки Кунары. На юг – по нашим понятиям, потому что первоисточник ориентирован по сторонам света весьма вольно.

Река Пышма на чертеже представлена достаточно полно. Отображены большинство притоков, даже незначительных. Есть проблемы с названиями. Например, правым притоком (между деревнями Курина (Курьи) и Ряпосовой) показана р. Тапса. Топоним этот нам ничего не говорит. Из заметных речушек на этом отрезке известны Шата и Брусанка. Обе именовались так в древних документах ещё в 1679 г.[2]

Нанесены на чертёж оба притока Пышмы, берущие начало в пригородах нынешнего Асбеста – Каменка и Грязнушка. Сама же территория бассейна Рефта не имеет поселений до самого устья, даже самых примитивных. Хотя берега соседних рек –Нейвы, Режа, Ирбита (кроме верховий), да и самой Пышмы - заселены весьма плотно.

Однако на правом пышминском берегу имелось поселение Усть-Ревтинка. Это неожиданный факт. Так же, как и присутствие рядом с ним, ниже по течению, населённых пунктов Мосина и Болша. Сухоложье того времени хорошо изучено исследователями – по переписям и другим древним актам. Но деревень (заимок) с такими названиями в них не зафиксировано. Возможно, чертёж Ремезова единственный документ, в котором они проявились.

Что касается поселений Мосина и Болша – судя по их месту на карте, это могли быть ранние названия деревень Ершовой, Шата или Сухоложской. Но отсутствие на чертеже д. Брусанки, существовавшей и в 1685 г, и в 1710 г [3], наводит на мысль – а не её ли это составные части, разнесённые вдоль правого берега Пышмы и имевшие в те годы свои названия? Ведь такая же история была с Пышминской заимкой Невьянского монастыря. Именуемая так сорок лет, в 1704 г она обнаружила в себе 4 деревни (Кекур, Мельничная, Кашина, Глухово), размававшиеся вдоль Кунары от устья до нынешнего города Богданович [4].

Что можно сказать с большой долей вероятности - деревня Усть-Ревтинка должна была находиться на месте, соответствующем её имени. То есть в непосредственной близости от точки впадения Рефта в Пышму. Сегодня там деревня Глядены. Но она появилась в Списке населённых мест только в 1904 г, как выселок Александровский[5].

Это первое, что даёт нам, рефтинским краоведам, чертеж Ремезова. У устья Рефта на рубеже веков XVII и XVIII существовала деревенька. Век её, судя по всему, был не долгов. В переписи 1710 г она следа не оставила.

Второе, что бросается в глаза, - мало изученность бассейна Рефта. Составители чертежа имели лишь общее представление о структуре реки. Главный водоток здесь имеет название Ревть. Нанесён и главный приток – Малая Ревть. Показана ещё река Каменка, как левый приток Б. Рефта (по нынешним понятиям о структуре реки, то есть выше Рассох). Размеры её на чертеже соизмеримы с М.Рефтом. Явная ошибка, нет таких притоков. Сегодня известны две Каменки, небольшие по размерам, и обе гораздо ниже – одна у лагеря «Искорка», другая – ближе к Алтынаю. А всего притоков у нашей реки около 70-ти. Есть и протяжённые – до 10 км. Но не на чертеже Ремезова.

Чертёжная книга Сибири прибавила сведений об эволюции названия реки, сегодня именуемой Рефтом. Или – о деградации гидронима. Это определение, пожалуй, точнее.

В работе «Реки нашего края и происхождение их названий» мной было обоснована этимология гидронима Рефт, исходящая от старорусского слова «ревут», означающего ревуший объект. В данном случае таковым являлась окружающая реку непроходимая тайга, наполненная зверьём. Само обоснование здесь опускаем, а желающих направляем к первоисточнику.[6]

Изменение названия реки происходило, как предполагал автор исследования, по схеме: Ревут – Ревт – Рефт. Приводился и вариант XVIII века – Рефть (Малая), но как флуктуация (случайное отклонение от тенденции). Однако чертёж Ремезова, а также расшифровка ланд-карты 1734 – 1736 гг позволяют уточнить версию.

Для наглядности сведём известные нам данные об именовании реки в таблицу. Показываем и главные притоки (когда они приведены в источнике), ибо прилагательное в топониме уточняет род существительного. А это не маловажно. Ибо буквосочетания *-ть* и *-тъ* трудноразличимы даже в типографском тексте, не то что в скорописи, а род они меняют кардинально. Благо – в нашем случае названия основного водотока и двух самых больших его притоков отличаются только определением, либо отсутствием оногo.

Наименование реки	Год фиксации	Источник информации
<i>Ревут</i>	1670	Челобитье приказчика Арамашеской слободы Ильи Будакова на Верхотурье [3]
<i>Ревутинка</i>	1679	Перепись митрополичьих и монастырских владений Верхотурского уезда [2]
<i>Ревть, Малая Ревть</i>	1699-1700	Чертёж земли Верхотурского города из «Чертёжной книги Сибири» С.У.Ремезова [1]
<i>Б.Ревть, М.Ревть</i>	1734-1736	Ланд карт Ведомства Екатеринбургского и провинций /.../. Копия, рисованная с подлинной унтер-шихтмейстером Афанасием Кичигиным в октябре 1744г.[7]
<i>Малая Рефть</i>	1775	Прошение Саввы Яковлева в Берг-коллегию о разрешении постройки Ирбитского железоделательного завода [8]
<i>Рефть</i>	1800	Историческо-географическое описание Пермской губернии, сделанное для атласа 1800 года
<i>Большой Ревть</i>	1826	План и Профиль горных работ Ревтинского песчаного золота содержащего рудника [9]
<i>Большой Рефть, Малый Рефть</i>	До 1831 г	Части 710, 711, 719, 720, 721, 722, 773, 774, 775, 776 плана Общей екатеринбургской горнозаводской дачи, земель состоящих в ведении Пермского управления

		Государственных имуществ и управления Горною частью на Урале [10]
<i>Б.Рефтъ, Мал. Рефтъ</i>	1869	Пермская губерния (карта). Из справочника «Список населённых мест по сведениям 1869 г»

Далее гидроним на официальных картах и в справочниках пишется стабильно *Рефтъ*, после реформы правописания – *Рефт*. Однако неказённые печатные источники до начала XX века использовали форму *Ревтъ*, хранящую смысл и происхождение топонима. Жители ближних к реке сухоложских сёл, еще и сорок лет назад, говорили: «*Рёвт*» и знали значение этого слова.

Таблица показывает, что следующим, после исходного, зафиксировано написание *Ревтъ*. То есть, из имени реки выпала гласная –у. Это бы ещё ничего. При ударе на первом слоге, она легко может потеряться. А ударение было именно такое, и, скорее всего, определял его звук –ё, не имевший в то время буквенного отображения (*Рёвут*).

Худшее сделал мягкий знак. И наш бодрячок *Ревут* превратился в аморфную *Ревтъ*. А это зачем? Видимо, население, после «поглощения» звука –у, столкнулось с неудобоваримым сочетанием –*вт*. Для языка оно – как речная галька для босых ног. И пришлось его смягчить.

Заметим, что ближние реки имели в своих названиях такое же «умягчение» – *Ирбитъ, Режъ*. Так и писалось на картах. Вопрос: картографы подгоняли топонимы под некий стандарт, или само население края, – остаётся открытым. Напомню ещё раз, что некоторые сухоложские сёла сохраняли раннюю форму имени реки до последней четверти прошлого столетия.

Во второй половине XVIII века более покладистая буква –*ф* вытеснила законную, «смысловую» –*в*. Звукосочетание улучшилось, этимология топонима потерялась. А в начале следующего века, как по команде, появилась тенденция на «отверждение» гидронимов. И уже – *Рефтъ, Ирбитъ, Режъ*. Хотя разноречивость присутствовала почти весь XIX век. Например, на карте 1869 г – *Ирбитъ*, а в Пермских губернских ведомостях за 1879 г – *Ирбитъ*.

Таким образом, если отбросить флуктуации, генеральная линия изменения гидронима Ревут выглядит следующим образом: *Ре(ё)вут(ъ)* – *Ре(ё)втъ* – *Ре(ё)втъ* – *Ре(ё)фтъ* – *Рефтъ*. Представить этот тренд нам помогла «Чертежная книга» Семёна Ремезова.

Примечания

1. Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная 1699-1700 гг. С.У.Ремезовым и его сыновьями.
2. Перепись митрополичьих и монастырских владений Верхотурского уезда 1679г. Афанасьев А.А. Сухоложье. Неизвестные страницы. Сухой Лог: 2004
3. Коновалов Ю.В. «Из истории формирования населения поселка Рефтинский» http://www.okorneva.ru/index.php?main=books_of_Konovarov&id=100029
4. См. переписные и отдаточные книги Аятской и Краснопольской слобод, Покровского, Богоявленского сёл и Пышминской монастырской заимки 1704г. Афанасьев А.А. Сухоложье. Неизвестные страницы. Сухой Лог: 2004
5. Список населенных мест Пермской губернии. Издание Пермского губернского земства 1904 года. Пермь: типография губернской земской управы, 1905
6. См. http://www.okorneva.ru/index.php?main=The_river
7. Ланд карт Ведомства Екатеринбургского, и провинций Соли Камской, Чердынского, Кунгурского, Верхотурского, Имуринаского уездов, вотчины господ Баронов Строгановых, заводов статского

действительного советника Акинфия Демидова /.../ Сочинена в 1734 :1735 и 1736 годах. С подлинной рисовал Унтер Шихтмейстер Афанасий Кичигин, месяца октября 1744г. При Екатеринбурге. Масштаб 1/960 000. /В вершке 40 верст/

8. Ирбитский завод. История поселка до 1917 года. <http://irbit-zavod.ucoz.ru/index/0-6>

9. Афанасьев А.А. Сухоложье. Неизвестные страницы. Сухой Лог:2004

10. Части 710, 711, 719, 720, 721, 722, 773, 774, 775, 776 плана Общей екатеринбургской горнозаводской дачи, земель состоящих в ведении Пермского управления Государственных имуществ и управления Горною частию на Урале. Масштаб в английском дюйме 1 верста. Сборный лист составлен в 1888г в чертежной Пермской межевой комиссии.

Выкопировка с карты 20-х гг XX в. Район с.Знаменского.

ОСНОВАНИЕ НОВОПЫШМИНСКОЙ СЛОБОДЫ (Хронология, поселения, межевые границы)

Новопышминская слобода, старейшее административно-территориальное образование в верхнем течении Пышмы, не обделена вниманием историков и краеведов. В XIX веке Шишонко и Дмитриев представили читателю некоторые древние акты, относящихся к обстоятельствам её заселения. В наше время различные аспекты истории слободы рассматривали такие исследователи, как Мосин, Коновалов Ю.В. Их выводы и умозаключения научны, базируются на архивных документах.

На основе собственных длительных изысканий, журналист и краевед Афанасьев написал историю Сухоложья, приемника Новопышминской слободы. Это интересная, обстоятельная, профессиональная работа. Она опубликована в издании «Сухоложье. Неизвестные страницы» (Сухой Лог: 2004), а также в сборнике «Врачующий пояс Рифея: культурно-исторические очерки». Екатеринбург («Сократ», 2004).

Земляки должны быть благодарны этому, недавно ушедшему от нас, писателю. Он представил историю края как целостную, основанную на документально подтверждённых фактах.

При таком углубленном изучении и подробном изложении темы, остались ли ещё вопросы? Остались. Много. Причём – существенные. Они присутствуют и в публикациях перечисленных выше уважаемых авторов. Это – хронология появления и исчезновения населённых пунктов на территории слободы, места их расположения, межевые грани. Зачастую, автор отвечает на одни вопросы, но ставят другие, уже нашедшие своё решение в работах иных исследователей.

Проблема, на мой взгляд, в том, что имеющиеся в разных публикациях достоверные сведения плохо консолидированы. В настоящей работе автор, используя доступные источники, пытается обозначить существенные вопросы истории Новопышминской слободы, показать степень их «решённости» и обосновать это.

1. О времени основания поселения Невьянского Богоявленского монастыря на Пышме.

Известно, что «пионером» освоения земель в верховьях Пышмы выступил Невьянский Спасо-Богоявленский монастырь. В 7165 г. (1657 -1658 гг. от Р.Х.) царским указом обитель получила право владеть землями по Пышме. Отвод был не конкретный и давал возможность широчайшего выбора. Это и хорошо, и плохо. Если межи не закреплены документом, значит выбранную территорию нужно «застолбить» на местности, обозначить присутствие собственника (если даже не хватает ресурсов на освоение) да и приглядывать за ней. Исходя от этого, можно было бы согласиться с мнением Мосина А.Г. [6, с.471], который относит основание монастырской деревни к 7165 г., т.е. к году получения данной на земли.

Однако, внутреннее убеждение к делу не подошьёшь. Учтем и тот факт, что в переписи Верхотурского уезда 1659 года Пышминская заимка не названа. Пока первые документированные упоминания о этом поселении Невьянского монастыря относятся к 1662 году, к событиям Первого Башкирского бунта. Вот эти свидетельства:

Стряпчий Туринского острога Трегубов был извещён **23 августа 1662 г.** Мурзой Выходцевым, приказчиком Чюбаровской слободы: «Невьянского монастыря строитель Давид-старец побил в походе воровских татар человек с 200...». Из дальнейшей переписки становится понятной причина активности боевитого монаха. Этим же летом

Трегубов получил известие от приказчика Невьянской слободы князя Семёна Пелымского о нападении воровских людей на Мурзинскую слободу, **Монастырскую деревню, что на Пышме**, деревню Глинку и село Покровское. [9, с.678-679]

Тот же Выходцев – Трегубову: «И в нынешнем **во 170 году**, августа в разные числа, изменники /.../ Павловы пустыни, и на Утке реке слободы, и Катайский острог, и Далматов монастырь, и на Пышме новую Ощепкову слободу, и Салухи Пястелеву слободу и **Невьянского монастыря на Пышме** реке воевали, людей побили и скот отогнали и дворы выжгли...». [9, с.685]

В тот же год, С.Пелымский – Трегубову: «Да писал ко мне с Ирбити Моисей Литвинов, а к нему де писал с Белые Слуды Федор Каменский: прибежали де к нему Федору в Белослущкую слободу выходцы русские люди, **Невьянского монастыря крестьяне с верх Пышмы Кирилко Федоров да Олешка Матвеев**, а сказывают де, приехали де к ним в деревню Калмытцкие воинские люди, и деревню де их повоевали, и дворы выжгли и людей посекали и скот побили...». [9, с. 687]

По крайней мере, один из спасшихся крестьян в 1659 г. был учтен переписью в монастырском селе Покровском, как бобыль. «Двор. А в нем живет бобыль **Олешка Матфеев** сын Чердынец, женат. А детей у него нет. <...> А живет он за манастырем со 154-го году» [4].

Таким образом, временной интервал, в пределах которого образовалась заимка НБМ на Пышме, находится между 1657 и 1662 гг. Но, учитывая, что перепись 1659 г. не «увидела» это поселение, в указанном диапазоне период 1659 – 1662 гг. является более вероятным.

Следует обратить внимание и на указание Шишонко В. Перечисляя события 1660 г. он пишет: «Основана слобода Новопышминская». Сразу хочется отбросить информацию, как заведомо ошибочную. Но может быть речь идёт **о первом поселении на территории будущей Новопышминской слободы**, о той самой монастырской деревне? Год этот (1660) находится в середине вероятностного интервала. Автор даёт и ссылку – «Дополнен. к Акт. Историч. т. IV № 84». [9, с.639]

2.О составе и местоположении Пышминских поселений Невьянского монастыря.

Фигурировавшая в документах, как монастырская деревня (заимка, пустошь), в переписных и отдаточных книгах 1703 и 1704 гг. вдруг обнаружила в себе четыре населённых пункта. Это деревни Кекурская, Мельнишная, Кашина, Глухово [1].

Первая – непосредственно у устья Кунары, вторая – на расстоянии километра выше по этому же пышминскому притоку. Остальные поселения также по Кунаре. До Кашиной, пожалуй, от устья километров семь. Самая удалённая - деревня Глухово. Сегодня это пригород Богдановича.

Приведённые выше топонимы появились в Верхотурских актах только после передачи крестьян Невьянского монастыря заводам Никиты Демидова. Нет их и на чертеже Сибири Семёна Ремезова, составленном в 1699 – 1700 гг.[8].

Динамика изменения количества крестьянских (бобыльских, здесь и далее в т.ч.) дворов говорит о том, что эти деревни (или большинство из них) вероятно и ранее входили в состав Невьянской заимки, как составные и безымянные её части. По переписи 1679 г. здесь 19 крестьянских дворов, по переписи 1704 г – 24 [1]. Не велика разница.

В монастырских поселениях существовала своя инфраструктура, отличавшая их от других деревень. Имелись, принадлежавшие обители, дворы для посельского старца и

наёмных работников. Эти наёмные работники обрабатывали землю. В Пышминской заимке таковой («чисто» монастырской, т.е. обрабатываемой не «местными» крестьянами, а нанятыми людьми) было в 1679 г. «по десяти десятин в поле, а в дву по тому ж» [1].

Там же стоял скотский двор, хлебные амбары. Манькова И.Л. сообщает о вотчинах Невьянского и Далматовского монастырей, что там имела место практика обработки пашни наездом. «В поселях, расположенных на большом расстоянии, были построены специальные казенные дворы “для приезда на пашни старцам и работным людям”» [5].

Всё это хозяйство имело название «монастырского двора». Двор Невьянского монастыря показан на чертеже города Верхотурья (1699-1700 гг.) С.Ремезова [8]. Находился он в устье Кунары.

Да, но как мы выяснили, на этом же месте в 1704 г. обозначились деревня Кекур... Очевидно, она и называлась до этого монастырским двором. После царского указа 1702 г. [11, с. 278] (позже – отменённого) о закрытии монастыря, название «Двор Невьянского монастыря» не могло присутствовать в официальных документах. Ему взамен пришло новое – Кекур, очевидно имевшее хождение среди народных масс и ранее.

Заметим, что Кекур 1704 г. представлен только одним крестьянским двором и тремя бобыльскими. Это, на мой взгляд, подчёркивает «дворовую» природу поселения.

На ланд-карте, составленной в 1734-1736 гг. (копия А.Кичигина 1744 г.) двор Невьянского монастыря опять на своем месте. Государь в 1706 г. сменил гнев на милость и вернул Пышминскую заимку обители [11, с. 343-346].

Кекур и Мельнишная не показаны. Видимо дворовое место вобрало их на карте в себя. Появилась деревня Заимка Третья. Наверное, это та Заимка, которая есть и на картах XX века. На месте, где должна бы быть д. Кашина, стоит значок поселения, но наименование не нанесено. Зато выше по Кунаре новое название – Монастырска(я). Вероятно это второе имя д. Глухово, отражавшее её принадлежность. Кстати сказать, д. Мельнишная на картах XIX века обозначалась как Спаская. Помните: «А смежна та земля Невьянского монастыря Спасскою слободою» [1].

К Мельничной, располагавшейся рядом с дворовым местом, прилипало одно из названий слободы Спасо-Богоявленского монастыря.

Ошибочным является мнение о принадлежности д. Курьи (сейчас с. Курьи Сухоложского района) к владениям НБМ. Истоки недоразумения в царской грамоте 1706 г. в адрес верхотурского воеводы А.И.Калитина, частично отменившей предыдущие указы о закрытии Невьянской обители и передаче монастырских крестьян Демидову [11, с.343-346].

Там приводится челобитье старцев: «И нам В. Г-рю пожаловать бы, для их древности /.../ и крестьян, которые живут возле монастыря, и Пышминскую заимку со крестьяны и с бобыли, да у той же Пышминской заимки монастырскую распашную новую землю, что пахали старцы и вкладчики, да деревню Курью и мельницы для пропитания». Однако, в «постановляющей» части разъясняется, что речь идёт о другом поселении. Велено вернуть: «Да того-ж Невьянскаго Богоявленскаго в Ницынском уезде в деревне Курье, 2 двора крестьянских с женами и с детьми /.../, да Пышминской монастырской заимки, а в них крестьянских и бобыльских 24 двора с женами и детьми пашни 30 десятин в поле, а в дву потому-ж; сенных покосов 2920 копен. Да той же Пышминской заимки распашной земли, что владели старцы и пахали вкладчики 17 десятин с полудесятиной в поле а в дву потому-ж, сенных покосов на 1/т на 200 копен». Эта деревня по Нице включалась в перечень монастырских владений в переписях 1659 и 1680 гг. [7, 4].

Можно смело сказать, что местоположение Пышминских поселений Невьянской обители достаточно ясно. Загадок здесь нет. Попутно мы установили, что точно «на Пышме», как В. Г-рь указал, находилось лишь дворовое место. Остальные – разнесены вдоль Кунары, на расстояние до 20 км. Возможно, по этой причине монастырь и не производил «декомпозицию» своей «заимки» вплоть до 1703 г.?

3.Об обстоятельствах основания слободы Тобольского архиерейского дома на Пышме

Софийский дом имел возможность получить земли на Пышме на законных основаниях. Все предпосылки к этому были, но что-то «не срослось». В тот же 7166 году (1657 – 1658 гг.), когда выделялись угодья Невьянскому монастырю, царь Алексей Михайлович приказал тюменскому стольнику и воеводе Ф.И.Веригину досмотреть земли «с усть речки Балаира по Пышмы реке вверх до речки Подуна, да по другой стороне Пышмы реки с усть речки Ретина, по Пышме ж реке вверх до речки Ирмычи». Это было ответом на челобитье Тобольского архиерея. Намеренье царское было самым благожелательным - «и нам бы Великому Государю его богомольца нашего Симеона архиепископа пожаловать, велеть ему ту землю дать, чтоб ему. Богомольцу нашему /.../ чем прокормиться». Но сначала тюменский воевода должен был доложить в Москву, действительно ли те земли порожние. [9, с.164-165]

По какой-то причине дело дальше не пошло.

Через 14 лет, в 7182 г. (1673 – 1674 гг.), рядом с Невьянской Пышминской монастырской слободой была основана митрополичья. К 1679 г. здесь было 16 крестьянских дворов [1]

А.А.Афанасьев высказал мнение, что Софийскому дому земли была переданы Невьянским монастырем, по просьбе (или приказу) митрополита [1].

На мой взгляд, оснований для такого умозаключения нет. Монастырь не имел данной, внятно описывающей границы полученных земель, стало быть, и прав отчуждать их не имел. Бумаги, полученной обителью в 1666 году, едва хватало, чтобы не отобрали уже освоенные территории. Кроме того, Тобольский архиерейский дом распростер свои намерения и на левый берег Пышмы, вплоть до вершины Рефта. А эти земли, как увидим позже, заведомо не входили во владения Невьянского Богоявленского монастыря (иногда, для краткости - НБМ. – автор).

Ни о каких договоренностях с монастырём не говорили на допросе, учиненном в 1679 г. верхотурским сыном боярским Микитой Несенцовым, «софейский прикащик» Петр Безсонов и житничный старец Михайло. «А владеют они тое Митропольи слободы пашенными землями и санными покосы вверх Пышмы реки данною с Верхотурья столника и воеводы Федора Хрущова да за прописью подьячего Саввы Тютчева со 182 году. И та де данная нынче в Тобольску в Софейском дому». [1].

Дальнейшие события, в изложении воеводы Павлова: «В нынешнем, государь, во 187 (1679 –авт.)г. апреля в 9 день /.../ грамоте из Сибирского Приказу, за прописью дьяка Лва Ермолаева, писано к нам холопам твоим на Верхотурье: указал ты, В.Г. вверх Пышмы реки митрополья слободы землю, что дали в Софейский дом, без твоего В.Г. указу и без грамоты, столник и воевода Федор Хрущов да с приписью подьячей Савва Тютчев, приписать к Верхотурскому уезду по прежнему и поставить на том месте от приходу воинских людей острог и крепости и быть драгуном, и устроить слободу /.../» [11, с.407].

4. О составе и местоположении митрополичьей слободы. Новая Пышминская слобода и острог.

Митрополичьи владения на Пышме в древних актах по преимуществу именуются слободой. В подтверждение статуса – присутствие приказчика Безсонова. В переписи 1679 г. слободская структура представлена следующим образом: часовня, двор администрации (дворовое место), крестьянские дворы. На дворе – башня, две избы, два амбара хлебных. «Дворового места на 200 сажен да сенного выпуска по две версты» [1].

Местоположение этого двора вычислим по информации, содержащейся в древних актах. Из описания границ слободы (перепись 1679 г.) известно, что дворовое место находилось у башкирского брода. «Невьянского монастыря заимки от новые Пышминские слободы верст за 10». Это из письма С.Будакова на Верхотурье [10, с.561]

Версты, кстати, были ещё 1000-саженные, т.е. в одной версте чуть более 2 км. После царского указа о возвращении митрополичьих земель Верхотурскому уезду и содержавшегося в нём требовании «поставить на том месте острог, не замотчав», уже в 1680 г. власти приступили к действию. Семён Будаков начал ставить острог 3 октября и 5 декабря отапортовал своему Верхотурскому начальству об окончании строительства.

Задачи были перед ним поставлены не очень корректно. Во-первых, поставить острог на месте митрополичьей слободы (читай - на дворевом месте). А во-вторых, там, где ранее приход воинских людей был и его «перенять мочно». Опросив кучу народа из Ирбицкой, Краснопольской слобод, а также сборную команду строителей, удалось выяснить только, что «место степное и дубровы большие, а приход из степи ниже Пышминской Невьянского монастыря заимки, по Алиидинину броду, как шли на Белую Слуду и на Киргу и в другой ряд на Покровское и на Арамашево и на Невьянские деревни, выше новые Пышминские слободы через Пышму реку, и не по одному месту, потому что Пышма река мелка». [10, с.564]

Из дальнейшего видно: Будаков не стал терзать себя сомнениями, и поставил острог на митрополичьем дворевом месте. «А острог, государь, поставлен кругом 200 сажен». Место он выбрал неудачно, но благодаря этому факту мы уточним его расположение. В 1681 г. новое оборонительное сооружение осматривал Михайло Мещеряков и докладывал Верхотурскому воеводе: «А новой Пышминской острог стоит не у места, в косогоре, и крепостей никаких нет, приступ со всех сторон, из за Пышмы реки, с камени, в острог все видеть, а с низу Пышмы реки, с камени, из за илуча в острог видеть же, а с третью сторону, с приезде, из за дворов острогу и башен не видать, а дворы стоят возле надолбы, **а от острогу вверх по Пышме реке до речки Брусянки сажень ста с полтора**, и то место крепко, с одну сторону Пышма река, а с другую речка Брусянка, а к тому месту приступ в одну сторону»[10, с.566]

Значит, новый острог (и бывший двор митрополичьей слободы) находились на правом берегу Пышмы, ниже устья Брусянки на 300 (500?) метров, на береговом уклоне, у излучины реки. Есть такое место. Это у села Знаменского, несколько сотен метров до его жилой зоны.

Количество крестьянских дворов известно по состоянию на 1676 и 1679 гг [4, 1]. Оно увеличилось с 9 до 16. Часть изб, очевидно, располагалась вблизи дворевого места, южнее, вдоль Китайской дороги, вернее – ответвления от неё. Это следует из описания М.Мещерякова: «с приезде, из за дворов острогу и башен не видать». Некоторые дворы потом оказались возле острожных столбов («возле надолбы»), что снижало оборонительную способность сооружения.

Думается, не все избы митрополичьих крестьян «липли» к дворовому месту. Исхожу при этом вот из каких соображений. Следующая доступная перепись населения слободы датируется только 1710 г. На бывшем острожном (и митрополичьем) месте фиксируется деревня под названием Ершовая на 17 дворов [1].

Получается – за 30 лет имеем практически нулевую динамику роста численности хозяйств. Не должно так быть. Видимо, количество дворов на этой площадке в 1679 г. было меньше суммарного по слободе – т.е. шестнадцати.

Где размещались остальные? Вернее всего – на другом, на левом берегу Брусянки. Одноимённая речке деревня блеснёт на Новопышминском фоне при переписи 1710 г. И если топоним «Ершовая» всплыл совсем неожиданно в начале XVIII века, то имя Брусянки появлялось в документах XVII столетия. И вот как.

Крестьяне новой слободы приспособились писать челобитные и в них охаивали действительность. Вот фрагмент одной из них, от 1684 года: «заведена та Новая Пышминская слобода и беломесные казаки и крестьяне поселены и острог построен не в угожем месте и не в крепком месте под горами и з гор в острог <...> острог пошатился и розвалился и башни не довершены и в осадное время им крестьяном от воинских людей сидеть будет негде». Чего добились? 5 марта 1684 года новопышминскому приказчику Матвею Якубовскому был отправлен наказ верхотурского начальства о переносе острога: «велели тот острог на иное место перенести против заимки Спасские...» [4].

Это за 20 км вниз по реке. И где теперь крестьянам от воинских людей сидеть?

Диссидентские настроения усиливались. Крестьяне отказались участвовать в строительстве нового острога. Сообщивший об этом в июле 1685 года приказчик Иван Ежеской, в этом же письме впервые называет старое Новопышминское поселение деревнею Брусянкою [4].

Но ведь в это поселение входила не только Брусянка, сохранившая своё имя до наших дней и находящаяся по левому берегу одноимённой речушки. Не забудем: о её существовании во времена Митрополии мы говорим только гипотетически. Но (и прежде всего) – прилегавшая к злополучному острогу часть слободы, будущая деревня Ершовая (Знаменский погост, село Знаменское). Наличие этого слободского сегмента подтверждается приведённым выше описанием М.Мещерякова. Думаю, что деревней Брусянкой в то время называлась вся совокупность дворов старого поселения.

Между тем на чертеже города Верхотурья, выполненном в 1699-1700 гг., нет ни Брусянки, ни Ершовой. Тем более нет села Знаменского. А.А.Афанасьев ошибся, расшифровывая плохую копию чертежа. По правому берегу Пышмы, от д. Ряпосовой до д. Курина (Куры), на чертеже поименованы поселения Усть-Ревтинка, Мосина, Болша [8].

Место первого на карте определено названием – в устье Рефта. Вряд ли Брусяна, а тем более Ершовая (Знаменская), могут на него претендовать. До них от устья не менее 3 км. Видимо деревушка существовала короткое время. В переписях она следа не оставила.

Поскольку д. Брусянка фигурировала и до составления С.Ремезовым чертежа, и после, то «примирить» чертёж с иными древними актами можно допустив, что Мосина и Болша это существовавшие в то время названия составных частей бывшего острожного поселения.

Предположение А.А.Афанасьева об ошибке С.Ремезова, изобразившего поселения Белоярской Пышминской слободы не на своем месте, полностью игнорировать нельзя. Но не в пользу такой версии факт, что в Тобольске хорошо знали эту местность.

Рядом находившаяся Калиновская слобода была изначально Тобольского уезда. Плюс не такое давнее (к моменту составления чертежа) присутствие Софийского дома на данной территории. На чертеже показана даже дорога от Ирбитской слободы, через двор Невьянского монастыря до Белоярской слободы, мимо тех самых неопознанных деревень.

Выше я упомянул д. Курью, как правобережную. Внимательный читатель укажет, что и в начале XX века с. Курьи было левобережным. Нет, всё правильно. На чертеже Ремезова две деревни Курина, на разных берегах Пышмы. Трудно сказать, Курина – исходная форма топонима, либо его искажение. Позднее, в т.ч. на ланд-карте, правобережная деревня именовалась Медведевкой.

5.О местоположении второго Новопышминского острога и слободы.

Выше говорилось, что 5 марта 1684 верхотурские власти «велели тот **острог на иное место перенести против заимки Спаские на Пышму ж реку на туж Китайскую большую проезжую дорогу на гору, где бывало старое татарское городище у старого Калмытцкого броду**»[4].

Где это место?

Спаская заимка, точнее – двор Невьянского монастыря, находился в устье Кунары. Китайская дорога шла вдоль Кунары туда же. Где стояло древнее городище, может, и знали в Верхотурье, но нам это ничего не говорит. Бродов, как мы выяснили, было много, «ибо река Пышма мелка». Но общее впечатление такое, что острог решили строить на правом берегу реки. Где и стояло впоследствии село Новопышминское, уже в XX веке переместившееся на левобережье, поглотив при этом с. Поварёнковское.

На чертеже города Верхотурья 1699-1700 гг. Новопышминская слобода на левом берегу...[8]

Причём показаны мелкие подробности – дорога от двора НБМ к слободе (через реку). Нанесена дорога от слободы к левобережной д. Курина и далее через реку... Или это ошибка Семена Ремезова?

Мне думается, не ошибка. Кроме детализации этого района, в целом чертежу не свойственной, можно ли что-то ещё сказать в защиту правоты его авторов? Пока дополнительных аргументов мало. В описании указана гора. Горист левый берег Пышмы. Мосин, представив схемы приходов Камышловского уезда, так же, как и Ремезов, показывает Новопышминское в левобережье [6] .

Кроме того, мы имеем только описание места, где указано поставить острог. А где он был построен фактически? Не отбили ли невянские старцы эту атаку на свои земли? Кроме того, острог, как оборонительное сооружение, могли построить на правом берегу – двести сажень монастырь бы не пожалел (будет где «в осадное время сидеть»). А слобода – это реальная потеря земли, пожалуйста на левый берег.

Однако в тридцатые годы XVIII века, когда составлялась ланд-карта, Новопышминская слобода уже на своём правом берегу. Многое происходило между переписями, изданиями карт, о чём мы ещё не знаем.

6.Межевые границы владений Невьянского монастыря на Пышме.

Рамки владений Богоявленского монастыря сформулированы в данной «за государевой верхотурскою печатью за прописью подьячего Федора Каменского». ««По указу великого государя велено диким местом в степи на реке Пышме землями и санными покосами

владеть Невьянского монастыря строителю старцу Давыду с братиею» [1]. То есть, данная - это выписка из царского указа, а не сам указ.

На первый взгляд, кажется, что и рамок то никаких нет. Однако какие-то ограничители поставлены. Во-первых, владения находятся в долине реки Пышмы. Во-вторых, речь идёт только о степной её стороне, правом берегу. Левая, лесистая сторона реки именовалась тогда «тёмной», «чёрным лесом». От этого и название «Тёмная» у двух деревень по Пышме – это левобережные поселения. В том числе и Тёмная (Ряпосово) на ланд-карте показана на северном берегу реки.

В третьих, владеть велено «диким», т.е. порожним, не отведённым никому местом. Несмотря на малонаселённость края, столкновения интересов по земельным вопросам могли быть, и были. Район входил в зону угодий тюменских ясачных татар. Так на чертеже Ремезова в верховьях Кунары показаны юрты Конарские. Да и русские поселения, основанные раньше (Далматов монастырь, Катайский острог), простирали свои северные границы на некоторых участках вплоть до Пышмы.

О том, что бассейн реки Рефт (левого притока Пышмы) изначально не входил в состав владений Невьянского монастыря, свидетельствует перепись Верхотурского уезда 1659 г. После описания межи монастырского займища в Покровской деревне сообщается: «А около того займища лес бор и дуброва и болота и озера **и до Пышмы реки пустое место по смете на пятьдесят верст. И то место лежит впусе и не владеет им никто**» [7].

Получилось так, что «немежёванная» пышминская земля НБМ (а в дальнейшем – и Новопышминской слободы), получала свои границы при межевании соседних слобод. В 1666 г. была основана Камышевская (Камышловская) слобода. Приказчик Пышминской слободы Семён Будаков направил в Верхотурье «досмотр» тех земель с описанием межи. Вот как проходила западная камышевская грань: «А рыбные де ловли и хмелевые угодья от того острожного места вверх по Пышме реке вёрст на десять и болше – Невьянского Богоявленского монастыря со строителем Давыдом, а межа – речка Боровлянка и по той речке вверх до Казанской дороги»[2, с.191].

Однако, «по наезду и по осмотру и по свидетельству 1702 г.», оказалось, что Будаков «написал межевою речкою Боровлянкой лог Мокрый, кочковатый и травяной /.../ и воды текущей и признаку речки из того логу, в Пышму р. нет /.../ а вершина того логу у могильника татарского» [9, с.843].

Через девять лет пограничный Мокрый лог оказался внутри образованной Калиновской слободы. Опять пришлось устанавливать право обладание на земли. Участвовали при этом и старцы обители. В документе о межевании Калиновской слободы от 1702 г. сказано: « в дозорных описных книгах Федора Бовыкина 184 г. мая 4 дня (04.05. 1676 г. – авт.)написано: « /.../ Невьянской пустоши Богоявленского монастыря Пышминской заимки посельной старец Дорофей в допросе сказал: «та де земля с Усть-Кунары речки вниз по Пышме по обе стороны под слободу преж сего никому в даче не бывала». Тюменские ясашные татары указали Федору Бовыкину и границы Калиновской слободы : « с Усть-Калиновки речки до устья Малой Калиновки; а с Усть-Малой Калиновки через бор прямо на Катайскую дорогу до Суварыша и сверх Суварыша прямо на **Катайскую дорогу, которая из Катайского вышла в Софейскую заимку** до Кунары реки, и вниз по Кунаре до устья, а с устья Кунары за Пышму прямо на север на Лягу, а с Ляги на вершину Мостовья речки, а по татарски Ауритию (?) и по Мостовой речке вниз до Пышмы реки /.../» [9, с.816].

Тем самым были описаны южные и восточные границы монастырской заимки. Но упрямые старцы в упор не замечали мирских соседей, хотя и на земли их не претендовали. А признавали лишь незаконную слободу братии Архиерейского дома. «А та заимка Тобольского и Верхотурского уезду слободам не смежна. И от Тобольских и от Верхотурских слобод удалена, а смежна к митрополье слободе», сообщал старец Невьянского монастыря в 1679 г. переписчикам [1].

Учинённым допросом были выявлены межи Пышминской заимки. Совершенно очевидно, что посельский старец объявлял сложившиеся границы, не подкреплённые документально. Их описание воспроизводилось не раз, в разных печатных трудах. Не уверен, что все авторы этих работ смогли бы правильно показать межи на карте.

«А межа Невьянского Богоявленского монастыря Пышминской заимки от броду на Чёрный лес, а по Черному лесу вверх речки Шаты, а от той речки Шаты с вершины на катаяскую дорогу, а по катаяской дороге до верх озера Куртугуза, а от Куртугуза озера по истоку вниз до Пышмы реки, а с усть Кунары речки вверх по Пышме по обе стороны реки до того же броду» [1].

Загадка здесь – где находился брод на Чёрный лес? Неправильный ответ кардинально исказит статус-кво. А нужно вспомнить, что в описании смежной Митрополии также указан брод - «башкирский». Это один и тот же брод – ведь территории смежные. Выше мы выяснили, что находился он рядом с дворовым местом «Софейской» слободы, а именно - ниже устья Брусянки на 300 (500?) метров, по правому берегу Пышмы.

То есть, границы монастырской заимки начинались в левобережном «чёрном» лесу, пересекали Пышму по броду напротив нынешнего с. Знаменского, далее – к истокам р. Шаты, затек к озеру Куртугуз, по истоку из этого озера - до р. Кунары, по Кунаре до устья, и возвращаемся вверх по Пышме до того самого брода

Проверим расстояния. «А по мере той Невьянского Богоявленского монастыря заимки пашенных и непашенных земель чистых и лесопорослых мест и кочковатых и сенных покосов с усть Кунары речки вверх по Пышме реке до броду восемь верст, от Пышмы реки до Куртугуза озера четыре версты, а по другую сторону Пышмы реки до Черного лесу две версты» [1].

Вроде всё сходится. Не забываем, что верста тогдашняя вмещала 1000 саженой (2 134 м).

7. О межевых границах пышминских владений Тобольского Архиерейского дома.

Теперь уместно разобраться с землями Митрополии. Поскольку текста незаконной даной воеводы Хрушова мы не знаем, остаётся только догадываться, прописаны были очертания угодий в ней, или это фактически сложившаяся конфигурация. Вот описание границ 1679 г.: «А межи той Митрополье слободе: вверх по Пышме реке на левой на степной стороне з башкирского броду на запад до усть речки Ревутинки, вверх по той речке Ревутинке по обе стороны до вершины, а с вершины той Ревутинки лесными местами на вершину Шаты речки до озера Куртугуза, да по закатайской дороге от озера Куртугуза к Пышме реке до того башкирского броду и до дворового места. А смежна та земля Невьянского монастыря Спасскою слободою» [1].

В принципе, понятно. Закатайская дорога – это ответвление от Катайской дороги, которое пересекало Кунару чуть выше нынешнего г. Богдановича и шла мимо озера

Куртугуза в Софийскую заимку, к броду. А ведомо ли было старцам, где вершина Рефта? Ответ на этот вопрос в мерном описании. «А по мере тое митрополю сlobоды пашенных и непашенных земель и санных покосов чистых и лесом порослых и кочковатых и мокрых мест от башкирского броду вверх по Пышме реке до речки Ревутинки и на другую сторону той речки восемь вёрст, а поперег от Пышмы реки до Куртугуза озера чктыре версты, **да от Пышмы ж реки до вершин Шаты и Ревутинки речек по три версты**, а та митрополю сlobода Тобольского и Верхотурского уездов сlobодам не смежна. И от Тобольских и Верхотурских сlobод далела, а смежна та Митрополю сlobода Невьянского Богоявленского монастыря к Пышминской заимке» [1].

Из текста видно, что вершину Рефта старцы видели в трех вёрстах (6 км) от устья. Вся территория представляет из себя ромбообразную фигуру, где по углам нынешние поселения Знаменское и Мокрая, «вершина» Рефта и озеро Куртугуз.

Заметим, что границы монастырской заимки и Митрополии состыковались не совсем ладно. Нарисовался небольшой треугольный спорный участок: по точкам: брод – исток Шаты – «закатайская» дорога. Его заявили в качестве «своего» оба субъекта.

8. О межевых границах Новопышминской сlobоды.

Появление Новопышминской сlobоды на карте Верхотурского уезда юридически было оформлено указом Великого государя от 9 апреля 1679 г. Царь требовал «вверх Пышмы реки митрополю сlobоды землю», выделенную без его, В. Г., указа, вернуть Верхотурскому уезду, поставить на том месте острог и устроить сlobоду. Сразу, по получению указа митрополичья сlobода в деловой верхотурской переписке стала именоваться «новой Пышминской сlobодой».

Таким образом, хоть и опосредовано, созданная административная единица получила права на земли Митрополии в границах, заявленных последней при переписи 1679 г. После переноса в 1684 г. сlobоды ниже по реке, права на новые земли никак не оформлялись. Это выяснилось при межевании Калининской сlobоды в 1702 г. Занимающийся землеустройством подьячий отнесся к заданию очень серьёзно, поднял архивы, опросил сотни крестьян, в том числе весьма отдалённых сёл, например, Китайского. Но и он запутался в перипетиях Новопышминской сlobоды. Она именуется в этом серьёзном документе и «Верхопышменской», и «Верхо-Пышминской», и «Верхнепышменской», и «Нововерхопышменской», и «Новопышменской».

Сlobодские начальники Матвей Якубовской и Иван Ежевской при допросе то ли простоту свою показывали, то ли «быковали». Землю, мол, пашем, сено косим, а чья это земля, верхотурская или тобольская – не интересовались. Следует напомнить, что соседняя Калиновская сlobода относилась к Тобольскому уезду. Приведём этот текст полностью.

«Того же числа Верхотурские дети боярские о спорных землях, Матвей, Яковлев сын, Якубовской, Иван Ежевской допрашиваны были в Верхо-Пышминской Верхотурской сlobode /.../ есть ли у них на те земли данные и крепости: и сын боярский Иван Ежевской сказал – прибытьи де на Верхотурье боярина и воеводы Григория Филимовича Нарышкина с товарищи бил челом Великому Государю он, Иван, словесно, чтобы ему в той Верхотурской сlobode жить и земли для прокормления пахать и сен ставить на порожних местах и боярин де и воевода Григорий Филимонович Нарышкин

приказал ему словесно, в той слободе приискать порожние земли и сенных покосов и владеть с беломестными казаками и крестьяны смежно, для прокормления ему, и он де, Иван, порожней землей владеет по прииску и пашет для прокормления малое число и сена ставит, и дачи де ему на те земли и Верхотурской данной нет, а та де земли, Верхотурского ль уезду, Верхопышменской слободы или, Тобольского уезда Калиновской слободы - про то де он не знает/.../».

Сын боярский Матвей Якубовской показал, что в Верхотурской Верхнепышменской слободе живёт он лет пятнадцать, с того времени, как ему было велено по Верхотурской указной памяти слободу строить, «а в котором году не упомянул». Землей и покосами Якубовской не владел, но с 1701 г. взял пашенной земли у крестьянина Антона Макарова две десятины и заплатил ему за распашку. Далее следует непонятный оборот: «и он, Антон, по указу Великого Государя и с той слободы он дал именитого человека Григория Дмитриевича Строгонова приказчику ево, для того, что он был ево крестьянин». А Верхопышменская та земля или Калиновская – «того он сказать не знает».

Такие же показания дали «беломесные казаки» Верхопышменской слободы Тимофей, Васильев сын, Кузнецов и Антон, Михайлов сын, Дешеваго, жившие здесь «лет с 15» «по приверске прикащика Матвея Ягуповского». Отводу и данных на земли, на их попятки в той Новопышминской слободе нет.

«Верхопышменской слободы крестьяне Григорий, Федоров сын, Шабалкин, Василий Антропов, «рядовые (?)» крестьяне Осип, Тимофеев сын, Сажалов, Евсевий, Толстодеев (!) сын, Панов, Яков, Аникоев сын, Беккета, Павел, Михайлов сын, Павышев, Микифор Константинов, Дмитрий Константинов, Яков, Евдокимов сын, Ляпустин, Григорий Игнатьев Колесовых, Михайло, Федоров сын, Власовых, Артемий, Аникиев сын, Козицын, Пантелей Иванов, Василий Максимов Лепинских сказали: той де Верхотурской Верхопышменской слободы отводных меж и урочищ они не знают, и на отводе той земли не были, а у них де отводных и данных крепостей на ту землю нет» [9, с. 836-837].

Такая вот безрадостная картина предстала перед очами тобольского межевого начальника. Ему все-таки удалось очертить границы Калиновской слободы, тем самым в смежностях установив оные и для Новопышминской. Вот их описание.

«/.../от /.../ Каменской дороги до вершины той (Большой) Калиновки речки /.../ 3 вер. 410 саж. ... чрез вершину той Калиновки рч. И от той речки дубровую и через чистую ялань и от ялани чрез дуброву и подле высокую ялань до **Катайской дороги, которою дорогою езживали в прежнюю Софейскую заимку на Пышму реку, что на той заимке построена к Верхотурью Новопышменская слобода.** По мере от вершины Большой Калиновки до той дороги 2 вер. 860 саж. /.../ по той Катайской дороге до Каменского озера; а то озеро, по левую сторону той дороги по мере до того озера 1 вер. 700 с.; а от того Каменского озера по той же Катайской дороге дубровными и яланными местами до рч. Кунары до броду, по правую сторону той дороги земля Калиновской слободы, **а по левую сторону земля Верхотурской Новопышменской слободы, а по мере от того озера тою дорогою до Кунары речки до броду 6 вер. 490 саж.: а конец той дороги по правую сторону Кунары рч./.../ вниз по Кунаре речке до устья той Кунары речки к Пышме р. на север, а той дороги и от граненной сосны вниз по Кунаре речке до устья той Кунары речки и до Пышмы реки по мере 10 верст 120 сажень.**; а против устья Кунары речки прямо за Пышмою рекою на север... через бор и кочковатое болото

/.../ по дубраве яланью... через чистое болото на север на вершину Ляги речки и от Пышмы реки /.../ до чистаго болота по 1702 г. межеванью и против прежней дозорной описной книги сына боярского Федора Бовыкина на праве земля Кадиновск. Слободы, а **налеве земля Новопышменской Верхотурской слободы. А по мере от Пышмы реки /.../ от устья Кунары рч. до вершины Ляги речки /.../ 6 верст 930 саж.»** [9, с.852-854].

То есть к землям Новопышминской слободы были отнесены уголья по левую сторону Китайской дороги от точки южнее сегодняшнего с. Троицкого (ныне Богдановичский район) до теперешнего г. Богдановича (расстояние около 13 км). Граница в левобережье Пышмы проходила по линии, соединявшей устье Кунары с вершиной Ляги (длина около 14 км). Понятно, что правый берег Кунары от брода до устья (расстояние около 21 км) отведён Калиновской слободе. А вот чей берег левый межевщик деликатно умолчал. Дело в том, что земля от Кунары до Пышмы, как мы помним, находилась во владении Невьянского монастыря. А эта обитель в этом же 1702 г. была закрыта, крестьяне переданы заводу Демидова. Опала продолжалась до 1706 г., когда монастырь был восстановлен в правах.

Так, в самом начале XVIII века обозначились границы Новопышминской слободы. Однако, не вполне и не по всему периметру. Западные и северо-западные грани, установленные Митрополией явочным порядком, также требовали межевания. Судя по всему его не было ещё несколько десятилетий. При переписи слободы 1710 г., уже в составе Тобольского уезда, к ней были отнесены д.Ряпосово, д. Ирбицкая, находившиеся за периметром бывшей Софийской слободы. Явочным порядком?

Не урегулированы были отношения и с Белоярской слободой. В 1752 г её староста жаловался в Екатеринбургскую судебных и земских дел канцелярию, что не смотря на данную 1687 г. и чертёж « в нашу ж слободу и чертёж арамилыцы, камышевцы и **новопышминцы** без позволения въезжают и артелями лутчие места до указного часа захватывают, и от того ссоры и драки бывают, токмо убийства не бывало ещё от них. /.../ Арамилыцы, камышевцы и **новопышминцы** у нас белоярцев много распахной выпалили, без позволения ж /.../ где кто траву найдут, тут и косят /.../». [3, с.70-71]

Не понятно, как развивались отношения между Новопышминской слободой и Невьянским монастырём в части землевладения после 1706 г. Ясно, что частью угодий старцам пришлось попуститься. На их землях выросла правобережная Новопышминская слобода, д. Медведевка, д.Сухоложская. Однако оставим этот период за рамками работы.

Выводы

Период формирования и становления Новопышминской слободы представляет собой событийную и хронологическую последовательность со следующей степенью изученности:

1.Первым русским поселением на территории будущей слободы являлась заимка Невьянского Спасо-Богоявленского монастыря. Она основана в период между 1657 и 1662 гг. (более вероятно 1659-1662 гг.). Известно местоположение монастырского двора этой заимки (в устье Кунары), состав поселения по состоянию на 1703 г, заявленные межевые границы по состоянию на 1679 г. Межевое описание дешифровано и легко ложится на современную карту. Установление хронологии расселения монастырских крестьян вдоль р. Кунары требует изучения дополнительных архивных источников.

2.Слобода (заимка) Тобольского архиерейского дома основана в 1673-1674 гг. Известно местоположение дворового места слободы (вблизи устья р. Брусянки., ныне –

с.Знаменское). Как административная единица просуществовала до 1679 г. Все элементы межевого описания понятны и согласуются с межевым описанием заимки НБМ.

3. С 1679 г. право обладания территорией митрополичьей слободы перешло «новой Пышминской слободе» Верхотурского уезда. К декабрю 1680 г. на дворовом месте митрополичьей слободы был поставлен острог.

4. В 1684 г. верхотурские власти приказали перенести острог ниже по Пышме, вблизи устья Кунары, рядом с двором НБМ. Местоположение острога, установленное директивой, не соответствует фактическому (?), указанному на чертеже города Верхотурья (сост. С.Ремезовым в 1699-1700 гг.). Решение этого вопроса требует дополнительных исследований.

5. Установление границ Новопышминской слободы происходило (на рубеже XVII-XVIII веков) при межевании соседних слобод. Владения новопышминцев в этот период распространились вглубь левобережья Пышмы на 14 км и на 13 км южнее р. Кунары. (в секторе западнее линии Китайской дороги). Однако большая часть территории оставалась не разграниченной должным образом и являлась потенциальным источником земельных конфликтов. Учитывая нерешённость межевых вопросов, можно лишь предположить, что по состоянию на 1700 г. в состав слободы, кроме «столицы», входили нанесённые на Чертёж Сибири деревни Курина (левобережная), Курина (правобережная), Ряпосово, Усть-Ревтинка, Болша, Мосина. Две последние требуют идентификации с деревнями, учтенными переписью 1710 г., что невозможно сделать без дополнительных архивных данных.

Список использованных источников:

- 1.Афанасьев А.А.Сухоложье.Неизвестные страницы.Сухой Лог:2004
- 2.Дмитриев А. Пермская старина. Выпуск VII: Верхотурский край в XVII веке. Пермь, типография Н-ов П.Ф.Каменского, 1897
- 3.Из истории Урала (сборник документов и материалов).- Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, 1971
- 4.Коновалов Ю.В.«Из истории формирования населения поселка Рефтинский» http://www.okorneva.ru/index.php?main=books_of_Konovalev&id=100029
- 5.Манькова И. Л. Монастырская вотчина как хозяйственный комплекс (по материалам монастырей Восточного Урала XVII – начала XVIII вв.)//Каменный пояс на пороге III тысячелетия: Материалы региональной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – С.71-74.
- 6.Мосин А.Г. Уральские фамилии: Материалы для словаря. Том 1. Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии.- Екатеринбург, издательство «Екатеринбург», 2000
- 7.Перепись Верхотурского уезда 1659 г. РГАДА. Ф.1111. Оп.4. Д.40.
- 8.Чертёжная книга Сибири 1701 г., составленная С.У.Ремезовым и его сыновьями. Без выходных данных.
- 9.Шишонко В. Пермская летопись с 1263-1881 г. Третий период с 1645-1676г. Пермь, типография Губернской земской управы, 1884
- 10.Шишонко В. Пермская летопись с 1263-1881 г. Четвёртый период с 1676-1682г. Пермь, типография Губернской земской управы, 1884
- 11.Шишонко В. Пермская летопись с 1263-1881 г. Пятый период с 1702-1715г. Пермь, типография Губернской земской управы, 1889

СОДЕРЖАНИЕ

Рефтинский край до 1967 г.....	
Военнопленные Второй Мировой войны в Рефтинском крае.....	
Рефтинская старина.....	
Рефтинский край на чертежах С.У.Ремезова.....	
Основание Новопышминской слободы.....	

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

